

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№ 2

(апрель – июнь)

2018

CENTER FOR RESEARCH AND ANALYTICS
OF FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK

PERSPECTIVES AND PROSPECTS

E-JOURNAL

Nº 2
(APRIL – JUNE)

2018

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52
П27

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Рецензируемый научный сетевой журнал
«Перспективы. Электронный журнал»
№ 2 (14) (апрель – июнь)

E-journal «Perspectives and prospects»
№ 2 (14) (April – June)

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г.
ISSN 2411–3417 = Perspektivy (Moskva. 2015)
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

Редакционная коллегия:

Е.А. Нарочницкая – кандидат исторических наук, главный редактор;

Н.А. Нарочницкая – доктор исторических наук;

Е.Н. Рудая – кандидат исторических наук;

В.Г. Федотова – доктор философских наук;

Л.Н. Шишелина – доктор исторических наук;

П.П. Яковлев – доктор экономических наук;

А.В. Щербина – кандидат филологических наук, ответственный секретарь.

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52

Москва
2018

Содержание:

Яков ШЕМЯКИН. Историческая реальность в культурно-антропологической перспективе: экзистенциальный предел глобализации	6
Петр ЯКОВЛЕВ. Испания на старте нового транзита	33
Джон ЛОКЛАНД. Феномен Эмманюэля Макрона	49
Наталья ТРАВКИНА. Иммиграционная политика Д. Трампа: промежуточные итоги ...	69
Андрей ВИНОГРАДОВ, Александр САЛИЦКИЙ. США – Китай: начало торговой войны	82
Владимир КОНДРАТЬЕВ. Четвертая промышленная революция и глобализация	92
Петр ЯКОВЛЕВ. Мировой рынок нефти: противоречивые тенденции	109
Authors	125
Abstracts and Keywords	126

Contents:

Yakov SHEMYAKIN. Historical Reality from a Cultural Anthropological Perspective: Existential Limit of Globalization	6
Petr YAKOVLEV. Spain at the Beginning of a New Transition	33
John LAUGHLAND. The Phenomenon of Emmanuel Macron	49
Natalia TRAVKINA. Donald Trump's Immigration Policy: Intermediate Results	69
Andrey VINOGRADOV, Aleksander SALITSKY. USA - China: a Trade War Has Started	82
Vladimir KONDRATEV. The Fourth Industrial Revolution and Globalization	92
Petr YAKOVLEV. Global Oil Market: Conflicting Trends	109
Authors	125
Abstracts and Keywords	126

УДК 11; 14; 123; 327

Яков ШЕМЯКИН

Историческая реальность в культурно-антропологической перспективе: экзистенциальный предел глобализации

Аннотация. Раскрывая суть «антропологического поворота» в гуманитарных и социальных науках и опираясь на результаты сравнительных цивилизационных исследований, автор анализирует соотношение в человеке глобального, универсального, локального и индивидуального измерений. Многомерность человека и культур делает глобализацию невозможной на логико-смысловом уровне. Гипотетическая реализация такого сценария означала бы навязывание смыслов одной культуры всем остальным, рост социальной энтропии и гибельную деградацию человечества. Объективным экзистенциальным пределом глобализации, приходит к выводу автор, является культура во всем многообразии ее разновидностей, воплощающих логико-смысловой уровень интеграции человеческих сообществ.

Ключевые слова: антропологический поворот, глобализация, «классическая» цивилизация, «пограничная» цивилизация, флуктуация индивидуального поведения, глобальное, универсальное, локальное, индивидуальное.

«Антропологический поворот»: цивилизационный ракурс

Одним из главных факторов, определивших развитие гуманитарных и социальных наук во второй половине XX – начале XXI в., стал так называемый «антропологический поворот». Суть его сводится к следующему. Нет человека вообще, человек всегда конкретен. Любой из живущих на планете людей принадлежит к той или иной традиции, входит в некую общность (как правило, одновременно в несколько разных общностей), живет в определенном месте, связан с определенной социальной и природной средой. Он может менять место жительства и даже свою принадлежность к традиции (феномен смены идентичности, главным образом в современную «электронную» эру), но всегда так или иначе проходит свой собственный, неповторимый жизненный путь.

Иными словами, речь шла о преодолении восходящих к эпохе Просвещения представлений о единообразии человеческой природы, неизменной повсюду в «мире людей». В рамках этих представлений человек рассматривался как некий абстрактный индивид. «Антропологический поворот» означал переключение внимания исследователей на живых людей, неотделимых от конкретных условий своего существования.

Сведения об авторе: ШЕМЯКИН Яков Георгиевич – главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук; shemyakin3@gmail.com.

Тем не менее «просвещенческий» комплекс представлений не исчез и, более того, на современном этапе глобализации получил новый импульс. В основе этого комплекса лежит абсолютизация одного из измерений человеческой природы, а именно – ее универсальных характеристик. Между тем ни один человек не сводится к наличествующему в любом представителе вида *homo sapiens* универсальному измерению. Каждый являет собой крайне противоречивое единство глобального, универсального, локального и индивидуального измерений.

В данной работе сделана попытка, опираясь главным образом на результаты сравнительных цивилизационных исследований, проанализировать соотношение этих измерений в человеке. При этом необходим как минимум учет специфики различных цивилизационных типов, поскольку именно цивилизация, как самая масштабная культурно-историческая общность, обозначает те пределы, в рамках которых человек может быть рассмотрен именно как конкретное, живое и мыслящее существо во всем своем своеобразии, а не как «просто человек», неотличимый от других представителей «мира людей».

* * *

Все цивилизации без исключения одновременно и целостны, и многообразны, состоят из множества компонентов. Однако соотношение единства и многообразия принципиально отличается в различных типах цивилизаций. В цивилизациях, которые я условно называю «классическими» (к ним принадлежат социокультурные макрообщности планетарного масштаба, базирующиеся на мировых религиях), единый духовный стержень скрепляет собой многообразие. Наиболее полное воплощение классического типа цивилизаций – четыре великих культурных мира (западнохристианский, индо-буддийский мир Южной Азии с центром в Индии, конфуцианско-буддийский мир Восточной Азии с центром в Китае и мир ислама), основы которых были заложены в «осевое время» (I тысячелетие до н.э. по К. Ясперсу¹). Г.С. Померанц назвал их «субэкуменами», поскольку каждая из этих великих цивилизаций, изначально внутренне ориентированная на превращение в мировую, представляет собой качественно отличный от остальных мегапроект «единого человеческого общежития» [См.: Померанц Теория субэкумен... с. 205–227].

В цивилизациях «пограничного» типа, напротив, доминирует многообразие, которое преобладает над единством (что отнюдь не означает отсутствия последнего: оно тоже вполне реально). К этому типу исторически относились эллинистическая цивилизация и Византия. В настоящее время цивилизационное «пограничье» представлено Россией-Евразией, Латинской Америкой и Балканской культурно-исторической общностью. Вплоть до середины XX в. к «пограничному» типу относилась и Пиренейская Европа

1 Речь идет не непосредственно о зарождении «мира ислама», а о том комплексе идей и образов, который являлся общим и для мировых религий, и для философии, и который сформировался в основных центрах Евразии в период между 800–200 гг. до н.э. Ислам стал последней по времени возникновения из этих религий и, как известно, очень многое воспринял из идейного и образного тезауруса двух других авраамических религий – христианства и иудаизма.

(Испания и Португалия). В последние десятилетия XX – начале XXI в. преобладающей тенденцией ее эволюции стал процесс интеграции в западную «субэкумену». Однако, на мой взгляд, этот процесс далек от завершения, сохраняется контртенденция, направленная на поддержание «пограничного» статуса [Подробнее о сопоставлении «классического» и «пограничного» цивилизационных типов см.: Шемякин Европа...; он же Пограничные...; он же Цивилизации...; он же Феномен...; он же Граница...; он же Россия и Латинская Америка...; он же Идентичность и тип цивилизации...; он же Идентичность цивилизационного...; Проблемы культурного...; Земсков О литературе...; он же Образ...].

* * *

Исторический (в том числе и цивилизационный) процесс разворачивается на двух уровнях: личностном (индивидуальном) и надличностном (то есть на уровне человеческих общностей и социальных институтов различного рода). Различия эти относительны: надличностный пласт – нормативно-ценностная база той или иной цивилизации – есть в любом человеке [Шемякин Европа ... с. 168–173; Шемякин Пути и условия...]. Однако личность несводима к этой основе. Во всяком представителе вида *Homo sapiens* наличествует определенное «пространство свободы» по отношению к господствующим общепринятым нормам и ценностям, свободы в интерпретации этих норм и ценностей. Этот несводимый остаток, «собственно индивидуальный» пласт и обуславливает неповторимое своеобразие каждой человеческой индивидуальности. «Пространство свободы» может быть больше или меньше, в зависимости от того, в какой социокультурной среде действует индивид. Именно благодаря «пространству свободы» личность становится источником новаций. Следует подчеркнуть, что «надличностный уровень» существует в действительности лишь через посредство личностного уровня: любая общность или социальный институт обретают реальное существование только в деятельности принадлежащих к ним людей. В этом смысле личностный уровень – первичная основа всего исторического процесса.

Законом развития любой сложной системы являются флуктуации (колебания) элементов, из которых она состоит, в пределах определенных параметров. Это относится и к социокультурным системам, причем в данном случае речь идет о флуктуациях индивидуального поведения. Особенность личностного уровня разворачивания исторического процесса в том, что на нем происходят постоянные колебания традиций, общепринятых норм и ценностей, представляющихся неизменными на надличностном уровне. Эти колебания проявляются в интерпретации подобных норм и ценностей, которая всегда индивидуальна, даже если в основных чертах совпадает у большинства представителей данной социокультурной общности. Духовное пространство, в пределах которого возможна та или иная трактовка общепринятого, – это то самое «пространство свободы» человеческой индивидуальности, о котором шла речь выше. Пока колебания индивидуального поведения остаются в пределах определенных параметров, социокультурная система сохраняет целостность и относительную стабильность. Если же отклонения от общепринятых стандартов мышления и поведения выходят за эти пределы, приобретая массовый характер, флуктуации начинают угрожать целостности системы, которая вступает в этом случае в полосу кризиса.

Что касается надличностного нормативно-ценностного пласта в рамках самой личности, он является сложным по своей структуре. Причем сложность эта проявляется по-разному, в зависимости от того, под каким углом зрения мы ее рассматриваем. С определенной позиции этот пласт предстает как сочетание глобального, универсального и локального измерений в рамках персонального жизненного пространства. (Возможен и иной ракурс, который будет проанализирован далее.) Чтобы определить параметры, вокруг которых происходят флуктуации индивидуального поведения в рамках социокультурных систем, необходимо раскрыть содержание данных понятий. Повторю здесь вкратце ранее изложенные в других моих работах выводы [Шемякин Глобальное...с.171–214; он же О пределах...Статья 1, с. 158–172; Статья 2, с. 143–157; Idem Spatial-Temporal... p. 123–137].

«Глобальное» и «универсальное»

Чаще всего эти понятия воспринимаются (причем не только в массовом сознании и политической лексике, но и в научном дискурсе) как синонимы. На мой взгляд, подобное восприятие в некоторой степени искажает действительность. Семантические поля этих терминов в значительной своей части действительно пересекаются, но далеко не полностью. «Глобальное» и «универсальное» – это понятия одинакового объема, поскольку и то и другое охватывают все человечество в целом, но несколько различного содержания, так как в них фиксируются качественно различные характеристики этого целого. А именно – устойчивость и изменчивость. Глобальное – это реальная система связей, охватывающая весь мир, становление которой происходило в ходе истории постепенно. В термине «универсальное» фиксируются общие черты, характерные для всех людей независимо от их принадлежности к той или иной эпохе или культуре, на протяжении всего времени существования вида *Homo sapiens*.

Глобальное – это реальность, формировавшаяся по мере того как складывалась единая система связей, охватывающая «мир людей». Универсальное – это реальность изначальная (по крайней мере, с эпохи антропо- и социогенеза) и инвариант человеческой истории [Шемякин О пределах... Статья 1, с. 161]. Конкретное проявление универсального в истории – это прежде всего базовые потребности человека, обусловленные его психофизиологической природой. Наряду с первичными витальными потребностями, детерминированными биологической организацией «человека разумного» и по сути общими с животным миром (в пище, питье, сексе и продолжении рода), к числу таковых принадлежит и собственно человеческая потребность в упорядочивании как своего опыта, так и окружающей действительности [Там же]. Результаты фундаментальных исследований показали, что стремление так или иначе удовлетворить эту потребность – определяющая бессознательная мотивация поведения «человека разумного» [См.: Бессознательное...с. 321–323]. Упорядочить же собственный опыт, как и окружающую реальность, человек может лишь в том случае, если выработан подход к решению коренных проблем – противоречий человеческого существования (между мирской и сакральной сферами бытия, человеком и природой, индивидом и социумом, традиционной и инновационной сторонами культуры) [См. подробнее: Шемякин Европа...]. Только на основе подобного решения может быть создана система экзистенци-

альной ориентации, то есть ориентации как во внешнем мире, так и в мире собственной души. Без подобной системы ориентации люди не могут жить. Только создав ее, человек обретает смысл существования.

В этой связи следует уточнить, что собственно человеческая потребность в обретении смысла оказывает мощное воздействие на сферу других, биологических в своей основе, первичных витальных потребностей, во многом определяя форму и характер их проявления. И когда при первой встрече представителей качественно различных, чрезвычайно далеко отстоящих друг от друга традиций проявляется общность их коренных витальных потребностей, первичное осознание этой общности имеет фундаментальное духовное значение. Очень точно охарактеризовал суть этой ситуации В.Н. Топоров: «Когда европейцы на рубеже XV и XVI вв. впервые вступали на землю обеих Америк, они встретили там людей, находившихся как бы за пределами этого мира, за бесконечным Океаном, за многие тысячи километров от родины этих первооткрывателей. А за долгие тысячи лет до этого (в отдельных случаях, видимо, и за десятки тысяч лет) далекие предки европейцев и индейцев, жившие в противоположных концах Евразийского континента, на Западе и на Востоке, так же были удалены друг от друга на максимально возможное на Земле «непрерывное» (по суше) расстояние, астрономическая величина которого исключала, казалось бы, даже опосредованные связи «эстафетного» типа... И тем не менее, первый жест первого европейца, ступившего на землю Америк, был принят и понят в той мере, в какой это было необходимо обеим сторонам для установления связи, и на него был дан ответ, который тоже был принят и понят. Связь была установлена и прошла первую проверку: она оказалась возможной. Это была связь «в человечестве», в человеческом духе (потому что в этих условиях глоток воды и кусок хлеба, данные «чужим», образуют факты прежде всего духовного и уж потом материального значения), а сама возможность и, если угодно, естественность установления связи в «неестественных» условиях стала главным аргументом «за», который уже не мог быть отмененным в своей основе, несмотря на все трагические эпизоды в будущем, когда естественное и вытекающее из реальных нужд и подлинно человеческих потребностей затмевалось и искажалось извращениями «человеческого» и «противочеловеческим» [Топоров Пространство... с. 11].

Тот или иной тип экзистенциальной ориентации закрепляется в определенной системе ценностей. Выбор какого-либо из путей решения коренных проблем-противоречий человеческого существования означает и избрание совокупности ценностных ориентаций.

Различные культуры по-разному подходят к решению ключевых экзистенциальных проблем. Собственно, каждая из них в одной из своих ипостасей представляет собой конкретную интерпретацию универсального измерения человеческой природы. В ходе истории та или иная культура или «коалиция культур» (К. Леви-Стросс), цивилизация, может стать фактором глобального масштаба, оказывающим воздействие на все человечество [Шемякин О пределах... Статья 1, с. 162].

С точки зрения семиотики любая культура может быть представлена как текст. Именно в этом смысле В.Н. Топоров, например, писал о «Балканском макротексте» [Топоров Балканский...с. 1–25].

Культуры, «коалиция» которых образует цивилизационную общность, являют собой различные интерпретации общего для них цивилизационного текста. Сам же этот текст основывается на том или ином подходе к решению ключевых проблем человеческой экзистенции, о которых шла речь выше. Этот подход варьируется до определенных пределов – в зависимости от того, как решается вопрос о соотношении единства и многообразия: от ситуации, характеризующейся доминантой многообразия (при парадоксальном сохранении реального единства) в цивилизациях «пограничного» типа до ситуации, определяющей доминантой единства в «классических» цивилизациях. В последнем случае принцип преобладания единства может проявляться с разной степенью жесткости [См.: Шемякин Феномен... с. 23–25].

Все многообразие текстов человеческих культур тяготеет к трем главным парадигмам – базовым интерпретациям универсального измерения человеческой природы. Каждую из них отличает свой способ удовлетворения фундаментальной психофизиологической потребности человека в обретении смысла (и, соответственно, решения ключевых экзистенциальных противоречий), качественно отличный от двух других. Это наследие архаики, традиция первого «осевого времени» (по К. Ясперсу) и традиция «второго осевого времени» (эпохи модернизации по Ш.Н. Айзенштадту и др.). Хотя они появились на арене мировой истории во вполне определенной хронологической последовательности, речь в данном случае не может идти о смене одной стадии другой. Попытка обобщить опыт многих исследователей привела меня к выводу, что в основе всех ныне существующих культур и цивилизаций лежит та или иная форма диалога названных трех интерпретаций универсального.

В этой связи следует особо остановиться на роли архаики. Для того чтобы стал возможен реальный диалог различных традиций, они должны быть, по меньшей мере, сопоставимы по уровню сложности и глубины. Когда речь идет о взаимодействии религиозно-философских систем, основы которых были заложены в «осевое время» (по К. Ясперсу), решение представляется вполне очевидным: они полностью равноценны. Но встает вопрос: возможен ли диалог между «осевыми» традициями (великими священными Текстами, которые положены в основание субэкумен) и архаикой? Можно ли вообще говорить об архаическом наследии как о сколько-нибудь цельном (по крайней мере, в своих основаниях) культурном Тексте? Разные авторы отвечают по-разному, иногда один и тот же исследователь дает противоположные версии ответа [См., например: Померанц Великие... с. 141; он же Выход из трансa, с. 340, 341, 343].

Так или иначе, исследования многих ученых [См. в особенности: Топоров Мировое древо... с.21, 264, 266–267] убедительно показали, что наследие архаики продолжало играть значительную роль и после «осевой» революции I тыс. до н.э. и утверждения мировых религий. Здесь особо выделяется московско-тартуская школа отечественных лингвистов, в первую очередь труды В.Н. Топорова и Вяч. Вс. Иванова [Шемякин О пре-

делах... с. 162–167] и работы участников теоретического семинара «Теория и методология архаики» (1996–2012 гг.), действовавшего в рамках петербургской Кунсткамеры. Приведу два ярких примера.

По словам В.Р. Арсеньева, архаику следует рассматривать как «некое целостное, самоценное и жизнеспособное органическое явление, обладающее иной качественной определенностью, чем цивилизация» [Арсеньев Архаика... с. 14]. Согласно его же развернутому определению, архаика – это «исторический этап существования человеческих *обществ* в условиях включенности людей в систему *природы*, осознанного следования обществом и его членами ритмам и императивам *природы*. Этот этап характеризуется прямым *природообменным процессом*: *природные потребности общества* составляют доминанту всех форм деятельности людей и удовлетворяются прямым взаимодействием с Природой. Сама *Природа* в сфере отражения не осмыслена, не вербализирована и не концептуализирована. Именно для этого этапа наиболее органично восприятие *бытия* как данного в чувственном, надчувственном и сверхчувственном отражении проявления, манифестации всецелого, всеединого и всесвятого «*Все*», вербализуемого нами как «*Мир*», «*мироздание*», «*Вселенная*». Это этап, на котором люди воспринимают себя как неотрывный компонент, органичную часть всеобщего *бытия* и, пользуясь им в его проявлениях и воплощениях для своего жизнеобеспечения, соблюдают нормы баланса и умеренности в удовлетворении своих потребностей, а также непреложности ответных действий для восстановления нарушаемых естественных соответствий во всецелостном бытии» [Арсеньев Свод основных... с. 27].

Однако архаика – отнюдь не только определенный, принадлежащий далекому прошлому этап эволюции человеческого общества; она продолжает жить в настоящем. Арсеньев подчеркивает: «В реальной жизни весь этнографический материал выступает прекрасным примером, показывающим, что Архаика в ее категориальном смысле является обязательной стороной всех наблюдаемых культур – в том числе и тех, что с необходимостью должны были бы относиться к цивилизационным. Даже если по внешним формальным признакам общество и выступает индустриальным или постиндустриальным (как те, что мы наблюдаем в Германии, Франции, Великобритании и т.п.), в них в качестве субстрата обязательно присутствует (пусть на уровне бытовой культуры, на уровне субстрата сознания) то, что с неизбежностью выражает качественную специфику Архаики» [Арсеньев Архаика... с. 17].

К аналогичному выводу пришла и другой участник упомянутого семинара – Т.И. Щербакова. Опираясь на работу Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского, осуществивших сравнительный анализ мифологического (одно из наиболее ярких проявлений архаики) и логического типов мышления, Щербакова подчеркивает «историческую глубину и качественные характеристики» архаического сознания, «восходящего к глубокой древности и в то же время наблюдаемого ныне» [Щербакова, с. 19]. Лотман и Успенский выдвинули гипотезу, согласно которой исконным свойством человеческого сознания является его гетерогенность: «Самая возможность описания мифа носителем современного сознания была бы весьма сомнительной, если бы не гетерогенность мышления, которое сохраняет в себе определенные пласты, изоморфные мифологиче-

скому языку...» [Лотман, с. 293]. Элементы мифологического мышления, показали эти авторы, встречаются в речевом поведении людей цивилизованных обществ [Там же]. Как отмечает Щербакова, разделение мифологической и дискретно-аналитической форм сознания обусловлено тем, что «обе эти формы являются производными одного мозга, связанными с функциональной деятельностью правого и левого полушарий, которые сформировались в процессе длительной эволюции вида *Homo sapiens*... Гетерогенность сознания изначально является фундаментальным свойством человеческого мозга, но на разных этапах исторического развития в разных культурах проявляется доминирование то правополушарной, то левополушарной системы (соответственно мифологического или аналитического мышления). Для ранних ступеней онтогенеза в большей степени характерен мифологизм мышления, тогда как в современном мире... явно проявляется тенденция к преобладанию аналитического мышления, связанного со стремительным ростом научно-технического прогресса» [Щербакова, с. 19–20]. Тем не менее мифологическое сознание продолжает проявлять себя и сегодня, «архаика» как свойство человеческого мозга внутренне присуща каждому человеку...» [Там же, с. 22].

Т.И. Щербакова выделяет три смысла, вкладываемых в анализируемый термин: «архаика как категория времени, архаика как явление культуры и архаика как свойство человеческого мозга... В первом случае это раннее, начальное звено на хронологической прямой, в двух других – некоторые качественные характеристики вневременного порядка, сопутствующие виду человека разумного на всем протяжении его существования. С этих позиций архаика является не только чем-то навсегда ушедшим, но и частью современного мира» [Там же, с. 24].

Есть одна отличительная характеристика мифопоэтического сознания, которая обуславливает его вневременное значение для человеческой культуры. Несмотря на различные обоснования этой идеи у В.Р. Арсеньева и Т.И. Щербаковой по сравнению с В.Н. Топоровым, все трое едины в убеждении, что архаика обеспечивает «целостный взгляд на мир, на все окружающее человека и на него самого» [Топоров Мировое... с.274]. «Потребность в целостном взгляде, тоска по целому, которое одно только и может быть истинным, делает непреходящей задачу постижения именно целого и создания соответствующего языка для его описания. В мифопоэтическом мышлении прошлого, как и в мистических откровениях всех времен, человек нередко подходил к решению проблемы языка, на котором можно было бы одновременно описывать макрокосм и микрокосм. Но эти решения, к сожалению, всегда были окказиональны или же не поддавались передаче на язык повседневности» [Топоров Мировое древо... с. 274–275]. На основании этих умозаключений Топорова, как и приведенных выше положений Арсеньева и Щербаковой, можно сделать вывод: поиск новых решений «проблемы целого» необходимым образом предполагает диалог с наследием архаики, с ее культурным Текстом.

Значимость наследия архаики – эпохи «мирового древа» в терминологии В.Н. Топорова – в полной мере проявилась в сфере осмысления сакрального измерения жизни. Это подтверждается, в частности, выводами видных отечественных ученых в отноше-

нии начальных этапов истории нашей цивилизации [Иванов О выборе веры... с. 287–298; Трубачев, с. 197 и др.; Топоров Святость... с. 477, 479–489; Мильков, с. 40–66; Зубов, с. 147; Толстая, с. 619].

Различные культуры эпохи «мирового древа» представляют собой разные выражения единого культурного Текста архаики. Они достаточно существенно отличаются друг от друга по степени сложности и глубины. Но если брать картину в целом, архаические традиции эпохи «мирового древа» (и восходящие к этой эпохе) вполне сопоставимы по степени сложности и глубины с «осевыми» Текстами.

Разумеется, «осевые» традиции представляли собой качественно новый этап в духовном развитии человечества. Но между ними и архаическим наследием – не только разрыв, но и преемственность. Сами религиозно-философские системы, основы которых были заложены в первое «осевое время» (по Ясперсу), возникли на базе переосмысления предшествовавшего опыта, в ходе и в результате напряженного диалога-спора с наследием архаики. Более того: сами они могут быть интерпретированы как диалог качественно различных способов восприятия и духовно-практического освоения мира человеком – тысячелетних традиций эпохи «мирового древа» и тех новых принципов, которые были выдвинуты в различных центрах Евразии в I тыс. до н.э.

Именно к такому выводу пришел в ходе своих размышлений над ходом мировой истории и Г.С. Померанц, по словам которого, «христианское мышление можно понять как своеобразно организованный диалог двух семиотических подсистем – понятийно-точной и мифопоэтической». Более того: «Та или другая организация этого диалога характерна (и, по-видимому, необходима) для всех мировых религий. Они упорно вырабатывают правила диалога и хранят их как свою величайшую святыню». Причем особенно важно то, что и в наше время «диалог мифопоэтического и понятийно-точного мышления отнюдь не исчерпан» [Померанц Иконологическое... с.340–141, 344]. В этой связи нельзя не упомянуть о том, что этот вывод по своей сути противоположен сформулированной в других работах этого автора идее о невозможности «смешивать» «неравнозначные», по его мнению, культурные традиции – духовно-культурное наследие субэкумен и архаику [Померанц Великие... с. 141].

Я согласен с приведенным выше тезисом Г.С. Померанца, с одним лишь уточнением: «мифопоэтическое» мышление имеет свою *логику*. Чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно вчитаться в многочисленные труды, посвященные архаическим культурам. Как подчеркивал, в частности, В.Н. Топоров, мифология – это особый *тип* мышления [Топоров Мировое дерево... с. 26]. И то, что мифологическая система воззрений качественно отличается и от логики Аристотеля, и от ярко охарактеризованной Померанцем «тринитарной» логики христианства [Померанц Троица... с. 316–337], отнюдь не значит, что в архаическом мышлении безраздельно господствует алогон¹. Для

1 Алогон – противоположный логике. Это общепринятый (хотя и не часто употребляемый) в философской традиции термин, обозначающий принцип мышления, отношения к миру, и организации жизненного пространства, отрицающий логику.

этого мышления характерен свой, особый взгляд на мир, отнюдь не чуждый стремлению тщательно и подробно классифицировать все известные человеку явления, упорядочивая тем самым свой опыт и свою картину мира [См., например: Levi-Strauss *La pensée...*; Гамкрелидзе, с. 465–854 и др.]. Так, Т.И. Щербакова, ссылаясь на К. Леви-Стросса, констатирует: «Если обратиться к многочисленным примерам из жизни современных этнических групп с сохранившимся ярко выраженным мифологическим мышлением, то окажется, что аборигены обладают абсолютной способностью к созданию сложных классификаций логического типа, построенных по абстрактным признакам» [Щербакова, с. 20; Леви-Стросс].

По-видимому, начиная с I тыс. до н.э. основу мирового цивилизационного процесса составляет диалог двух качественно различных духовно-мировоззренческих систем – «мифопоэтической» (эпохи «мирового древа») и той, которая родилась в результате «осевой» революции. Начиная с XVII–XVIII вв. к ним добавился еще один участник – «вторая ось»: ценностно-смысловой комплекс, ядром которого стала новоевропейская наука [См. подробнее: Eisenstadt, p. 320–340; Ясперс, с. 97, 101–105; Шемякин *Европа...* с. 68–82; он же *В поисках смысла...* с. 210–242; он же *Граница...* с. 119–122]. Начиная с XIX в. этот «трехсторонний диалог» (точнее, уже полилог) характерен для всех без исключения цивилизаций. Однако соотношение составляющих данного полилога в разных цивилизационных типах существенно отличается [См. об этом: Шемякин *О характере...* с. 15–26; он же *Субэкумены...Статья 1*, с. 113–123; *Статья 2*, с. 119–129].

* * *

По мере того как «мир людей» охватывал всю планету, универсальное становилось глобальным, эти реальности все более накладывались друг на друга, достигнув, по-видимому, максимальной степени совпадения к началу XXI в. Соответственно, семантические поля понятий, отражающих эти реальности, в настоящее время в значительной мере пересекаются. Но не полностью! Глобальное – это то, что охватывает весь мир, но на разной глубине. Глобальное становится синонимом универсального в том случае, если оно затрагивает всех людей и все культуры на самом глубоком уровне [Шемякин *О пределах процесса...*Статья 1, с. 167]. Однако есть глобальные по своему охвату феномены, которые затрагивают человека и те или иные локальные сообщества людей на поверхностном или, во всяком случае, на недостаточно глубоком уровне. К числу таковых принадлежат, к примеру, многие явления современной «массовой культуры», особенно в сфере потребления, досуга и развлечений.

Впрочем, здесь следует сделать оговорку: «массовая культура» – явление отнюдь не примитивное, как может показаться на первый взгляд. В ней есть, несомненно, универсальная составляющая, главным проявлением которой является использование современных технологий, приводящее к существенному расширению и резкой интенсификации контактов между людьми и культурами. По-видимому, это тот феномен, который Ф. де Соссюр определил как «силу общения». Речь идет об обмене информацией, понимаемой в самом широком значении: как обмен не только сведениями, но и смыслами. Наблюдается резкое увеличение количества как сведений, так и различных смы-

слов, циркулирующих по каналам внутрикультурной и межкультурной коммуникации. Но дело не столько в количественных, сколько в качественных изменениях. И здесь обращают на себя внимание два обстоятельства.

Во-первых, современные технологии привели к существенному увеличению веса и значения личных контактов в мировом информационном пространстве, а следовательно, личностного уровня межцивилизационного взаимодействия.

Во-вторых, «электронная эра» отличается очень существенным усилением роли и значения образно-эмоциональной сферы человеческой психики. То есть той сферы, в рамках которой человек реализует одну из двух главных интеллектуальных стратегий, о которой уже упоминалось: «правополушарную», предполагающую, как установил в ходе своих исследований Вяч. Вс. Иванов, познание и духовно-практическое освоение мира посредством целостных образов. А это, в свою очередь, означает значительное повышение роли той архаической парадигмы универсального, которая была охарактеризована выше [Иванов До–во время–после?.. с. 141, 143, 149, 155 и др.]. Происходит (практически повсеместно) «всплытие» из глубин психики архаических пластов, в том числе и в странах, казалось бы, дальше всех ушедших по пути модернизации. И это не «вторая жизнь» архаики [Хачатурян] – скорее, актуализация той архаической составляющей (как человеческой психики, так и всех человеческих культур), что никогда не исчезала, пребывая либо в активном режиме функционирования (в условно «традиционных» обществах и в цивилизационном «пограничье»), либо, так сказать, в «спящем» режиме.

Вопрос о грани, отделяющей современную массовую культуру от «высокой» культуры, не поддается однозначному решению. Эта грань зачастую проходит не между теми или иными видами деятельности в сфере культуры, а в их собственных рамках. Возьмем, к примеру, такой вид литературы, как фэнтези, издаваемый огромными тиражами. Я считаю, что произведения основоположников и наиболее выдающихся его представителей (таких, как Дж.Р.Р. Толкиен, Дж.Р.Р. Мартин, Р. Джордан, А. Сапковский – список может быть продолжен) принадлежат «высокой» культуре, в отличие от массы подражательной достаточно примитивной продукции этого рода. На рубеже II и III тысячелетий христианской эры наблюдается мощное вторжение тем, образов и сюжетов фэнтези (как правило, лучших образцов) и в сферу компьютерной мировой онлайн индустрии, и в кино, и на телеэкраны.

Очевидно, однако, что основные черты современной массовой культуры определяются главным образом западными стандартами восприятия и потребления. Конечно, и в этой своей ипостаси массовая культура содержит в себе универсальное измерение: она неразрывно связана с процессом модернизации – третьей глобальной парадигмой универсального в истории. Однако в настоящее время главные ценности модернизации в ареале «фаустовской» цивилизации (в том числе в установках, определяющих стандарты поведения в самых различных сферах, начиная с повседневной жизни) во многих случаях превращаются в собственную противоположность.

Это касается прежде всего двух фундаментальных основ комплекса ценностей модернизации – индивидуальной свободы выбора и рациональности. Такую тенденцию давно отследили, проанализировали и подвергли жесткой критике многие видные мыслители самого Запада. Особое место среди них занимает Э. Фромм, исследовавший феномен «бегства от свободы», в том числе – в современной форме массового «автоматизирующего конформизма» западного обывателя [Фромм]. Подобный конформизм предполагает, в том числе, блокирование механизма контрсуггестии, то есть способности критически оценивать поступающую в мозг информацию, а тем самым – и «бегство от рациональности». Это означает, в свою очередь, пассивное восприятие навязываемых рекламой и масс-медиа стандартов поведения в самых различных областях жизни.

Западные стандарты массового потребления, казалось бы, ориентированные на удовлетворение одной из первичных витальных потребностей человека, на самом деле предлагают такой (несомненно, культурно детерминированный) путь ее удовлетворения, который отнюдь не решает проблем голода и недоедания в значительной части мира.

Стандартизированные по западному образцу формы досуга и развлечений не отменили в значительном числе случаев тягу локальных культур к сохранению и воспроизведению собственных традиций в этих областях. Достаточно вспомнить феномен латиноамериканского праздника, значение которого в цивилизационной системе латиноамериканского «пограничья» резко увеличилось в XX в. [Iberica Americans; Шемякин Латиноамериканский праздник... с.43–62; Шемякин Латиноамериканский карнавал... № 5, с. 62–77; №6, с.53–69]

Отторжение на ценностно-смысловом уровне западной версии универсальности истории вполне может сопровождаться активным использованием достижений «фаустовской» цивилизации в области технологии и организации. Именно такое сочетание было характерно и для левосоциалистических режимов, пытавшихся воплотить в жизнь альтернативные версии модерн-проекта, и для авторитарных режимов традиционалистской ориентации. В последние десятилетия наиболее активно проявляет себя в этом плане религиозный фундаментализм, особенно исламский.

Активно используя позаимствованные у Запада информационные и военные технологии, исламисты утверждают агрессивную тоталитарную версию «осевой» (по чисто внешним признакам) разновидности универсальной парадигмы, являющую собой на практике отрицание универсализма. Похоже, исламский терроризм приобрел или приобретает значение глобального фактора, оказывая негативное воздействие на весь «мир людей» в целом. Как такое возможно? Как может универсализм (в данном случае универсализм мировой религии) превращаться в собственную противоположность, решительно отрицающую само право на существование иных интерпретаций общечеловеческой природы? Чтобы подойти к ответу на этот вопрос, необходимо рассмотреть еще один параметр.

Локальное и универсальное в реальности культуры

В любой культуре (в том числе и в культуре цивилизационного уровня) есть, помимо универсального, локальное измерение, как в любом человеке – неповторимые, только ему свойственные индивидуальные черты. Реальность локального обусловлена уже тем фактом, что всякая общность людей существует в так или иначе ограниченном пространстве – в определенном локусе. Этот локус характеризуется теми или иными особенностями природной среды; люди, в нем живущие, имеют собственную историю, которая накладывает на них отпечаток; они обладают определенными этническими и языковыми характеристиками. В этом смысле любая культура (в том числе и те цивилизации, которые часто называют «мировыми») локальна. И ее локальные характеристики образуют неразрывное и всегда противоречивое единство с ее универсальными характеристиками.

Универсальное и локальное представляют собой полюса дуальной (бинарной) оппозиции – элементарной «клеточки», «первокирпичика» человеческой культуры в любой из ее ипостасей. Заметим, что полюс локализма также имеет сложную, неоднородную структуру. В нем можно выделить различные уровни: цивилизационно-региональный (относящийся к особому культурно-историческому региону, который обычно представляет собой, говоря словами К. Леви-Стросса [Levi-Strauss *Dinamique...* p. 281–284] «коалицию культур»); уровень отдельных культур нецивилизационного масштаба; уровень отдельных стран; и, условно, «местный» уровень (относящийся к району или конкретному месту). В каждой культуре в тот или иной период времени «вектор конструктивной напряженности» [Ахиезер, с. 32–33] (преобладающая ценностная ориентация сознания и поведения) ориентирован либо на полюс универсализма, либо на полюс локализма. Колебания этого вектора можно проследить в истории различных цивилизаций¹.

Биному «универсальное – локальное» синонимична бинарная оппозиция «единство – многообразие». Их семантические поля совпадают. Разумеется, речь не идет о простом тождестве. В рамках любой локальной разновидности человеческого бытия всегда наличествует универсальное измерение, причем оно может проявляться во множестве самых различных вариантов. Однако универсальное как воплощение общечеловеческого единства не перестает от этого быть самим собой, также как локальное не перестает быть проявлением онтологической реальности многообразия.

Можно утверждать, что локальное – столь же основополагающая реальность человеческой истории и жизни, как и универсальное [Шемякин *Европа...* с. 9–10]. Данное понимание этой проблемы отчасти опирается на традицию Платона и неоплатоников, но то же время существенно отличается и от нее: у Платона и его последователей любые различия, любое многообразие есть лишь совокупность внешних проявлений принципа единства, своего рода пестрая маска, скрывающая лик подлинного духовного бытия, понимаемого как синоним Единого.

1 Автор данной статьи исследовал ритм этих колебаний на примере латиноамериканской цивилизации. См.: [Шемякин *Универсализм...* с. 93–104]. Свой ритм, очевидно, есть и у иных цивилизаций, однако их изучение в этом ракурсе требует отдельных конкретных исследований.

Согласно моей гипотезе, единство и многообразие суть самостоятельные, качественно отличные друг от друга активные начала человеческого существования. Каждое из них обладает собственной динамикой бытия и находится в сложных, противоречивых отношениях с другим началом. На ключевую значимость начала многообразия и его самостоятельный, «равночестный» по отношению к началу единства онтологический статус указывают многие видные ученые. Так, ведущий идеолог британского мультикультурализма рубежа веков Б. Парех подчеркивал, что «различные культуры представляют собой не надстройки над одинаковыми и неизменными основаниями, не выражения общей человеческой сущности, а уникальные человеческие творения, которые придают различное значение и направление тем свойствам, которыми обладают все люди... Так как человеческие существа являются культуросозидающими существами и способны к творческому самопреобразованию, они не могут пассивно наследовать разделяемую всеми ими природу» [Parekh, p. 122. Подробнее о концепции см.: Прокофьев, с.434–442].

А.В. Смирнов, видный востоковед и один из самых глубоких современных отечественных мыслителей, обосновывая аналогичную мысль, обратился к наследию великого представителя арабо-мусульманской культуры (конкретнее – философии суфизма) Мухьи ад-Дин ибн Араби, 850-летие которого отмечалось в 2015 г. По словам Смирнова, ибн Араби «дал теоретическое обоснование абсолютной веротерпимости... Его кредо можно сформулировать так: лишь то вероисповедание истинно, которое принимает истинность любого другого вероисповедания в качестве условия собственной истинности... Здесь признание истинности любого другого вероисповедания не просто допускается (в качестве уступки, добровольной или вынужденной), но включается как органическая часть в условие истинности собственного вероисповедания...». Основываясь на этой идее, Смирнов выдвигает свой вариант обоснования онтологического статуса многообразия: «Формула ибн Араби... замечательно проецируется на вопрос о том, каким может быть отношение к несомненному факту культурного многообразия. Попробуем перетолковать эту формулу так: лишь та культура истинна, логика которой требует признания истинности любой другой культуры в качестве условия собственной истинности. Не «допускает», а именно требует. Это – формула логической все-истинности культур; не формула сведения их к некоей единой, найденной и зафиксированной, «общечеловеческой» истине, а формула, утверждающая собственную, нередуцируемую логическую истинность любой из культур» [Смирнов, с. 6–7].

Н.А. Сосновский, один из интереснейших отечественных ученых, исследовавший вполне конкретный социокультурный феномен – культуру Растафари в глобальном контексте, пришел к выводу, что «планетарная цивилизация» мыслима исключительно как «пространство диалога культур с общей метакультурой...» [Сосновский, с. 10]. «Перспективы развития всечеловеческой цивилизации можно представить себе как чередование стремления к сближению и – как результат – к взаимному отталкиванию. Сближение не может доходить до унификации и потери самобытности: это не только порождает «культурную шизофрению», но и противоречит общепринятым в различных областях знания (причем как сторонниками сциентистских подходов, так и их оппонентами) положениям о внутренней неоднородности целого как условия его существования...» [Сосновский, с. 11].

Экзистенциальный предел глобализации

Неизбежно встает вопрос: как соотносятся «локальное» и «глобальное»? А за ним скрываются еще два: все ли глобализуемо и возможна ли в принципе глобальная культура (или цивилизация) как некий единый организм?

Попытаемся ответить на эти вопросы, опираясь на выдвинутую Питиримом Сорокиным концепцию, в соответствии с которой различаются степени (типы, формы) интеграции элементов культуры. Сорокин выделяет четыре уровня культурной интеграции: 1) «...пространственное, или механическое соседство (от неустойчивого и случайного соединения двух или более культурных объектов до механического сцепления элементов в рамках одного структурного единства – скажем, склеенные, сцементированные, сшитые или связанные друг с другом элементы); 2) ассоциация под воздействием внешнего фактора; 3) причинная, или функциональная интеграция; 4) внутреннее, или логико-смысловое единство».

К первой из обозначенных форм интеграции «относится любой конгломерат культурных элементов (предметов, свойств, ценностей, идей) на данном участке социального и физического пространства, имеющий в качестве единственной объединяющей основы пространственное или механическое соседство». Наиболее типичный бытовой пример – захламленный чердак. Впрочем, по весьма язвительному замечанию Сорокина, «то же самое можно сказать и по поводу пространственной конгломерации различных архитектурных стилей, и по поводу научных дискуссий о различных социальных проблемах, опубликованных в одном сборнике, но логически не связанных друг с другом» [Сорокин, с. 21–22].

Во втором случае речь идет о ситуации, когда элементы, граничащие в пространстве, соединяются воедино под воздействием внешнего фактора. П. Сорокин приводит хорошо известный ему пример сочетания жизненных реалий на севере Вологодской губернии. Соединение там в образе жизни таких артефактов и явлений культуры, как водка, лыжи, большие печи, избы из толстых бревен, валенки, «зимние посиделки по вечерам», является исключительно следствием климатических условий [Там же, с. 22].

Третий тип и более высокая степень интеграции – «причинное или функциональное единство». «Таким единством называется комбинация элементов культуры, при которой они образуют единое причинное или функциональное целое». Иллюстрируя качественное различие между третьим и первыми двумя типами интеграции, Сорокин противопоставляет образ дома как реализованного структурного и функционального единства и образ сложенной во дворе груды материалов, из которых дом еще только может быть построен. Главный принцип данного типа взаимосвязи – «осязаемая, заметная, фиксируемая непосредственно зависимость (взаимная или односторонняя) переменных величин или элементов друг от друга или от системы в целом». «Если за переменной А всегда следует В <...> мы говорим, что они находятся в функциональной взаимосвязи» [Там же, с. 22–23].

Наконец, четвертый уровень интеграции – «логико-смысловое единство элементов культуры». «Это – высшая форма интеграции», «сверхинтеграция» [Там же, с. 26–27]. Поскольку «высшие ценности и комплексы ценностей любой великой культуры относятся к разряду логико-смысловых единств, именно этот уровень и придает ей социокультурную <...> индивидуальность, ее особый стиль, облик и характер [Там же, с. 32–33]. Как подчеркивает Сорокин, в рамках логико-смыслового единства связь частей «гораздо глубже, чем в случае простого функционального объединения» [Там же, с. 26].

Сравнивая третий и четвертый уровни интеграции, русский мыслитель отмечает, что «причинно-функциональные» или «вероятностные» формулы интеграции предоставляют в наше распоряжение «образцы единообразия (patterns of uniformity)», «которое может быть обнаружено во взаимоотношениях множества отдельных компонентов этого бесконечного хаоса», каковым являются и Вселенная в целом, и мир культуры [Там же, с. 28]. Логико-смысловой метод упорядочивания хаоса – принципиально иной, поскольку «упорядочивающим элементом здесь служит не однообразие, не схожесть связей между отдельными переменными, а тождество смысла <...>. Таким образом, если единообразие взаимосвязей является общим знаменателем причинно-связанных явлений, то при логико-смысловом единстве таким общим знаменателем служит главный смысл, или идея» [Там же, с. 29].

Впрочем, по замечанию Сорокина, третий и четвертый уровни интеграции вполне могут сочетаться: часто логико-смысловая связь между переменными «сопровождается и причинной их связанностью» [Там же, с. 32].

Принципиально важен вывод П. Сорокина, что о системной связи в собственном смысле слова речь может идти лишь на третьем и четвертом уровнях интеграции: «Поскольку речь идет о логически и функционально интегрированных системах, то есть о системах настоящих», то они обладают несколькими фундаментальными свойствами. Во-первых, их отличает определенная степень автономии и наличие внутренней саморегуляции. Во-вторых, наличие автономии предполагает, что «функционирование, изменение и судьба системы определяется не только и не столько внешними обстоятельствами (за исключением катастрофических случайностей), но и самой ее природой и отношениями между ее частями». Любая «внутренне интегрированная система является автономным саморегулирующимся, самоуправляемым или «сбалансированным» единством. Жизненный путь системы во многом предопределен в момент ее рождения» [Там же]. Если следовать логике П. Сорокина, то уже сам факт наличия логико-смыслового уровня интеграции, обуславливающего автономность всякой «настоящей» системы, может служить подтверждением самостоятельного онтологического статуса многообразия.

Попробуем спроецировать сорокинскую схему на глобальный уровень. В конечном счете все составляющие «мира людей» имеют в качестве первичной объединяющей основы «пространственное соседство» на планете Земля. Условия жизнедеятельности человека определяются совокупностью физических параметров нашей планеты. В этом смысле можно говорить, что единство человечества обусловлено «внешним факто-

ром» – общими условиями функционирования природного мира Земли. Получается, что на первом и втором уровнях (по П. Сорокину) глобальная интеграция «мира людей» наличествует изначально, и с этой точки зрения глобальность может быть рассмотрена как предварительное условие самого существования человечества. «Образ Земли, видимой со стороны, из космического пространства, – это образ нашей глобальной реальности и нашей общей глобальной истории» [Gills, p. 5]. Однако ни на первом, ни на втором уровнях, выделяемых П. Сорокиным, интеграция не предполагает формирования системы *реальных* связей между различными составляющими «мира людей». Будучи предварительным условием его существования, глобальное на данных стадиях еще не стало реальностью самого этого мира.

Возможно ли создание глобальной, охватывающей все человечество системы третьего и четвертого уровней интеграции?

Что касается системы, базирующейся на принципе функциональной связи, – реалии мировой истории побуждают к тому, чтобы дать положительный ответ на этот вопрос. Там, где организация человеческого общества действует как безличный и надличностный механизм, возникает именно такая системная связь. Наверное, самый яркий пример здесь – мировой капиталистический рынок.

Но что означало бы создание глобальной системы на логико-смысловом уровне интеграции – так сказать, «глобализация всего»? В интерпретации Сорокина ключевое слово, определяющее сущность этого уровня, – смысл. Лучшее, по-моему, определение этого термина дал М.М. Бахтин: «Смыслами я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» [Бахтин с. 369]. Логико-смысловый уровень интеграции складывается на основе ответов, данных той или иной культурно-исторической общностью на коренные вопросы человеческого бытия. Глобализация на логико-смысловом уровне означала бы, что все культуры дают одни и те же ответы на эти вопросы, а следовательно, что многообразие мира исчезло. Совершенно очевидно, что разные культуры и цивилизации дают разные ответы, по-разному подходя к решению проблем-противоречий человеческого существования. Взаимодействие между ними представляет собой напряженный диалог-спор различных смыслов. Допустить, что может существовать какой-то единый и единственный для всех Смысл, – значит отрицать онтологическую реальность разнообразия человеческого мира. Бахтин убедительно обосновал в рамках своей «диалогике» принципиальную невозможность подобной унификации смыслов [Подробнее о значении бахтинской диалогике для цивилизационных исследований см.: Шемякин К вопросу... 2014, с. 43–47].

Из положений Бахтина вытекают два важнейших вывода. Во-первых, смыслы различных культур, даже в том случае, если они очень сильно отличаются, а то и прямо противоречат друг другу (заклячая в себе разные и/или противоположные ответы на коренные вопросы человеческого существования), могут полностью раскрыть свой потенциал лишь в ходе взаимодействия друг с другом. В зоне взаимодействия разных смыслов неизбежно возникает поле высокого духовного напряжения. Но иного пути к раскрытию своих собственных глубин, помимо диалога с «другими», ни у одной из

культур нет. Во-вторых, сам диалог возможен лишь в том случае, если каждый из его участников сохраняет определяющие черты своего культурно-исторического лица, то есть собственную идентичность.

Из всего этого цикла рассуждений следует, что глобализация на логико-смысловом уровне невозможна. Попытка же ее осуществить означает попытку навязать смыслы какой-то одной, доминирующей на иных уровнях бытия культуры цивилизационного масштаба всем остальным. Гипотетическая реализация этого сценария означала бы стирание многообразия, лавинообразный рост социальной энтропии, перспективу деградации и, в конечном счете, гибели человечества.

Следует особо обратить внимание на следующее обстоятельство: подобное развитие событий означает подмену универсального локальным в результате глобализации локального, то есть одной цивилизационной традиции. Если какая-то одна региональная культура (цивилизация), «оседлав» процесс глобализации, поставит весь мир под свой полный контроль, она от этого не станет универсальной. Она будет оставаться локально ограниченной в своем внутреннем содержании, даже раздувшись до размеров планеты и поглотив все остальные человеческие сообщества, стерев с лица Земли «цветущую сложность» мира. В данном случае мы имеем ситуацию, когда универсальное и глобальное входят в антагонистическое противоречие [Шемякин О пределах... 2018, с. 149].

Как уже говорилось, универсальное и локальное неотделимы друг от друга. Универсальное существует как реальность постольку, поскольку существует локальное, и наоборот: локальное приобретает статус реальности во взаимосвязи с универсальным. Универсальное ограничено локальным, точно также как локальное ограничено универсальным.

В той части семантического поля, где глобальное (как понятие) синонимично универсальному, оно неизбежно ограничено локальным. Именно противоречие «универсальное – локальное», а не «глобальное – локальное» является, по-видимому, главным источником развития человеческой культуры во всех ее разновидностях. Есть все основания полагать, что культура являет собой *экзистенциальный предел* процесса глобализации. И не «культура вообще»: «культуры вообще», как и «человека вообще», не существует нигде. Культура, как и человек, всегда конкретна, обусловлена теми или иными конкретными обстоятельствами своего пребывания в истории и в определенной природной среде.

Культуры отдельных человеческих общностей разного масштаба имеют общие («универсальные») черты, в каждом конкретном случае образующие какую-то свою, неповторимую конфигурацию с локальными реалиями. Но это именно общие черты отдельных социокультурных организмов, а не единый организм. Организмы эти могут образовывать (и образуют) единую систему взаимодействий, не теряя при этом характера автономных образований, обладающих собственной исторической динамикой. Предельно возможная реальность универсального – это реальность его взаимодейст-

вия со всей совокупностью локальных образований. Поэтому «мировая цивилизация» возможна только как система связей локальных цивилизаций.

* * *

Необходимо добавить, что реализация возможности «глобализации локального» означает подавление полюса универсализма как в рамках культуры, приобретшей глобальные масштабы, так и в рамках тех культур, которые она стремится переделать по своему образу и подобию, «стерев» с карты мира иные локальности, точнее – все другие варианты взаимосвязи универсального и локального. Это неизбежно должно вызывать ответную реакцию этих локальностей, которые во многих случаях также проявляют тенденцию к гипертрофии полюса локализма в рамках собственной культуры. Именно это и происходит в мире на рубеже XX–XXI вв. Нынешний этап глобализации имеет вполне определенную цивилизационную подоплеку – в основе своей он представляет собой не что иное, как всеобщее распространение ценностей и институтов западного происхождения и характера.

В общественной мысли последних десятилетий, в первую очередь западной, отчетливо проявляется тенденция сводить все содержание мирового исторического процесса на нынешнем этапе его развертывания к глобализации. Сторонники этой логики постоянно сталкиваются, однако, с многочисленными фактами усиленной акцентировки (в ряде случаев – гипертрофии) специфики локальных человеческих общностей различного типа и уровня: этнических, языковых, культурных и т.д. Самыми крупными и значимыми из них являются цивилизации. На это обстоятельство обращают внимание многие современные мыслители и исследователи. Так, О. Пас в своем эссе «Одна планета, четыре или пять миров» подчеркивает, что разнообразие этнолингвистических групп с их особыми традициями необходимо современным обществам. По его словам, их специфические требования представляют собой неоспоримую реальность, «которую не могут разрушить никакие абстракции. Мы становимся свидетелями мятежа исключений, не страдающих от своей аномальности или от разрыва с предполагаемым универсальным общим правилом, но, напротив, взявших на себя роль единственной истины, воплощения неизбежности» [Paz, p. 100].

«Мятеж исключений» никак не вписывается в одномерную картину мира, рисуемую проповедниками тотальной глобализации. Попыткой разрешить возникающие коллизии стало выдвижение концепции «глокализации» [См. напр.: Политология... с. 52], авторы которой, признавая реальность усиленной акцентировки своеобразия различных региональных и локальных человеческих общностей, интерпретировали данный феномен как проявление процесса глобализации. Однако такой подход представляет собой не решение проблемы, а уход от нее: перед нами по-прежнему картина единого, тотального, охватывающего все и вся мирового процесса, при этом реальное многообразие человеческой жизни в разнообразных локальных сообществах предстает лишь как его поверхностное, внешнее проявление. Если же трактовать единство и многообразие как самостоятельные начала бытия, обладающие собственной онтологической динамикой, то неизбежен вывод: в мире развиваются два качественно различных по

своей онтологии, противоположно направленным процессам – глобализация и явившийся реакцией на нее бурный рост многообразия «мира людей». В ходе их столкновения и взаимодействия как раз и складывается крайне противоречивая мозаика современного мира.

* * *

Итак, человек (любой) живет на планете Земля, и в этом смысле он глобален. В его психофизиологических характеристиках проявляются общие для всей планеты физические, природные параметры. Он содержит в себе глобальное измерение в качестве предпосылки собственного существования. Каждый человек имеет определенный набор базовых потребностей, такой же, как у всех остальных людей, и в этом смысле он универсален. Любой представитель *Homo sapiens* в любой из моментов своего существования живет в определенном месте, *локусе*, в определенных природных условиях, в той или иной общности с определенной историей – и в этом смысле он локален. Глобальное, универсальное и локальное измерения в совокупности составляют надличностный слой в каждой конкретной личности. Собственно индивидуальное же измерение, «пространство свободы» – это пространство индивидуальной интерпретации того сочетания глобального, универсального и локального, которое являет собой та или иная культура.

Как уже отмечалось, на личностном уровне происходят постоянные флуктуации того, что кажется неизменным на надличностном уровне социокультурной системы, причем эти колебания происходят вокруг определенных параметров.

Можно выделить *четыре* таких параметра: общий характер соотношения личностной и надличностной сфер; та или иная разновидность полилога трех выделенных выше парадигм универсального; тот или иной вариант соотношения универсального и локального измерений человеческого бытия; степень включенности в глобальную структуру связей и характер взаимодействия с глобальными реалиями.

Первый из выделенных параметров непосредственно обусловлен типом цивилизации. В цивилизациях «классического» типа доминирует начало единства. Это проявляется как в преобладании надличностного уровня цивилизационного процесса (социальных институтов и официально утвержденных общепринятых систем ценностей), так и в том, что индивидуальный уровень определяется надличностным пластом – нормативно-ценностной основой цивилизации (такой пласт есть в любой личности и является в условиях «классической» цивилизационной реальности базой ее целостности).

Для цивилизационного «пограничья» характерна принципиально иная, гораздо более значительная роль личностного уровня развертывания цивилизационного процесса, а в рамках самого этого уровня – качественно иное (опять же по сравнению с «классическими» цивилизациями) соотношение между надличностным и «собственно индивидуальным» пластами в структуре личности.

«Пограничные» цивилизации отличает крайне противоречивое сосуществование различных, в том числе и прямо противоположных, ценностно-смысловых ориентаций. Воплощающий общепринятые, официальные установки нормативно-ценностный пласт в личности «пограничного» типа, по общему правилу, ослаблен. Поэтому его интегративные потенции явно недостаточны для того, чтобы обеспечить ее духовную целостность. Решающее значение приобретает «несводимый остаток» в человеческой индивидуальности, который становится главным фактором ее целостности и в качестве такового он является одной из основных деталей механизма обеспечения целостности всей «пограничной» цивилизации в условиях доминанты многообразия.

Другими, столь же необходимыми деталями данного механизма являются:

- повышенные по сравнению с «классическими» цивилизациями роль внешних факторов, высокая степень проницаемости для внешних воздействий и одновременно способность к быстрому превращению «внешнего» во «внутреннее», к ускоренному усвоению иноцивилизационных новаций;
- повышенная проницаемость внутренних границ в культуре и способность к оперированию знаковыми структурами различного происхождения и характера, прежде всего – сакральными символами.

Все эти факторы взаимно обусловлены. Так, «взаимоупор», казалось бы, противоположных по своему характеру ориентаций сознания и поведения (стремления к максимальной открытости миру и к ревностной защите собственной самобытности), основанный на одновременном наличии взаимоисключающих, на первый взгляд, характеристик (повышенной проницаемости для внешних влияний и повышенной способности к переработке таких влияний в соответствии с логикой местной социокультурной «почвы») оказался возможен именно в силу повышенной в условиях цивилизационного «пограничья» проницаемости внутренних границ в культуре, пролегающих не только между отдельными индивидами и человеческими общностями, носителями тех или иных традиций, но и в душах людей. Повышенная проницаемость внутренних границ в культуре, в свою очередь, обусловлена такой характеристикой «пограничной» реальности, как более высокий, чем в субэкуменах, уровень оперирования знаковыми структурами различного происхождения и характера. Оперировать же знаковыми структурами не могут общность или социальный институт. Это может делать только конкретный живой человек. Обеспечить повышенный уровень оперирования подобными структурами оказалось возможным лишь в силу кардинального изменения соотношения различных уровней развертывания цивилизационного процесса, личностного и надличностного, в пользу первого и в результате выдвижения на первый план собственно индивидуального пласта. Достичь подобного уровня оперирования знаковыми структурами можно было лишь в «пространстве свободы» личности.

Второй из выделенных выше четырех параметров детерминирован тем, какая из трех парадигм универсального определяет общий характер их взаимосвязи и, соответственно, их полилога. По моему мнению, имеющиеся на сегодняшний день данные позволяют выдвинуть гипотезу, согласно которой в цивилизациях «классического» типа преобладающий тип личности (вплоть до второй половины XX в.) определялся проти-

воречивым взаимодействием «первой осевой» и «второй осевой» (модернизационной) парадигм. В последние десятилетия XX – начале XXI в., в условиях, когда наблюдается нарушение целостности духовных оснований всех цивилизаций планеты, когда весь мир оказался в «пограничной» ситуации [Шемякин Слово о Земскове... с. 86–89; он же Граница... с. 111–124; он же Феномен... с. 23–45], даже в субэкуменах резко усилилась роль архаической парадигмы. Так, в последние десятилетия наблюдается актуализация архаики в самых различных формах даже в ареале западной цивилизации. В «осевых» цивилизациях Востока, где архаическая составляющая всегда была сильнее, чем на Западе, налицо явное ее усиление. «Всплытие» архаических пластов психики у людей как на Западе, так и на Востоке можно проследить по многим свидетельствам.

Цивилизации «пограничного» типа характеризуются гораздо более значимой, чем в «классическом» типе, ролью архаики. Здесь она на всех этапах выступала (и продолжает выступать по сей день) как полноценный участник полилога трех парадигм универсального. Достаточно вспомнить в этой связи роль элементов автохтонного наследия в «народном католицизме» в Латинской Америке, различные синкретические афрохристианские культы в Бразилии и в Карибском бассейне [См.: Африканцы...; Гончарова, с. 69–150; Шемякин Европа... с. 83–97, 176–177 и др.; он же Латиноамериканская культура... с. 181–185; он же Латиноамериканская литература... с. 79–91], сохранение и воспроизводство славянского языческо-мифологического наследия в народных верованиях, продолжавшего существовать под спудом церковного официоза и породившего разнообразные, в том числе и весьма причудливые формы соединения с православной традицией византийского происхождения. По моему мнению, характер как российского, так и латиноамериканского «пограничий» в решающей мере обусловлен взаимодействием в рамках «границы-бытия» архаики и «второй осевой», модернизационной, парадигмы [Шемякин Феномен... с. 34–38].

Третий параметр – тот или иной характер взаимосвязи универсального и локального измерений бытия Homo sapiens – также определяется типом цивилизации. Выше говорилось о совпадении семантических полей дуальных оппозиций «единство-многообразие» и «универсальное–локальное». Доминанта единства в субэкуменах обуславливает преобладание свойственной той или иной из субэкумен разновидности универсализма над локализмом. В цивилизационном «пограничье» роль локального измерения жизни существенно больше, чем в «классических» цивилизациях. Это связано, в свою очередь, со значительно большей, чем в «классических» цивилизациях, ролью архаики.

Четвертый параметр – характер взаимосвязи с глобальными реалиями – также обусловлен цивилизационным типом. В субэкуменах наличие воплощающего начало единства прочного духовно-ценностного стержня, «пронизывающего» все многообразие цивилизационной реальности, обуславливает, с одной стороны, высокую степень сопротивляемости нивелирующему «рубанку» глобализации. Однако в ситуации, когда сам этот стержень начинает покрываться трещинами, данный цивилизационный тип оказывается в высшей степени уязвимым перед инородными воздействиями, поскольку длительное существование под прочным «панцирем» относительно монолитного

духовно-ценностного единства не выработало навыков быстрой переработки «внешнего» во «внутреннее». В цивилизационном «пограничье» повышенная степень проницаемости внутренних границ в культуре, детерминирующая, как отмечалось выше, одновременно повышенную степень открытости внешним влияниям и повышенную способность к переработке этих влияний в соответствии с логикой местной социокультурной «почвы», обуславливает как быстрое и глубокое включение в процесс глобализации, так и бóльшую сопротивляемость нивелирующим тенденциям мирового развития. Это качество цивилизационных «пограничий» (прежде всего планетарного масштаба – России и Латинской Америки) в полной мере выявилось в последние три века мировой истории, отмеченные мощной экспансией «фаустовской» цивилизации, попытавшейся подвести весь мир под единый стандарт «формальной рациональности» [Шемякин Идентичность и тип... с. 23–24].

Таким образом, содержание всех четырех параметров определяется цивилизационным типом. В совокупности они составляют основу цивилизационной идентичности. Последняя является самой глубокой основой, определяющей неповторимые черты как социокультурной общности, так и личности [Шемякин Идентичность... с. 5–6].

Не углубляясь в проблему идентичности, отмечу одно обстоятельство. Достаточно часто, в том числе и в научной литературе, идентификация понимается исключительно как самоидентификация. Между тем последняя не исчерпывает идентификационную сферу.

Процесс идентификации можно разделить на стадии. На первой формируется первичная идентичность, которая складывается в процессе социализации. Именно на этом уровне появляется так называемое «предпосылочное» знание, то есть знание, которое человек получает уже в силу самого факта принадлежности к тому или иному сообществу, той или иной традиции. Это знание относится к надличностному пласту в структуре самой личности, о котором неоднократно говорилось выше. Тема «предпосылочного» знания вызывает в последние десятилетия пристальный интерес исследователей. Причем очень часто его характеризуют именно как «идентификационное» [См. например: Ионов Цивилизационное... с. 14, 21, 28, 31, 33, 36 и др.; он же Постколониальная... с. 257–274; Вжосек Классическая... с. 5–13; он же Культура...].

Самоидентификация происходит на второй стадии, когда человек утверждает себя в своей принадлежности к той или иной традиции или, напротив, отвергает ее. Как отмечал П. Рикер, «конфликт интерпретаций является универсальной основой самоидентификации» [См.: Историческая... с. 234]. Следует отметить, что процесс этот зачастую происходит на уровне реальных жизненных практик повседневности, обычно невербализируемых.

Подчеркну, что и в самом «предпосылочном» знании можно выделить два слоя. На первом находится совокупность норм и установок поведения, предписываемых официальной идеологией, внедряемых сверху, но пассивно воспринятых массовым сознанием. Второй складывается как результат спонтанного укоренения тех или иных ори-

ентаций сознания и поведения в ходе реализации каждодневного жизненного опыта во всех сферах человеческой деятельности в стихии повседневности [О ключевой роли повседневной жизни в идентификационных процессах см.: Малявин, с. 163–179; Вальденфельс, с. 39–50].

Для цивилизаций «классического» типа характерна определяющая роль того слоя «предпосылочного» знания, который условно обозначен нами как «первый». Он в наибольшей степени подвержен воздействию нивелирующих факторов глобализации. Проводниками этого воздействия выступают официальные структуры власти, прежде всего – принадлежащие к этим структурам массмедиа. Особенно ярким примером может служить исследованный Э. Фроммом «автоматизирующий конформизм» массы западных обывателей, ставший для них главным путем «бегства от свободы» и неразрывно связанной с ней ответственности за свои действия [Фромм, с. 158–174]. Определяющая черта «автоматизирующего конформизма» – это как раз пассивное восприятие официально санкционированных, общепринятых и тиражируемых СМИ норм и ценностей.

Фромм – не единственный, кто анализировал и описывал подобные явления. В этой связи стоит вспомнить еще одного критика современной западной цивилизации – Г. Маркузе: его «одномерный человек» – это человек, сознание которого формируется на уровне первого слоя «предпосылочного» знания [Маркузе].

Для цивилизационного «пограничья», в том числе российского и латиноамериканского, характерна бóльшая значимость второго (условно) слоя «предпосылочного» знания. Это прямо связано с важнейшей характеристикой обоих «пограничий» – определяющим значением личностного уровня цивилизационного процесса, а также со специфическим соотношением в рамках этого уровня надличностного, воплощающего официальные нормы и ценности, и собственно индивидуального пластов.

Ключевая значимость «пространства свободы» личности обуславливает и основополагающее значение второй из выделенных стадий идентификационного процесса – самоидентификации. Именно в ходе самоидентификации реализуется другая важнейшая характеристика «пограничной» идентичности – относительно свободное оперирование знаковыми структурами различного происхождения и характера, что, как было показано, обеспечивает повышенную проницаемость внутренних границ в культуре.

Литература

Арсеньев В.Р. Архаика как дефиниция и реальность// Актуальные проблемы изучения архаики: Материалы теоретического семинара «Теория и методология архаики» 1996–2012 гг. СПб. 2014.

Арсеньев В.Р. Свод основных понятий этнософии. СПб. 2006.

Африканцы в странах Америки. М. 1987.

Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурный словарь). Т. III. М. 1991.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. 1986.

- Бессознательное: Природа. Функции. Методы исследования. Тбилиси. 1985. Т. 4. С. 321–323.
- Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос. Вып. 1. Общество и сферы смысла. М. 1991 с. 39–50.
- Вжосек В. Классическая историография как носитель национальной (националистической) идеи // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 30. М. 2010. С. 5–13.
- Вжосек В. Культура и историческая истина. М. 2012.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. II. Тбилиси. 1984.
- Гончарова Т.Ю., Стеценко А.К., Шемякин Я.Г. Универсальные ценности и цивилизационная специфика Латинской Америки. Кн. 2. М. 1995. С. 69–150.
- Земсков В.Б. О литературе и культуре Нового Света. М., СПб. 2014.
- Земсков В.Б. Образ России в современном мире и другие сюжеты. М., СПб. 2015.
- Зубов А.Б. Парламентская демократия и политическая традиция Востока. М. 1990.
- Иванов Вяч. Вс. До–во время–после? // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. V. Мифология и фольклор. М. 2009.
- Иванов Вяч. Вс. О выборе веры в Восточной Европе // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 5. Мифология и фольклор. М. С. 287–298.
- Ионов И.Н. Постколониальная критика и трансформация цивилизационных представлений // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 30. М. 2010. С. 257–274.
- Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание. Проблемы взаимодействия. М. 2007.
- Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы. М. 2011.
- Леви-Стросс К. Неприрученная мысль // Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М. 1994. С. 111–336.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура // Труды по знаковым системам. Сб. VI (ЦУ ТГУ; Вып. 308). Тарту. 1973.
- Малявин В.В. Средоточия: избранные эссе, доклады, интервью, рецензии. Иваново. 2011. С 163–179.
- Маркузе Г. Одномерный человек. М. 2003.
- Мильков В.В. Исследование концепта «земля» в русском самосознании // Россия в архитектуре глобального мира: цивилизационное измерение. М. 2015.
- Политология: Лексикон. М. 2007.
- Померанц Г.С. Великие нации живут мировыми задачами // Западники и националисты: возможен ли диалог? М. 2003. С. 141.
- Померанц Г.С. Выход из транса. М. 1995.
- Померанц Г.С. Иконологическое мышление как система и диалог семиотических систем // Померанц Г.С. Выход из транса. М. 1995.
- Померанц Г.С. Теория субэкумен и проблема своеобразия стыковых культур // Померанц Г.С. Выход из транса. М. 1995. С. 205–227.
- Померанц Г.С. Троица Рублева и тринитарное мышление // Выход из транса. М. 1995. С. 316–337.
- Проблемы культурного пограничья. Памяти Валерия Борисовича Земскова (1940–2012). М. 2014.
- Прокофьев А.В. Мораль, справедливость и культурное разнообразие // Россия в архитектуре глобального мира: цивилизационное измерение. М. 2015. С. 434–442.

- Смирнов А.В. Многообразие культур и плюральность разума (вместо Введения) // Россия в архитектуре глобального мира. Цивилизационное измерение. М. 2015.
- Сорокин П. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб. 2000.
- Сосновский Н.А. Культура Растафари. М. 2016.
- Толстая С.М. Язычество // Этнолингвистический словарь. Т. 5. М. 2012.
- Топоров В.Н. Мировое древо: Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. М. 2010.
- Топоров В.Н. Пространство культуры и встречи в нем // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 4. М. 1989.
- Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М. 1995.
- Топоров В.Н. Балканский макротекст и древнебалканская нео-энеолитическая цивилизация (общий взгляд) // Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова. М. 2007. С. 1–25.
- Трубачев О.Н. К истокам Руси. Народ и язык. М. 2013.
- Фромм Э. Бегство от свободы. М. 1989.
- Хачатурян В.М. «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М. 2009.
- Шемякин Я.Г. В поисках смысла. Из истории философии и религии. М. 2003.
- Шемякин Я.Г. Глобальное, универсальное, локальное: соотношение понятий и соотношение реальностей // Цивилизации. Выпуск 11: Диалог цивилизаций и проблема культурного синтеза в эпоху глобализации. М. 2017. С.171–214.
- Шемякин Я.Г. Граница: процесс перехода и тип системности // Общественные науки и современность. 2009. № 5.
- Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М. 2001.
- Шемякин Я.Г. Идентичность и тип цивилизации: особенности соотношения (Россия–Латинская Америка–Запад) // «Миры миров»: в поисках идентичности. Россия и Латинская Америка в сравнительно-исторической перспективе. М. 2016.
- Шемякин Я.Г. Идентичность цивилизационного «пограничья» // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М. 2017. С. 295–302.
- Шемякин Я.Г. Латиноамериканская культура и религиозный синкретизм // Культурология. Дайджест. 2008. № 1.
- Шемякин Я.Г. Латиноамериканская литература и христианство // Культурология. Дайджест. 2009 № 1. С. 79–91.
- Шемякин Я.Г. Латиноамериканский праздник как предмет цивилизационного исследования // Латинская Америка. 2001. № 11. С. 43–62.
- Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. Латиноамериканский карнавал и карнавализованные формы русской культуры: попытка сравнения // Латинская Америка. 2008. № 5. С. 62–77; № 6. С. 53–69.
- Шемякин Я.Г. О пределах процесса глобализации. Статья 1. Пространственно-временные рамки процесса и основные контуры смыслового поля понятия глобализации // Общественные науки и современность. 2017. № 6. С. 158–172;
- Шемякин Я.Г. О пределах процесса глобализации. Статья 2. Взаимосвязь универсального и локального в глобализирующемся мире // Общественные науки и современность. 2018. № 1, с. 143–157.

- Шемякин Я.Г. Пограничные цивилизации планетарного масштаба. Особенности и перспективы эволюции // Латинская Америка. 2007. № 7. С. 75–84.
- Шемякин Я.Г. Россия и Латинская Америка как цивилизации: попытка сравнения. Размышления над книгами В.Б. Земскова // Мир России. 2016. № 1. С. 154–180.
- Шемякин Я.Г. Слово о Земскове // Латинская Америка. 2016. № 2.
- Шемякин Я.Г. Универсализм и локализм в латиноамериканской культуре // Латинская Америка. 1998. № 5. С. 93–104.
- Шемякин Я.Г. Феномен «пограничности»: социокультурное содержание и исторические типы // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Ч. 2, М. 2013.
- Шемякин Я.Г. Цивилизации «пограничного» типа: формирование концепции // Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций. М. 2008. С. 100–148.
- Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. Латиноамериканский карнавал и карнавализованные формы русской культуры: попытка сравнения // Латинская Америка. 2008. № 5. С. 62–77; № 6. С. 53–69.
- Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. Пути и условия достижения целостности цивилизационной системы. Сопоставление исторического опыта России и Латинской Америки // Латинская Америка. 2009. № 9–10.
- Шемякин Я.Г. К вопросу о методологии цивилизационных исследований // Цивилизации. Вып. 9. М. 2014.
- Шемякин Я.Г. Латиноамериканский праздник как предмет цивилизационного исследования // Латинская Америка. 2001. № 11. С. 43–62.
- Шемякин Я.Г. О характере соотношения Языка, Текста и Шрифта в цивилизациях «пограничного» типа // Вестник Томского Государственного Университета. История. 2013. № 1. С. 15–26.
- Шемякин Я.Г. Субэкумены и «пограничные» цивилизации в сравнительно-исторической перспективе (О характере соотношения Языка, Текста и Шрифта). Статья 1 // Общественные науки и современность. 2014. № 2. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. 1991.
- Щербакова Т.И. архаика и время // Актуальные проблемы изучения архаики: Материалы теоретического семинара «Теория и методология архаики» 1996–2012 гг. СПб. 2014. С. 18–26.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. 1991.
- Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension of Modernity // International Sociology. 2001. Vol. 16. № 3. P. 320–340.
- Gills Barry K., Thompson William R. Globalization, Global Histories and Historical Globalities // Globalization and Global History.
- Iberica Americans. Праздник в ибероамериканской культуре. М. 2002.
- Idem Spatial Temporal Framework of the Process and the Main Contours of the Semantic Field of the Concept of Globalization // Social Sciences. 2017. № 4. P. 123–137.
- Levi-Strauss C. La pensée sauvage. Paris. 1962.
- Levi-Strauss C. Dynamique culturelle et valeurs // Approches de la Science du développement socio-économique. Paris. 1971. P. 281–284.
- Parekh B. Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory. London. 2000.
- Paz O. One Earth, Four or Five Worlds. Reflections on Contemporary History. San Diego; New York; London. 1986.

УДК 323; 324; 321

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Испания на старте нового транзита

Аннотация. В начале июня 2018 г. в Испании произошла беспрецедентная по форме смена политической власти. Парламент вынес председателю правительства М. Рахою вотум недоверия, и пост главы исполнительной власти занял лидер социалистической партии П. Санчес, провозгласивший своей целью глубокое реформирование социально-экономических структур страны. Речь может идти о попытке второго в испанской истории транзита – перехода на траекторию инклюзивного устойчивого развития. Однако на этом пути Мадрид ожидают многочисленные препятствия как внутреннего, так и внешнего порядка, что крайне затрудняет реализацию стратегических планов правительства П. Санчеса.

Ключевые слова: Испания, последствия кризиса, смена политической власти, повестка дня правительства социалистов, Педро Санчес.

В конце мая 2018 г. генеральный секретарь Испанской социалистической рабочей партии (PSOE) Педро Санчес внес на рассмотрение конгресса депутатов (нижней палаты) испанского парламента – Кортесов – вотум недоверия председателю правительства, лидеру Народной партии (PP) Мариано Рахою. В качестве предлога своего демарша социалисты сослались на приговор суда по громкому коррупционному делу, в котором оказались замешаны видные «народники». Используя широкое недовольство действиями правительства (в частности, в связи с драматическими событиями в Каталонии), руководителю социалистов удалось обеспечить необходимое большинство депутатских голосов и добиться ухода М. Рахою в отставку. В результате уже 2 июня П. Санчес принес присягу в качестве нового главы правительства Королевства Испания.

Стремительная и совершенно неожиданная смена власти в Мадриде поставила целый ряд вопросов, касающихся нынешнего положения дел в испанском государстве и стратегических перспектив общественного развития страны. Исходя из программных установок PSOE и неоднократных заявлений ее лидеров можно ожидать, что правительство П. Санчеса попытается осуществить новый транзит – переход к более высоким экономическим горизонтам и более справедливому социальному устройству. Насколько реальна такая перспектива?

Сведения об авторе: ЯКОВЛЕВ Петр Павлович – руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук; petrp.yakovlev@yandex.ru.

Эффект кризиса и его последствия

Говоря о первом испанском транзите, политики и эксперты имеют в виду переход Испании от франкистской диктатуры к буржуазно-демократическому государственно-политическому устройству и социально-экономическому укладу. Дата начала транзита точно определена – 22 ноября 1975 г., когда (через два дня после смерти Ф. Франко) главой государства стал король Хуан Карлос I. Сложнее обстоит дело с датой окончания транзита, по этому вопросу существуют различные мнения. На наш взгляд, логично считать завершением переходного периода конец 1980-х годов, когда Королевство Испания приобрело практически все современные характеристики: сформировалось конституционно-правовое поле, сложилась структура экономики, «заработала» двухпартийная политическая система (чередование во власти PP и PSOE), были заложены основы государства «всеобщего благосостояния». Страна вышла из дипломатической тени франкистских десятилетий и обрела свое место на международной арене: вступила в НАТО, присоединилась к европейской интеграции, в полном объеме установила отношения с социалистическими государствами, предприняла меры по укреплению политических и экономических позиций в Латинской Америке [Яковлев, 2009, с. 6–8].

На этом фундаменте в период до 2007 г. был обеспечен относительно быстрый экономический рост, значительно улучшились социальные условия жизни большинства испанцев, безотказно функционировал механизм смены власти демократическим путем и в установленные законом сроки. Особенно крупный шаг вперед был сделан в 1998–2007 гг.: Испания вдвое увеличила объем экономики, а темпы прироста ВВП намного превышали аналогичный показатель США, Японии, ведущих стран Европейского союза и средний уровень государств-членов ОЭСР – Организации экономического сотрудничества и развития (табл. 1).

Таблица 1

Динамика роста ВВП (изменение в %)

Страна	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Испания	5,1	3,6	2,7	3,1	3,3	3,6	3,9	3,7
Члены ОЭСР	3,9	1,2	1,6	1,9	3,2	2,6	3,0	2,7
Страны зоны евро	3,8	1,9	0,9	0,8	2,1	1,6	2,8	2,6
Великобритания	3,8	2,4	2,1	2,8	3,3	1,8	2,9	3,1
США	3,7	0,8	1,6	2,5	3,6	3,1	2,9	2,2
Япония	2,9	0,2	0,3	1,4	2,7	1,9	2,4	2,1

Источник: INE. Boletín Mensual de Estadística. Madrid, marzo de 2008, p. 22-24.

Казалось, что сложившаяся модель социально-экономического развития приобрела долговременный устойчивый характер и надолго гарантировала процветание Испании и подъем жизненного уровня ее граждан. По крайней мере, в этом были уверены правящие круги и большая часть предпринимательского сообщества, а также миллионы иммигрантов, буквально хлынувшие в страну из Восточной Европы, Латинской Америки и Северной Африки. Именно поэтому глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., обрушившийся на Испанию с исключительной силой, явился для

испанского политического и делового истеблишмента полной неожиданностью и продемонстрировал неготовность официального Мадрида адекватно оценить сложившуюся ситуацию и в срочном порядке принять эффективные антикризисные меры.

Неспособность справиться с кризисом привела к досрочным парламентским выборам, тяжелому электоральному поражению PSOE и уходу в отставку администрации социалистов во главе с Хосе Луисом Родригесом Сапатеро. С декабря 2011 г. политическая власть перешла к правительству PP, которое возглавил лидер партии Мариано Рахой [Яковлев, 2012, с. 18–21]. «Народникам» удалось преодолеть наиболее опасные кризисные явления (ценой значительных материальных жертв со стороны большей части испанского населения). С 2014 г. начались восстановительный рост экономики, улучшение отдельных социальных показателей. Вместе с тем до настоящего времени испанцы ощущают разнообразные негативные последствия кризиса.

Таблица 2

Макроэкономические показатели Испании (изменение в %)

Показатель	2001–2005	2014	2015	2016	2017	2018
ВВП	3,4	1,4	3,4	3,3	3,1	2,9
Частное потребление	3,4	1,5	3,0	3,0	2,4	2,3
Гос. потребление	4,9	-0,3	2,1	0,8	1,6	1,9
Безработица (%)	10,8	24,5	22,1	19,6	17,2	15,3
Производительность труда	0,3	0,3	0,3	0,3	0,2	0,2
Стоимость рабочей силы	3,2	0,0	0,7	-0,9	-1,0	-0,5
Госдолг (% ВВП)	42,3	100,4	99,4	99,0	98,3	97,6
Экспорт товаров и услуг	2,9	4,3	4,2	4,8	5,0	5,0
Импорт товаров и услуг	8,0	6,6	5,9	2,7	4,7	4,7
Доходы бюджета (% ВВП)	38,4	38,9	38,5	37,7	37,9	38,1
Расходы бюджета (% ВВП)	38,5	44,9	43,8	42,2	41,0	40,7

Источник: European Economic Forecast – Spring 2018. Brussels: European Commission, 2018. P. 160–183. 2001–2005 гг. – среднегодовые показатели; 2017 г. – оценка, 2018 г. – прогноз.

Данные таблицы 2 показывают, что нынешнее экономическое положение Испании существенно отличается от предкризисного. Так, несколько снизились темпы прироста ВВП, сократилось частное и критически «сжалось» государственное потребление, упала стоимость рабочей силы (а следовательно, реальные доходы основной массы населения). Одновременно резко вырос суверенный долг, превысивший в 2014 г. объем ВВП; значительно возросли государственные расходы, что привело к образованию крупного бюджетного дефицита; драматически увеличилась безработица, в 2013 г. достигшая своей высшей точки – 26,1% экономически активного населения. Не претерпела заметных изменений динамика производительности труда: она осталась на прежнем сравнительно низком уровне, что служит одним из главных препятствий на пути ускорения хозяйственного роста. Более того, в 2017–2018 гг. страна опустилась с 34-го на 36-е место в мировом рейтинге конкурентоспособности [Benedito].

Вместе с тем достаточно важные макроэкономические показатели (в первую очередь, экспорт товаров и услуг) продемонстрировали положительный тренд. Выход Испании из кризисного состояния был осуществлен во многом благодаря повышенной и целенаправленной активности местных предприятий (промышленных компаний и банков) на внешних рынках, что в определенной мере позволило компенсировать провалы внутреннего потребительского спроса, поддержать уровень производства и обеспечить прибыльность предпринимательской деятельности. При этом товарный экспорт в 2009–2017 гг. вырос со 160 до 283 млрд евро, или на 77% [ИТС...].

В целом Испания извлекла выгоды из сложившегося международного торгово-экономического порядка, сумела приспособиться к существующим правилам игры. Поэтому для нее неприятным сюрпризом стал протекционистский внешнеэкономический курс администрации Дональда Трампа («трампономика»), направленный на переформатирование мировой торговли [Яковлев, «Эффект Трампа», с. 82–100]. По оценке деловых кругов, политика Белого дома может ощутимо затруднить экспорт продукции Испании на американский рынок [Nunes].

Таким образом, на этапе выхода из кризиса и преодоления его последствий происходила интенсивная глобализация испанского бизнеса, в результате чего не только открылись новые возможности, но и значительно возросли риски: усилилась зависимость экономики Испании от внешних факторов, от состояния дел на мировых рынках.

Главной причиной известного отставания Испании от самых развитых экономически государств является недостаточный уровень инноватизации, низкие государственные и частные инвестиции в сферу НИР, в область новейших технологий. По существу, в основных чертах сохраняется докризисная модель роста, которая не соответствует внутренним и международным условиям, неуклонно меняющимся под влиянием четвертой промышленной (технологической) революции [Tomames, Rueda, p. 440–449]. Императивом становится глубокая модернизационная трансформация устаревшей модели, что призвано стать сердцевиной второго испанского транзита.

Перезагрузка политической системы

Результатом кризисных испытаний 2008–2009 гг. и последовавшей экономической рецессии стало в Испании неприятие политики властей, на которые население возложило ответственность за ухудшение социально-экономического положения. Многие ведущие представители правящих кругов стали мишенью массового недовольства [Яковлев, 2013]. С точки зрения критиков, выразивших настроение гражданского общества, политический истеблишмент (в первую очередь традиционные партии) в условиях кризиса продолжал давать «старые ответы» на новые вопросы. Такого рода настроения и оценки сказались в период избирательных процессов 2015–2016 гг., результаты которых изменили расстановку сил и в решающей степени подготовили политический вираж 2018 г.

Всеобщие выборы 20 декабря 2015 г. стали двенадцатыми по счету в постфранкистский период и первыми, на которых реальная борьба развернулась не между двумя ведущими партиями, поочередно правившими страной с 1982 г., а между четырьмя основными политическими организациями: «старыми» – PP и PSOE – и «новыми» – Ciudadanos (Граждане) и Podemos (Мы можем). При этом идейный диапазон противоборствующих сил был сравнительно широк: от правоцентристской идеологии PP до радикально левых настроений многочисленных сторонников Podemos. Симптоматично, что лидер каждой из этих партий уже видел себя в качестве очередного главы испанского правительства. Однако вполне ожидаемые и предсказываемые многими экспертами итоги выборов, не выявившие безусловного победителя, сделали задачу формирования нового состава исполнительной власти не только весьма сложной, но и, как оказалось, невыполнимой [Яковлев, 2012, с. 20].

Декабрьские выборы 2015 г. дали своего рода фальстарт новому политическому циклу. Поскольку ни одна из партий не получила необходимого числа голосов для формирования однопартийного правительства, начался мучительный процесс переговоров между лидерами различных политических сил. Основная развилка свелась к выбору будущего партийно-политического устройства: сохранение доминирования консервативных и умеренных сил или сдвиг влево и усиление позиций сформированной левыми силами коалиции Unidos Podemos (Вместе мы можем).

Потерпев досадное поражение, PP, подобно политическому удаву, затаилась в ожидании того, что новые партийные образования не «дожмут» ситуацию, и в конечном счете власть сама упадет ей в руки. Однако было очевидно качественное изменение ситуации: без альянса с другими силами «народники» управлять страной уже не могли.

Весьма деликатное положение сложилось у испанских социалистов. Здесь развилка была следующая: либо лавировать между PP и новыми политическими партиями, что грозило потерей голосов, либо выбирать направление движения: влево или к центру. Но и там, и там уже обосновались сильные конкуренты.

Все попытки партийных функционеров договориться между собой и сформировать коалиционное правительство завершились полным провалом. В итоге 26 июня 2016 г. были проведены вторичные всеобщие выборы, не изменившие коренным образом внутривнутриполитического ландшафта. Основные партии оказались практически на тех же позициях, на которых они находились после электоральной кампании 2015 г. При этом PP несколько улучшила свой результат, а наибольшие потери понесли PSOE и Ciudadanos (табл. 3).

Выходом из политического тупика, в котором Испания находилась большую часть 2016 г., стало формирование правительства меньшинства под руководством лидера PP М. Рахоя. Казалось бы, все должно наладиться, однако чрезвычайно острая межпартийная борьба и состоявшиеся повторные всеобщие выборы стали во многом переломным событием в политической жизни испанского государства.

Таблица 3

Результаты всеобщих выборов в Испании

Партия	20.12.2015 г.		26.06.2016 г.	
	Полученные голоса, %	Мест в конгрессе депутатов	Полученные голоса, %	Мест в конгрессе депутатов
Partido Popular (PP)	28,7	123	33,01	137
Partido Socialista Obrero Español (PSOE)	22,0	90	22,63	85
Podemos (с союзниками)	20,6	69	21,15	71
Ciudadanos	13,9	40	13,06	32
Остальные	14,8	28	10,15	25

Источник: Gobierno de España. Ministerio del Interior. – <http://www.interior.gob.es/>

Во-первых, итоги выборов подтвердили изменения в раскладе политических сил, обозначили конец эпохи де-факто двухпартийной системы, когда представители PP и PSOE с завидной регулярностью сменяли друг друга во власти. Причем характерно распределение мест в конгрессе депутатов, где и делается «большая политика». Так, PP получила 137 мест (на 49 меньше, чем в 2011 г.), PSOE – 85 (минус 25 мест), тогда как Podemos провела в высший законодательный орган 71 представителя, а Ciudadanos – 32. Остальные 25 мест поделили между собой небольшие левые, националистические и открыто сепаратистские организации. В результате на долю PP и PSOE пришлось 63% депутатских мест, тогда как в 2011 г. этот показатель составлял 85%, а в 2008 г. – 93% [Яковлев, 2012, с. 20]. Иначе говоря, испанские избиратели вынесли традиционному бипартизму однозначный приговор. Новую политическую систему некоторые эксперты определяют как «двойной бипартизм» – на каждом фланге (левом и правом) расположилось по две партии, которые развернули борьбу не только с идейными противниками, но и с идеологически близкими конкурентами [Ayuso].

Во-вторых (и как следствие первого), в Испании наступила эпоха формирования политических коалиций. Поскольку ни одна из партий не могла править в одиночку, то были необходимы разного рода договоренности и межпартийные союзы. В то же время парламент неизбежно превращался в поле межпартийных баталий, поскольку идеологические установки основных фракций весьма различны. В этом состояла потенциальная угроза политической нестабильности. Таким образом, выборы 2016 г. имели далеко идущие последствия.

Примечательно, что в Испании происходило изменение содержания политического процесса и на других направлениях. Формировались своего рода контртенденции. Например, впервые за многие годы парламент стал центром политической деятельности. Не исключено и дальнейшее повышение роли законодательной власти, что нередко наблюдается в многопартийных системах.

Всеобщие выборы в Испании 2015 и 2016 гг. и их итоги как бы разделили политическую историю этой иберийской страны в XXI в. на два периода: годы кризисных пертурбаций и время формирования новой модели социально-экономического и полити-

ческого развития. Именно в этот момент все чаще стали говорить о необходимости нового транзита, о переходном состоянии испанского социума. В этом была суть повышенной активности «старых» и «новых» партий, стремившихся занять лидирующие позиции в складывавшейся политической системе, прочно закрепиться в структурах власти.

Испытанием на прочность новой политической конструкции стали события в Каталонии – одном из самых экономически развитых автономных сообществ, где местные сторонники государственного суверенитета перехватили у центральной власти стратегическую инициативу и развернули движение за выход из состава Испании. Сепаратизм по-каталонски стал подлинным кошмаром для официального Мадрида и реальной угрозой территориальной целостности испанского государства.

Каталонский *procés*

Сепаратистское движение в Каталонии (так называемый *procés*), которое отдельные эксперты определили как «государственный переворот» [De la Lama], в буквальном смысле взорвало политическую ситуацию не только в самой автономии, но и в целом в Испании.

21 декабря 2017 г. в Каталонии прошли внеочередные региональные парламентские выборы, в которых приняло участие рекордное за все годы демократического развития число избирателей – порядка 82% граждан, имеющих право голоса. Состоявшаяся менее чем через три месяца после неконституционного референдума по вопросу достижения Каталонией независимости от Мадрида, избирательная кампания развивалась в обстановке фронтального идейно-политического столкновения сторонников и противников выхода региона из состава испанского государства [Яковлев, 2017].

И весь ход предвыборной борьбы, и итоги выборов подтвердили, что каталонское общество состоит из двух примерно равных по численности и антагонистически настроенных друг к другу частей, занимающих крайние политические позиции. Разделительная линия между ними – отношение к вопросу о государственной самостоятельности региона. С одной стороны, порядка 37% населения (в своей основной массе – коренные жители автономии), выступающие за отделение от Испании, с другой, – практически такое же количество переселенцев из других районов страны в нескольких поколениях, решительных противников сепаратизма. Между этими крайностями находятся остальные граждане, большинство из которых, как показали выборы, отнюдь не стремятся выйти из состава испанского государства [Errores...].

Декабрьские выборы стали кульминацией стремительно развивавшегося в последние месяцы «сепаратистского эксперимента» – проекта создания независимой Каталонской республики. Курс на достижение политической самостоятельности региона был взят Женералитатом – высшим органом власти в Каталонии, объединяющим правительство и парламент. По инициативе председателя (президента) Женералитата Карлеса Пучдемона в начале сентября 2017 г. были приняты антиконституционные, по

сути, законы об отделении от Испании. Они стали триггером последовавших полных драматизма событий, глубоко потрясших испанское общество и приковавших к себе внимание далеко за пределами страны: непризнанный центральной властью референдум 1 октября; принятие каталонским парламентом не вполне вразумительного решения об отделении региона; введение Мадридом (на основе 155-ой статьи испанской Конституции) прямого правления из центра; арест целого ряда сепаратистских лидеров, обвиненных в серьезных государственных преступлениях; бегство К. Пучдемона и группы его соратников в Бельгию [Яковлев, 2017]. В какой-то момент создалось впечатление, что непримиримый каталонский национализм разгромлен и в автономии возможна сравнительно быстрая политическая нормализация. В этих условиях председатель испанского правительства М. Рахой назначил внеочередные региональные парламентские выборы, явно рассчитывая на убедительный электоральный успех противников сепаратизма, однако все вышло не так однозначно.

По числу собранных голосов победу действительно одержали унионисты – сторонники единой Испании, получившие поддержку 50,8% избирателей. Их лагерь был представлен центристской партией Ciudadanos, Социалистической партией Каталонии (Partido de los Socialistas de Cataluña – PSC) и местным подразделением правившей в стране консервативной PP. К этому политическому крылу, хотя и с оговорками, следовало отнести и леворадикальное объединение «Каталония сообща» (Catalunya en Comú – CeC-Podem), в котором первую скрипку играли местные представители Podemos.

Крупного успеха добилась Ciudadanos, которая за годы развития в условиях демократии стала единственной ненационалистической партией Каталонии, вышедшей на первое место по количеству собранных голосов – свыше 1,1 млн (25,3%) и полученных мест в региональном парламенте – 37. По сравнению с предыдущими выборами в 2015 г. Ciudadanos расширила партийный парламентский корпус на 12 депутатов. Несколько улучшили свои показатели социалисты, получившие 17 депутатских мандатов (было – 16). В то же время ощутимые потери понесли Podemos и ее союзники, потерявшие три места (8 против прежних 11), и оглушительное поражение потерпела PP, которая сократила парламентское представительство с 11 до 3 депутатов. Таким образом, суммарное количество ненационалистических законодателей составило 65 человек (из общего числа в 135 парламентариев) [Eleccions...].

Электоральный провал «народников» многие эксперты объяснили ясно выраженным недовольством избирателей-унионистов затянувшейся политической нерешительностью и пассивностью лидера партии М. Рахоя, что было особенно очевидно на фоне растущей агрессивной активности наиболее радикальных лидеров каталонских сепаратистов. По существу, только накануне референдума 1 октября официальный Мадрид перешел к политике реального противодействия националистам, но было уже слишком поздно. В значительной мере по этой причине Ciudadanos, последовательно выступавшая против всех проявлений сепаратизма, превратилась в центр притяжения основной массы противников сецессии [La desconexión...].

Сторонники выхода Каталонии из состава Испании набрали 47,5% голосов (в 2015 г. – 47,8%), фактически сохранив свой электорат. С одной стороны, такой результат лишний раз продемонстрировал, что в автономии отсутствует общественное большинство, выступающее за государственную независимость. Но одновременно ставка Мадрида на существенное изменение политической ситуации в пользу унионистов оказалась битой. Более того, благодаря особенностям избирательной системы, дающей определенные преимущества жителям небольших городков и сельской местности, где традиционно концентрируется электорат сепаратистов, каталонские националисты получили большинство в законодательном органе власти. Показательная электоральная статистика: чтобы получить одно место в региональном парламенте, кандидатам сепаратистов (в зависимости от партийной принадлежности) нужно было получить от 27,7 тыс. до 48,4 тыс. голосов, а «народникам» – свыше 61 тыс. [Silva]. Разумеется, это априори ставило унионистов в крайне невыгодное положение.

По итогам выборов партия К. Пучдемона Junts per Catalunya («Вместе за Каталонию») провела в парламент 34 своих представителя. Другое ведущее националистическое формирование – Левая республиканская партия Каталонии (Esquerra Republicana de Catalunya – ERC), чей лидер и бывший заместитель К. Пучдемона Ориол Жункерас пребывал в мадридской тюрьме, получила 32 депутатских мандата. Леворадикальная «Кандидатура народного единства» (Candidatura d'Unitat Popular – CUP) обрела в новом составе парламента четыре места. В результате, собрав на выборах почти на 150 тыс. голосов меньше, чем их противники, сепаратисты получили 70 депутатских мест, потеряв всего два мандата по сравнению с 2015 г. [Eleccions...]. Парламентское большинство осталось за сторонниками выхода автономии из состава Испании, что нельзя было трактовать иначе как стратегическое поражение официального Мадрида и личную неудачу М. Рахоя.

Иначе говоря, результаты голосования 21 декабря не только подчеркнули сохранение открытого идейно-политического противостояния в Каталонии, но и зафиксировали тренд на его дальнейшее углубление. Как писала ведущая испанская газета «El País», после выборов каталонское общество стало напоминать «разломанную льдину, две половины которой все дальше дрейфуют одна от другой» [Llaneras].

В этих условиях в рождественском обращении к нации короля Филипп VI как нельзя более актуально прозвучал призыв к «спокойствию, выдержке, стабильности и взаимному уважению», к концентрации общественного внимания «на решении не надуманных, а реальных проблем», пока они не хлынули через край и не затопили социально-экономические и политические достижения испанской нации (включая, разумеется, ее каталонскую часть), достигнутые за четыре с небольшим десятилетия демократического развития [Mensaje...].

Углубившейся раскол в каталонском обществе, подчеркивалось в редакционной статье барселонской газеты «La Vanguardia», требовал от ответственных государственных и партийных деятелей новой политической культуры, основанной на диалоге и трансверсальности – комплексном и координированном подходе [Errores...]. Трезво

мыслящие политики и в Каталонии, и в целом в Испании отдают себе в этом отчет, но состоявшиеся парламентские выборы отнюдь не создали благоприятных условий для решения имеющихся проблем. Более того, новая ситуация породила дополнительные вопросы, ждущие ответов.

В частности, было неясно, как будет функционировать вновь избранный орган законодательной власти и каким станет состав регионального правительства. Дело в том, что восемь избранных депутатов-сепаратистов находились либо под стражей, либо «в бегах» за границей и в таком положении не могли участвовать в работе региональных законодателей. Кроме того, в отношении еще ряда политиков-националистов проводились судебные расследования, исход которых оставался неясным. В любом случае, значительная часть депутатов-сепаратистов находилась как бы в подвешенном состоянии. Если бы такая ситуация качественно не изменилась, то могли быть назначены новые выборы.

Помимо организационно-политических трудностей, сущностная проблема сторонников независимости и политического суверенитета Каталонии заключалась в том, что подавляющее их большинство даже не представляло, с какими вызовами и трудностями им придется столкнуться в случае выхода региона из состава испанского государства. Не последнее место в списке возможных рисков занимала позиция деловых кругов, причем как местных каталонских предпринимателей, так и промышленников и банкиров из других испанских автономий и зарубежных стран. Сама борьба за политическую самостоятельность, породившая острейший институциональный кризис, оказала воздействие на представителей бизнес-сообщества, заставила их задуматься о последствиях курса на независимость и в конечном счете спровоцировала «бегство капиталов» из Каталонии. За период от референдума 1 октября до выборов 21 декабря 2017 г. свыше 3100 компаний и банков, включая ведущие, перевели свои штаб-квартиры в другие регионы Испании, а к началу апреля 2018 г. количество «сбежавших» выросло до 4550 [Fuga...].

Анализируя тренды, складывающиеся в каталонском автономном сообществе, профессор экономики авторитетной в Европе «IE Business School» Рафаэль Пампильон подчеркнул: «Компании бегут из Каталонии, потому что верят, что центральное испанское правительство лучше защитит их интересы. Чтобы предприятия вернулись в автономию, каталонские политические институты должны не допустить ее отделения. Независимость приведет к всеобщему снижению уровня жизни, который будет сложно восстановить» [Pampillon]. Не исключено, что именно позиция деловых кругов станет тем холодным душем, который остудит «горячие головы» каталонских сепаратистов.

Между тем 14 мая 2018 г. парламент Каталонии избрал нового президента Женералитета, которым стал Жоакин (Ким) Торра – ярый сторонник независимости, личный друг и политический последователь К. Пучдемона, продолжавшего находиться за границей.

Избрание К. Торры означало, что длительное политическое противостояние сторонников и противников выхода Каталонии из состава испанского государства достигло своей критической точки и требовало не только всестороннего и непредвзятого осмы-

сления, но и конкретных шагов по действительному урегулированию конфликта. Это было тем более актуально, что драматические события на Пиренейском полуострове – не изолированный эпизод локального значения, а звено в длинной цепи международных потрясений тектонических масштабов, которые в сумме формируют новую европейскую и, если угодно, глобальную повестку.

Задача урегулирования каталонского конфликта, с которой не справился М. Рахой, легла на плечи нового председателя испанского правительства – П. Санчеса и во многом определила повестку дня его кабинета. Речь о том, чтобы найти выход из острейшего институционального кризиса, в который ввергли Испанию авантюристические действия каталонских сепаратистов и неудачная реактивная политика М. Рахой, не сумевшего сыграть на опережение и предотвратить лобовое столкновение центральной власти со сторонниками независимости Каталонии.

Знаковым совпадением стал тот факт, что одновременно с приходом к власти PSOE 2 июня 2018 г. в каталонской столице принес присягу новый глава региона К. Торра, завершив тем самым период прямого управления Каталонией из Мадрида.

П. Санчес выразил готовность встретиться с К. Торрой и вступить с ним в диалог в рамках действующей испанской конституции. Лидер социалистов считает Испанию многонациональной страной, но не признает за автономиями права на государственный суверенитет. В руководстве PSOE подчеркивают, что только путем прямого политического диалога можно обеспечить продвижение вперед в решении проблем между Мадридом и Барселоной. В этом, подчеркивают социалисты, отличие их подхода от позиции М. Рахой, который «прикрывался юридическими нормами» и избегал непосредственных переговоров с сепаратистами [Díez].

Как отмечалось в редакционной статье газеты «El Mundo», сложность в том, что «Пучдемон, Торра и их сподвижники стремятся не к реставрации государства, а к его разрушению» [Los “riesgos”...]. Данное обстоятельство, безусловно, еще туже затягивает узел каталонского конфликта. Судя по всему, попытка развязать (или разрубить?) этот узел будет предпринята в контексте конституционной реформы, которая призвана усилить федеративные начала в территориально-административном устройстве Испании. Задача, следует признать, крайне непростая.

Смена политического курса

История демократической Испании знает четыре попытки вынесения вотума недоверия действующему главе правительства. Первая была предпринята 21 мая 1980 г. лидером социалистов Фелипе Гонсалесом в отношении Адольфо Суареса, но не получила необходимой поддержки. Вторая состоялась 23 марта 1987 г. уже против самого Ф. Гонсалеса, но также провалилась. 27 апреля 2017 г. лидер Podemos Пабло Иглесиас инициировал вынесение вотума недоверия М. Рахой, но и он потерпел неудачу. Удалить лидера «народников» с «политического олимпа» удалось социалистам, которые таким образом добились реванша за сокрушительное поражение в 2011 г.

Сам факт стремительного восхождения П. Санчеса на вершину власти производит сильное впечатление и характеризует 46-летнего социалиста с фундаментальным экономическим образованием как настоящее «политическое животное» новой формации. Став генеральным секретарем PSOE в июле 2014 г., он в сентябре 2016 г. был технически смещен другими влиятельными членами партии, недовольными ее электоральными результатами, и отказался от мандата депутата конгресса. В мае 2017 г. П. Санчес вернул себе пост генерального секретаря, уверенно победив противников из правого крыла PSOE на внутрипартийных выборах. Но даже после этого его шансы возглавить правительство оставались весьма призрачными по трем основным причинам. Во-первых, социалисты понесли тяжелые политические (и имиджевые) потери и сократили свое представительство в конгрессе со 110 депутатов в 2011 г. до 84 в настоящее время. Во-вторых, весьма динамичный (по сравнению с большинством стран Евросоюза) рост испанской экономики в последние годы играл на руку М. Рахою, позволяя использовать этот фактор в политических целях. В-третьих, наблюдалось укрепление позиций Ciudadanos, начинающей претендовать на роль главной общенациональной политической силы.

Все это несколько не смутило лидера социалистов, сумевшего без промедления воспользоваться сложившейся вокруг PP неблагоприятной юридической ситуацией. 24 мая 2018 г. последовало судебное решение по длившемуся несколько лет самому громкому коррупционному делу последнего десятилетия – так называемому «делу Гюртель» (caso Gürtel), в котором были замешаны многие видные «народники». Десятки обвиняемых получили тюремные сроки, а сама партия (как бенефициар преступления) была оштрафована почти на 250 тыс. евро [Consulta...].

Лично М. Рахой долгое время удавалось дистанцироваться от этого скандала, но в конце концов выяснилось, что он был в курсе финансовых махинаций соратников по партии. Сразу же по оглашении приговора П. Санчес перешел в атаку и поставил вопрос о вотуме недоверия правительству PP и персонально его председателю. Социалистам удалось перетянуть на свою сторону большинство депутатов (решающей оказалась поддержка со стороны Unidos Podemos). 1 июня состоялось голосование, по результатам которого (табл. 4) М. Рахой ушел в отставку, а П. Санчес принес присягу королю Филипп VI в качестве нового главы исполнительной власти.

П. Санчес подчеркнул, что он сознает возложенную на него ответственность и понимает сложность ситуации, в которой находится страна, нуждающаяся «в изменениях и модернизации». Особое внимание новый председатель правительства обещал уделить решению социальных проблем, в частности, созданию значительного числа рабочих мест. При этом П. Санчес отверг идею формирования коалиционного кабинета, отметив, что его правительство будет «социалистическим, однопартийным, евроориентированным», действующим в рамках конституции и способным гарантировать стабильность и выполнение всех внутренних и внешних государственных обязательств [Pedro Sánchez...].

Приход к власти социалистов в очередной раз переформатировал испанский внутривластный ландшафт, поставив перед основными партиями и общественными

организациями новые тактические и стратегические задачи. Главным вектором межпартийной борьбы стало стремление захватить максимум политического пространства, отодвигая как очевидных противников, так и возможных союзников [Ayuso].

Таблица 4

Результаты голосования по вотуму недоверия правительству М. Рахоя

«За» вотум		«Против» вотума		Воздержались	
Партия	Голоса	Партия	Голоса	Партия	Голоса
PSOE	84	PP	134	Coalición Canaria	1
Unidos Podemos	67	Ciudadanos	32	-	-
ERC	9	UPN	2	-	-
PDeCAT	8	Foro Asturias	1	-	-
PNV	5	-	-	-	-
Compromis	4	-	-	-	-
EH Bildu	2	-	-	-	-
Nueva Canarias	1	-	-	-	-
Всего	180	Всего	169	Всего	1

Источник: Congreso de los Diputados. – <http://www.congreso.es/>

В самом сложном положении оказалась PP, перешедшая (неожиданно для себя самой) в оппозицию и переживающая острый кризис руководства. Внезапный уход М. Рахоя из «большой политики» оставил партию без единоличного лидера и спровоцировал ожесточенную борьбу за власть внутри группы видных функционеров. Схватка за высший пост в партии выявила не только заметные идейные расхождения среди лидеров PP, но и слабый интерес рядовых членов к партийным делам: из более чем 800 тыс. членов только 66,7 тыс. (порядка 8%) записались для участия во внутрипартийном голосовании по кандидатуре председателя PP [El PP...]. Конфликт должен разрешиться по итогам праймериз, назначенных на 20–21 июля 2018 г. В любом случае, как считают в экспертном сообществе, «народникам» критически необходимо «моральное перевооружение», формирование привлекательной для избирателей «новой правой» политической альтернативы [Marín].

Дополнительный спектр проблем возник и в рядах двух других ведущих игроков на испанском политическом поле – Podemos и Ciudadanos. П. Санчес очевидно «переиграл» их лидеров, единолично вырвавшись вперед в межпартийной гонке. Теперь обеим партиям нужно вносить существенные коррективы в свою деятельность на этапе подготовки к следующим всеобщим выборам, которые предполагается провести в 2020 г. (Эту дату назвал председатель правительства в своем первом телевизионном интервью 19 июня 2018 г.) [Sánchez...]. Всем основным партийно-политическим силам предстоит провести большую подготовительную работу с избирателями и в предвыборных программах учесть настроения электората и последствия происшедших в стране изменений.

Можно предположить, что в ближайшие два года будет решаться судьба второго испанского транзита. Сумеет ли правительство PSOE продвинуть вперед свой проект социально-экономической модернизации Испании? Время покажет, альянс каких политических сил будет определять главный вектор национального развития, решать (или откладывать в долгий ящик) вопросы, стоящие перед обществом и государством.

* * *

Находясь в оппозиции, руководство PSOE и лично П. Санчес неоднократно указывали на необходимость трансформации нынешней испанской экономической модели, придания ей более современного, социально ориентированного, нацеленного на научно-техническую модернизацию характера [PSOE...]. С приходом социалистов во власть наступил момент истины – шанс подтвердить делами благие макроэкономические пожелания. По мнению многих представителей предпринимательских кругов и экспертного сообщества, это можно сделать, положив в основу правительственной экономической стратегии ключевые тезисы, содержащиеся в докладе I.D.E.A.S. (Инициативы для опережающего и устойчивого развития Испании).

Этот концептуальный документ, представленный в марте 2018 г. испанским инновационным фондом Fundación I+D и престижной Deusto Business School, содержит 21 конкретное предложение, касающееся всех основных «болевых точек» испанской экономики. В частности, в качестве главного приоритета указывается на необходимость довести расходы на НИР до уровня выше 2% ВВП (сейчас менее 1%) и приступить к формированию национального научно-технологического пространства с участием всех предприятий и организаций, занятых в инновационной сфере. Вторым магистральным направлением экономической стратегии должен стать опережающий рост обрабатывающей промышленности, повышение ее доли в ВВП до 20% с нынешних 14%. С этой целью предлагается выработать дорожную карту индустриального развития, выделить ключевые отрасли, способные играть роль локомотива структурной трансформации. Кроме того, ставятся задачи наращивания финансирования процесса цифровизации испанской экономики, повышения эффективности энергетического сектора, ощутимого снижения бюрократического давления на промышленные компании. Третий главный компонент новой модели роста – обеспечение тесного взаимодействия производственных предприятий с высшими учебными заведениями, расширение подготовки современных высококвалифицированных кадров, совершенствование системы профессиональной ориентации студентов с учетом потребностей нынешнего этапа технологической революции [La Fundación...].

Безусловно, правительство должно прислушаться к голосу экспертов и предпринимателей, учесть их рекомендации при выработке обновленного социально-экономического курса. Но проблема в том, что кабинет П. Санчеса вынужден действовать в жестких рамках существующих финансовых и политико-экономических (внутренних и внешних) возможностей. Финансовая сфера – самая сложная. Уже принятый на 2018 г. государственный бюджет, который социалисты обещали не пересматривать, не позволяет значительно наращивать расходы для реализации планов социально-

экономического реформирования. В итоге некоторые важные обещания PSOE могут «повиснуть в воздухе», а второй транзит – процесс перехода к более справедливому общественному устройству – будет, как минимум, заторможен.

Литература:

- Яковлев П.П. Испания: вызовы и риски нового политического цикла. М. 2012.
- Яковлев П.П. Испания: новые выборы вместо нового правительства // Перспективы. Электронный журнал. 2016. № 2. С. 117–131. – URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/ca8/2_2016.pdf (date of access: 01.07.2018).
- Яковлев П.П. Испания: период экономического кризиса и политических испытаний. М. 2009.
- Яковлев П.П. Испанский кризисный излом // Свободная мысль. 2013. №2. С. 41–56.
- Яковлев П.П. «Эффект Трампа» или конец глобализации? М. 2017.
- Яковлев П.П. «Brexit» по-испански: причины и последствия каталонского кризиса // Перспективы. Электронный журнал. 2017. № 3. С. 36–51. – URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/772/3_2017_2_.pdf (date of access: 01.07.2018).
- Ayuso J. Los partidos juegan a las damas chinas // El País. 28.04.2018.
- Benedito I. España pierde competitividad pese a la recuperación // Expansión. Madrid. 05.07.2018.
- Consulta un resumen oficial de la sentencia del caso Gürtel // El País. 25.05.2018.
- De la Lama C. El procés (Golpe de Estado en Cataluña). Madrid: Ediciones Atlantis. 2018.
- Díez A., García de Blas E. El presidente solo propondrá medidas con amplio apoyo // El País. 02.06.2018.
- Eleccions al Parlament de Catalunya 2017. – URL: <https://resultats.parlament2017.cat/09AU/DAU09999CM.htm?lang=es> (date of access: 01.07.2018).
- El PP, al desnudo // El País. 04.07.2018.
- Errores que no se deben repetir // La Vanguardia. Barcelona. 23.12.2017.
- Fuga de empresas en Cataluña: ¿Cuántas han huido hasta hoy? – URL: <https://okdiario.com/economia/empresas/2017/12/21/fuga-empresas-cataluna-cuales-huido-hoy-1422674> (date of access: 24.06.2018).
- ITC. Trade statistics for international business development. – URL: http://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx (date of access: 01.07.2018).
- La desconexión // El País. Madrid. 27.12.2017.
- La Fundación I+D y Deusto Business School presentan un plan de actuación para avanzar hacia nuevo modelo económico y social en España. 20 marzo 2018. – URL: <https://www.deusto.es/es/Satellite/> (date of access: 04.07.2018).
- Llaneras K. Cataluña ensancha su fractura // El País. Madrid. 22.12.2017.
- Los “riesgos” de Torra ya aguardan al nuevo presidente Sánchez // El Mundo. 03.06.2018.
- Marín M. En busca de un rearme moral de valores, principios y ideología // ABC. Madrid. 24.06.2018.
- Mensaje de Navidad de Su Majestad el Rey. 24.12.2017. – URL: http://www.casareal.es/ES/Actividades/Paginas/actividades_actividades_detalle.aspx?data=13413 (date of access: 2.07.2018).
- Nunes A. Las pymes españolas y el proteccionismo de Trump // Cinco Días. 08.01.2017.
- Pampillon R. ¿Por qué las empresas huyen de Cataluña? 10 de Octubre de 2017. – URL: <https://www.americaeconomia.com/analisis-opinion/> (date of access: 01.07.2018).
- Pedro Sánchez, presidente. – URL: <http://www.psoe.es/actualidad/noticias-actualidad/pedro-sanchez-presidente/> (date of access: 04.07.2018).

PSOE. 10 acuerdos de país para transformar España. – URL: <http://www.psoe.es/propuestas/10-acuerdos-de-pais/> (date of access: 02.07.2018).

Sánchez convocara elecciones generales en 2020 en España. 19 junio 2018. – URL: <https://telesurtv.net/news/> (date of access: 02.07.2018).

Silva R., Alonso A. ¿Cuántos votos cuesta un escaño a cada partido? // El País. 22.12.2017.

Tomames R., Rueda A. Comprender la economía española. La gran transformación. Madrid: Ediciones 2010, 2018.

УДК 323; 324; 327; 329; 32.019.5

Джон ЛОКЛАНД

Феномен Эмманюэля Макрона

Аннотация. В статье анализируются обстоятельства и значение избрания президентом Франции Э. Макрона, истоки и природа его политического проекта. Ряд ключевых черт созданного им движения «Вперед!» сближают его с «цветными революциями» и бизнес-проектами. В риторическом плане суть макронизма составляют прогрессизм как культ перемен и пропаганда на тему «открытости». Но при анализе сущности программы и политики Э. Макрона становится ясно, что он не представляет собой ничего нового, а наоборот является воплощением абсолютной преемственности. Его победа на выборах 2017 года стала свидетельством способности системы, против которой так или иначе стремилось проголосовать огромное число избирателей, воспроизводить саму себя.

Ключевые слова: Эмманюэль Макрон, макронизм, «Вперед, Республика!», французская политика, выборы 2017 г., прогрессизм, стартап, цветные революции, персонализация власти.

Перевод с английского Владимира Дедова

Избрание Эмманюэля Макрона президентом Франции 7 мая 2017 г. продемонстрировало несостоятельность многих ожиданий и прогнозов. Тремя годами ранее этот молодой человек, никогда прежде не занимавший выборные посты, не был никому известен. Тем не менее он не только преуспел в завоевании высшей должности в стране, но и сумел создать новую политическую партию «Вперед, Республика!» («La République en Marche»), которая потеснила как социалистов, так и консерваторов и получила абсолютное большинство на парламентских выборах в июне 2017 г. С любой точки зрения, это впечатляющие достижения.

Больше всего поражает внезапность победы амбициозного 39-летнего политика. Он начал избирательную кампанию лишь в августе 2016 г., тогда как другие, например, Ален Жюппе объявили о намерении баллотироваться за годы до выборов. Николя Саркози фактически был кандидатом с конца 2014 г., когда он вернулся в политику, несмотря на обещание этого не делать. В итоге длительная неофициальная предвыборная гонка привела к истощению политической системы Франции более чем за год до вступления в нее Э. Макрона.

Сведения об авторе: ЛОКЛАНД Джон (John LAUGHLAND) – британский философ и историк, в 2008–2018 гг. директор научных программ Института демократии и сотрудничества (Париж).

Президентские выборы 2017 г. находились в центре внимания на протяжении нескольких лет не без причины. Из всех обсуждавшихся сценариев не вызывал сомнений лишь выход Марин Ле Пен вперед в первом туре (но не во втором). Макрон, став лидером первого тура голосования в апреле 2017 г., доказал ошибочность даже этого прогноза, подтверждавшегося опросами общественного мнения в течение пяти лет.

Безоговорочная победа

Впечатляет список опытных политиков, которых Эмманюэль Макрон сумел победить. Франсуа Олланд стал первым главой Пятой республики, не выдвинувшим свою кандидатуру на второй срок. Николя Саркози, один из всего двух не переизбранных на второй срок президентов Пятой республики, мечтавая взять реванш за свое историческое поражение в 2012 г., возглавил правоцентристскую оппозиционную партию Союз за народное движение, перерегистрировав ее в 2015 г. под новым названием «Республиканцы» (*Les Républicains*). Мечте этого мастера политической игры не суждено было сбыться – в ноябре 2016 г. он проиграл первичные выборы правых и центра.

Кроме того, Эмманюэль Макрон обошел трех бывших премьер-министров, имевших президентские амбиции: Алена Жюппе, центриста-ветерана, проигравшего первичные выборы; Франсуа Фийона, официального кандидата от правоцентристов, выигравшего «праймериз», но затем растерявшего очки из-за обвинений в фиктивном оформлении жены на должность своего парламентского помощника; и премьера Манюэля Вальса, которому не удалось стать официальным кандидатом от Социалистической партии отчасти из-за тесной связи с дискредитированным Ф. Олландом, отчасти из-за собственной репутации несдержанного и авторитарного руководителя.

Все эти победы не стоит недооценивать. То, что никому не известный кандидат обыграл соперников, которые имели немало заслуг и серьезную политическую поддержку, действительно впечатляет. Все они обладали теми или иными качествами, которые имелись у Макрона. Жюппе, по сути дела, такой же центрист, как и Макрон. Вальс (до Макрона) воспринимался как молодой динамичный политик и альтернатива Олланду, и так же, как и Макрон, был левым, проводившим по существу правую политику. Фийон представлялся явным фаворитом выборов еще в конце 2016 г., коль скоро переход власти от левых к правым казался неизбежным. Политический ветеран Фийон, даже будучи премьер-министром, умудрился оставаться в тени, и поэтому его репутация не была запятнана ассоциацией с непопулярным Саркози в той степени, в которой это могло бы быть.

Кроме того, Макрон сумел ответить на серьезные вызовы со стороны левых и правых популистов. Если Национальный фронт (НФ) давно известен в политической жизни Франции, то успех «Непокоренной Франции» (*«La France insoumise»*) Жан-Люка Меланшона стал крупнейшей политической новацией избирательной кампании 2017 г. В преддверии предыдущих президентских выборов 2012 г. Меланшон заявлял, что его главным противником является Марин Ле Пен. В 2017 г. он обратил острие своей критики и вместе с ней протест своих избирателей против находившихся у власти со-

циалистов, обвинив их в предательстве левого движения. Это был сильный политический ход, весьма опасный для Эмманюэля Макрона, поскольку тот представлял именно бизнес-ориентированную часть левого политического поля, которая и была объектом атаки Меланшона. Однако этот «политический Свенгали» каким-то образом сумел, используя свою молодость и обаяние, отразить нападки Меланшона. В результате он не только не пострадал, но и набрал дополнительные очки, представляя себя, в качестве нового явления в политике. Иными словами, Макрон умело использовал антивластные настроения и желание перемен, ярким представителем которых был Меланшон.

Персонификация политики

Успех Эмманюэля Макрона примечателен еще по одной причине, которая должна представлять немалый интерес для историков. Создание движения «*En Marche!*» («Вперед!») в апреле 2016 г. стало, пожалуй, первым случаем, когда политическое движение было столь явным образом выстроено вокруг лидера – даже аббревиатура, ЕМ, повторяла инициалы самого Макрона. В истории демократии (да и в одной только французской истории XX в.) известно множество примеров политических партий, созданных одной сильной личностью. Тем не менее в таких партиях никогда не было столь прямых отсылок к именам их основателей. Обычно они все же идентифицировали себя с той или иной идеологией.

Крайняя персонификация указывает на истинную природу макроновского проекта как в высшей степени персонального, почти полностью лишённого традиционного политического кредо. Тем поразительнее успех этого проекта: из 577 депутатов, избранных в Национальную ассамблею Франции в 2017 г., 308 представляли партию «Вперед, Республика!». (Общее же число пропрезидентских депутатов больше, с учетом союзников из других партий, включая Демократическое движение (MoDem) во главе с Франсуа Байру.) Созданное Э. Макроном новое политическое объединение заняло в буквальном смысле *центр* политической жизни Франции, оттеснив далеко на обочины левую и правую оппозиции.

Даже если идеология оказалась в тени личности нового лидера, победа Макрона безусловно примечательна и с идеологической точки зрения. Он недвусмысленно позиционировал себя как проевропейского политика и сумел победить, несмотря на то, что в первом туре примерно 50% французов, наделенных правом голоса, проголосовали за антиевропейские партии. Во Франции степень недовольства Европейским союзом всегда была очень высока, и многие, в первую очередь в рядах Национального фронта, полагали, что антиевропейская позиция станет ключом к успеху на выборах. Электоральная стратегия НФ строилась на стремлении объединить левых и правых избирателей против ЕС и традиционных элит, как это произошло на референдуме 2005 г., когда и правые, и левые избиратели проголосовали против Конституционного договора ЕС. Макрон продемонстрировал полную ошибочность таких расчетов, устроив из своей победной речи на митинге 7 мая 2017 г. проевропейское шоу: на трибуну перед Лувром он поднялся под звуки «Оды к радости» из 9й симфонии Бетховена, гимна Евросоюза.

Все эти крупные успехи бесспорны. Однако один из основных тезисов данной работы заключается в том, что успех Макрона обусловлен не только и не столько его личными достижениями, сколько долговременной деградацией французской политической системы. Процесс начался еще в 70-е годы XX в., когда был избран первый «молодой» президент Валери Жискар д'Эстен, который, как и Макрон, возглавлял до того министерство экономики и финансов. С тех пор существо французской политической жизни оставалось неизменным – приверженность идее единой Европы являлась неприкосновенной догмой как для левых, так и для правых. Значение этого идеологического и институционального постоянства невозможно переоценить, поскольку на протяжении нескольких десятилетий французская политическая система пребывала в своего рода застое, будучи «зацикленной» на политкорректности, на панацее европейского строительства, создавая ощущение идейно-полемической пустоты. Свидетельством здесь могут служить слова Доминика Стросс-Кана, сказанные им в 1993 г., когда он занимал пост министра промышленности. Когда его спросили, что изменится, если вместо левых на выборах победят правые, он ответил: «Ничего. Их экономическая политика не будет сильно отличаться от нашей» [Taguieff].

Избрание «по умолчанию», ввиду отсутствия опций

Первым обстоятельством, указывающим на то, что победа досталась Э. Макрону не только благодаря его достижениям, но и в не меньшей мере из-за отсутствия реальной конкуренции, являются показатели явки избирателей и число голосов, фактически отданных за Макрона (и его партию). В первом туре выборов главы государства Э. Макрон занял первое место, набрав лишь 24% голосов – заметно меньше, чем Н. Саркози в первом туре 2007 г. (31,18%) или даже безликий Ф. Олланд в первом туре 2012 г. (28%). В июне 2017 г. большинство избирателей просто воздержались от голосования: первый тур проигнорировали 51,29%, второй тур – 57,4% [Berdah; Autour de 57,4%...], что отражает степень разочарованности французов политической системой. 16 млн избирателей не поддержали ни Макрона, ни Ле Пен во втором туре – огромная цифра, тогда как на президентских выборах явка обычно была достаточно высока. Фактически в первом туре Макрона поддержали лишь 15% зарегистрированных избирателей. Это очень низкий показатель, явно диссонирующий с пропагандируемым имиджем массового движения, присутствующим в названии «Вперед, Республика!». Конечно, политики всегда заявляют, что они представляют «народ» и победили благодаря массовой поддержке. Но избрание Макрона никак не повлияло на неуклонное снижение интереса французских избирателей к политикам в целом, будь то старым или новым, как он сам. Наоборот, его избрание является частью этого процесса, из которого он попросту извлек выгоду. С учетом низкой явки на выборах 2017 г., Макрон стал президентом «по умолчанию», в силу отсутствия альтернативных опций.

Победа Эмманюэля Макрона напоминает другие исторические моменты, когда решительные личности в *исключительных условиях* захватывали власть, готовую упасть как созревший плод. Такие условия сложились в России накануне Октябрьской революции и во Франции в момент установления власти Наполеона. Конечно, конкретные ситуации были совершенно другими. Прежде всего, в отличие от тех прецедентов,

Францию 2017 г. не сотрясали война и насилие. Но и Ленин, и Наполеон сумели разглядеть вакуум в самом сердце государственной системы и решительно и энергично использовали его, аналогично тому, как это предстояло сделать Макрону.

Макрон, к тому же, похож на эти исторические фигуры – исключая свойственную им жестокость – своей авторитарностью и отсутствием сантиментов. Вспомним грубое отстранение от должности начальника генерального штаба Пьера де Вилье в июле 2017 г., когда этот преданный долгу кадровый военный был публично унижен и отправлен в отставку за нарушение субординации. Этот первый за всю историю Пятой республики случай подобного обращения с командующим вооруженными силами и некоторые другие действия Э. Макрона продемонстрировали, что новый президент не потерпит споров или несогласия со своей линией.

Во Франции 2017 г. власть можно было взять как созревший плод в силу ряда исключительных обстоятельств, и Макрон оказался достаточно умен, чтобы этим воспользоваться. Ф. Олланд серьезно пошатнул доверие к Социалистической партии, но не к либеральному левоцентризму в целом, который глубоко укоренился в сознании французов, равно как и во всей Европе, особенно к Северу от Альп. Макрон также понимал, какие огромные электоральные возможности открывает для него долговременный тренд ослабления правоцентристов. Колоссальное разочарование у французов вызвал Н. Саркози, который в 2007 г. был избран с отчетливо правой программой, но сразу же принялся проводить политику сближения с левыми. В результате он потерял симпатии своего естественного электората, не приобретя новых сторонников среди левых.

Более того, после поражения Саркози в 2012 г. его партия Союз за народное движение стала полем длительной внутренней борьбы между бывшим премьер-министром Ф. Фийоном и генеральным секретарем партии Жаном Франсуа Копе. Это катастрофическим образом сказалось на ее моральном состоянии и привело к потере многих лет конструктивной оппозиции. Ослабление Союза за народное движение благоприятствовало Национальному фронту, а возвращение Н. Саркози в качестве лидера партии в 2014 г. и ее последующее переименование в «Республиканцев» слишком запоздали, чтобы помочь партии на выборах в Европарламент, на которых больше всего голосов собрал НФ.

Таким образом, к моменту, когда в 2017 г. разгорелся скандал, связанный с женой Ф. Фийона Пенелопой, «Республиканцы» и правоцентристы в целом уже понесли большие потери. Как следствие, у Макрона были возможности привлечь голоса не только левого электората, но и из буржуазных кругов. Например, в Версале, городе с весьма состоятельным и многочисленным средним классом, за Макрона во втором туре проголосовало более 75% избирателей [Résultats...]. И это показывает, что оказанную ему поддержку следует анализировать в первую очередь с социологической точки зрения.

Необходимо также отметить, что политическая жизнь Франции известна своей формальной нестабильностью. С завершением эпохи голлизма, выборы в законодатель-

ное собрание неизменно приводили к смене парламентского большинства. В 1981 г. после длительного пребывания у власти правых выиграла левая, в 1986 г. победили правые, в 1988 г. – левые, в 1993 г. – правые, в 1997 г. – левые, и в 2002 г. – правые. Единственным исключением стал 2007 год, когда Н. Саркози, избранный как преемник Ж. Ширака, сумел сохранить большинство Союза за народное движение в Национальном собрании. Затем алгоритм возобновился: в 2012 г. к власти на один срок пришли левые, а в 2017 г. они уступили движению «Вперед, Республика!». Поэтому «новизну» Эмманюэля Макрона необходимо сопоставлять с этой выраженной политической нестабильностью, столь явно отличающей Францию от соседей, прежде всего Британии и Германии, где избирательные циклы длятся дольше и утрата власти правящей партией является исключением, а не правилом.

Макрон-Леопард

При анализе *сущности* макронизма становится ясно, что Э. Макрон не представляет собой ничего нового, а наоборот является воплощением абсолютной преемственности. Настоящее значение его избрания отражено в знаменитой фразе Джузеппе Томази ди Лампедуза из его великого романа о Рисорджименто: «Чтобы все осталось по-прежнему, все должно измениться». Победа Макрона свидетельствует о способности системы, против которой так или иначе стремилось проголосовать огромное число избирателей, воспроизводить саму себя и, образно выражаясь, разливать старое вино по новым бутылкам.

Начиная с избрания В. Жискара д'Эстена в 1974 г., французская политика практически не менялась и каждый последующий президент был воплощением и имитацией его центризма и проевропейских взглядов. Э. Макрон в этом ничем не отличается. Если и можно говорить об идеологии макронизма, то она совпадает с идейной платформой его непосредственного предшественника Ф. Олланда.

Олланд способствовал карьере Макрона, назначив его заместителем генерального секретаря президентской администрации, а затем министром экономики. Макрон не только нашел Клода Постернака (Claude Posternak), главного советника команды Олланда по связям с общественностью, которому приписывают авторство девиза Олланда «*Le changement, c'est maintenant*» («Перемены – сейчас»), но и, похоже, целиком и полностью перенял риторику Олланда. Макрон и Олланд используют в точности те же малосодержательные фразы, те же упрощенные клише на тему перемен и прогресса, которые в ходу у многих других политиков.

Предвыборную программу Макрона могла бы легко заменить программа Олланда 2012 г.: «Обретет ли снова Франция уверенность в своем будущем? ... Мир изменился ... Наши соотечественники хотят перемен, чтобы дать будущее своей стране и своим детям. Но кто сможет сделать это? Мы должны дать людям веру в возможность нового старта. Программа Социалистической партии и предложения, изложенные в ней, отвечают задаче поднять страну с колен, осуществить перемены, объединить людей» [Jacob]. Разумеется, подобные бессодержательные банальности можно слышать от

многих политиков, но словарная преемственность между Олландом и Макроном бьет в глаза.

Не случайно в последние дни своего срока, на ежегодной церемонии у Триумфальной арки в Париже, Ф. Олланд обратился к своему преемнику как к естественному наследнику и продолжателю своего президентства: «Я хотел, чтобы Эмманюэль Макрон был здесь со мной, рядом со мной, чтобы мы могли передать пламя друг другу, стоя у вечного огня рядом с могилой Неизвестного солдата. Для меня очень важно иметь возможность показать Эмманюэлю Макрону вектор движения». Олланду даже приписывают фразу «Эмманюэль Макрон – это я» («*Emmanuel Macron, c'est moi*»).

Не случайно Сеголен Руаяль, министр экологии при Ф. Олланде и мать его четверых детей, заявила в апреле 2017 г., что довольна результатом первого тура выборов, поскольку «их кандидат» занял первое место [VIDEO. Présidentielle...]. Эти ее слова привлекли внимание комментаторов, потому что Макрон вовсе не был кандидатом от Социалистической партии, к которой принадлежали Олланд и сама Руаяль. Невольно она высказала правду, поскольку предпочтительным для них действительно был Э. Макрон, а не официальный кандидат социалистов Бенуа Амон.

Но Эмманюэль Макрон является преемником не только своего непосредственного предшественника Франсуа Олланда. Он – наследник и проявление намного более давней тенденции во французской политике. Тенденцию эту воплощает собой Жак Аттали, стоявший рядом с Макроном, когда тот праздновал в фешенебельном парижском ресторане La Rotonde победу в первом туре. Как и Макрон, Аттали представляет бизнес-ориентированный проевропейский политкорректный модернизм и прогрессизм. Карьера самого Аттали служит иллюстрацией не только длительного преобладания этого идейного течения во французском политическом истеблишменте, но и его способности подчинять своему влиянию как левых, так и правых. Вначале Жак Аттали получил известность в качестве советника президента-социалиста Франсуа Миттерана. Наибольшую славу он снискал, когда Миттеран назначил его президентом Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) в Лондоне, откуда он, как считают, руководил политикой ЕС по реформированию экономики постсоветских стран Восточной и Центральной Европы. На самом деле его работа на этом поприще была крайне неуспешной – он стал объектом уничижительной критики в британских СМИ из-за экстравагантного бюджета и неэффективного менеджмента и в итоге покинул свой пост в ЕБРР. Однако все это нисколько не испортило его репутацию во Франции.

Э. Макрон привлек внимание Ж. Аттали, когда Н. Саркози сразу после избрания в мае 2007 г. попросил его подготовить основополагающий доклад на тему экономической реформы во Франции. То, что правый президент поручил эту задачу столь знаковой фигуре из левого лагеря, подтверждает, что влияние проевропейского истеблишмента во Франции не знает политических границ. В команду был включен и Макрон. Именно Аттали поощрял в Макроне президентские амбиции: в 2016 г. он утверждал, что это он представил Макрона Олланду и стимулировал его интерес к политической деятельности [Pour Attali...]. По другим утверждениям Аттали, он стоял «у истоков карьеры Макрона».

Очевидно, что Ж. Аттали является политическим крестным отцом молодого президента. И Э. Макрон представляет отнюдь не нечто новое, а давно существующее и доминирующее течение во французской политике. Сам Аттали подтвердил это: «Эмманюэль Макрон – антисистемный кандидат? Да он чистый продукт системы!» [Цит. по: Taguieff, p. 171].

В свой звездный час Э. Макрон обратился к символике, тесно связанной с двумя его более ранними предшественниками – В. Жискаром д'Эстеном и Ф. Миттераном. Режиссура церемонии вечером 7 мая 2017 г. на фоне пирамиды перед Лувром, построенной при Миттеране, определенно имела целью напомнить о его предшественнике-социалисте. Но Лувр является также напоминанием о Жискаре д'Эстене, который, как и Макрон, считался молодым президентом, а до этого возглавлял министерство финансов, располагавшееся тогда в Лувре. И Жискара, и Миттеран тесно ассоциируются с проевропейским курсом Франции. Иными словами, Макрон стремится вдохнуть новую жизнь в политику, неуклонно проводимую Францией еще с 1974 г., когда президентом стал В. Жискара д'Эстен.

А француз ли Макрон?

Нового президента Пятой республики нельзя считать исключительно французским феноменом. Э. Макрон, который гордится своим владением английским языком, ищет себе примеры для подражания за пределами собственной страны. Его наиболее очевидные прообразы родом из англоязычного мира. «Третий путь» Тони Блэра между левыми и правыми и создание им «нового лейборизма» на останках традиционной Лейбористской партии, опиравшейся на профсоюзы, – вот, пожалуй, самый яркий прецедент для Макрона, чья партия «Вперед, Республика!» успешно потеснила отмирающую Социалистическую партию, став главной левоцентристской силой в стране. Как и Макрон, Блэр был молод (ему было 44 года, когда он стал премьер-министром) и авторитарен. Он железной хваткой держал под контролем свою партию, будучи убежденным в собственной мессианской роли. Макрону также свойственен мессианизм: в июне 2017 г. он заявил, что не отрицает наличие «христоподобного измерения» в политической власти [Macron, confidences...]. Культ молодости и современности, олицетворяемый в США Биллом Клинтонем и Бараком Обамой, является еще одним несомненным источником вдохновения для нового президента Франции.

Правда, неясно, является ли его восхищение взаимным: речь Макрона в ходе визита в Великобританию в январе 2018 г. показалась там настолько длинной, что он был высмеян британской прессой за тщеславие и суетность [Letts]. Также он стал предметом насмешек некоторых немецких журналистов из-за продолжительности своего выступления на Всемирном экономическом форуме в Давосе [Gersemann, Zschäpitz].

Общим для Т. Блэра, Б. Клинтона и Б. Обамы было то, что, имея левые политические корни, они проводили политику, которая до них ассоциировалась с правыми. В первую очередь, это касается экономического либерализма и милитаризма. (В свою очередь, Э. Макрон в день инаугурации выехал на Елисейские поля на военном автомобиле, что не

имеет прецедентов в истории Франции. Жест этот был призван показать его как главнокомандующего). Блэру, Клинтону и Обаме удавалось преподнести правую политику в новом свете, поскольку сами они были молоды и ассоциировались с обновлением. Э. Макрон начал заниматься тем же еще до избрания президентом: «закон Макрона» от 2015 г., направленный на либерализацию рынка труда, был примером именно такой правой политики, проводимой левыми.

Таким образом, и в этом отношении Э. Макрон не представляет ничего нового. С тех пор как Ф. Миттеран в 1983 г. отошел от социализма, существенной разницы между левыми и правыми силами во Франции не наблюдалось. Ф. Олланд сразу после вступления в должность отказался от выполнения предвыборных обещаний, касавшихся «политики строгой экономии». Консервативные президенты В. Жискард д'Эстен и Ж. Ширак фактически проводили центристский или левоцентристский курс, Ф. Миттеран – ярко выраженную проевропейскую линию и финансовую политику, ранее ассоциировавшиеся с правыми. Вместе с правыми он сообща управлял страной с 1986 по 1988 гг., впервые в истории Пятой республики. Совместное правление благополучно повторилось при Ж. Шираке и премьер-министре от социалистов Л. Жоспене, продлившись на этот раз пять лет, с 1997 по 2002 гг. Поскольку главным лозунгом для всех этих руководителей была «Европа», содержание их политики фактически не менялось, и Макрон является в этом ряду лишь последним примером.

Помимо англоязычных стран, Макрон черпает вдохновение в политической стратегии лидера соседней Германии Ангелы Меркель. Занимающая пост канцлера с 2005 г. Меркель вышла из правой среды, но три из четырех своих сроков (в 2005–2009 гг., 2013–2017 гг. и еще раз с 2018 г.) правила и правит в «большой коалиции» с социал-демократами. Это делает ее воплощением симбиоза левых и правых, в чем ей стремится подражать французский президент. А. Меркель даже выбрала понятие «центра» («*Die Mitte*») в качестве девиза своей партии. Меркель и Макрон оба стремятся занять центральное пространство, выталкивая всю оппозицию на крайние фланги, откуда та не может выступить против них единым фронтом. Это, бесспорно, выигрышная стратегия, говоря политическим языком, и именно она эффективно работает на французскую элиту на протяжении уже нескольких поколений. В этом плане Макрон лишь продолжает дело своих предшественников.

Макрон – «цветная революция»?

Наконец, одним из главных источников вдохновения для Э. Макрона являются «цветные революции», организованные в Восточной и Центральной Европе специалистами по «смене режима» (то есть установлению прозападных бизнес-ориентированных режимов), такими как Джин Шарп. Как и в этих революциях, ключевым элементом макроновского движения «Вперед!» была пропаганда на тему «гражданского общества», которое должно прийти на смену старым и дискредитированным политическим элитам. В своей ранней форме движение «Вперед!» было классическим стартапом по типу «цветной революции», якобы спонтанным объединением заинтересованных граждан в киберпространстве.

Очень часто в «цветных революциях» новый лидер представляет собой «*tabula rasa*» – малоизвестную личность, с которой все могут связать свои надежды и идеи и которая появляется на политической арене внезапно. Эта тактика была весьма успешно реализована в двух типичных «цветных революциях»: против С. Милошевича в Сербии 5 октября 2000 г. и «оранжевой революции» в Киеве в конце 2004 г. В. Коштуница и В. Ющенко были, по существу, неизвестными фигурами. Коштуница никогда до этого не занимал высоких политических постов, а Ющенко был малоизвестным руководителем центрального банка и очень осторожным премьер-министром. То же самое можно сказать о М. Саакашвили, который в 37-летнем возрасте пришел к власти в Грузии в ходе «революции роз». Именно такие кандидаты типа «черта из табакерки», появлявшиеся ниоткуда и внезапно для всех и использовавшие эту внезапность как свое главное оружие, добивались впечатляющего успеха. Макрон в этом ничем от них не отличается.

Люди, присоединившиеся к макроновскому движению, сыграли ключевую роль в заранее и тщательно спланированной операции. Их роль состояла в том, чтобы поддерживать все ту же давно проводимую политику, направленную на углубление интеграции в рамках Евросоюза и Запада, на дальнейшую либерализацию и разрушение традиционных социальных структур, таких как национальное государство и семья.

Как и в «цветных революциях», ключом к успеху были *политтехнологии*: на начальном этапе активисты движения «Вперед!» опрашивали людей на улицах и собирали фразы, которые избиратели хотели услышать. Затем собранные фразы вводились в компьютерную программу для генерирования лозунгов избирательной кампании Э. Макрона. Технология была скопирована с методики, примененной предвыборным штабом Б. Обамы в 2008 г. Многие из привлеченных для выполнения данной задачи являлись специалистами по коммуникации и связям с общественностью. Это была классическая маркетинговая кампания с семантическим анализом собранных на улицах фраз и преобразованием их в политические лозунги.

Как заметил однажды Ф. Миттеран, «французы выбирают того, кто рассказывает им историю, которую им хочется услышать» [Цит. по: Taguieff, p. 169]. Слабое место Марин Ле Пен состояло именно в том, что ее широкая критика в адрес французской политической системы и призывы к радикальным переменам вызывали страх в обществе, для которого весьма характерна склонность избегать рисков. Э. Макрон понимал, что французские избиратели, как и избиратели во многих других странах, предпочитают тревожной истине обнадеживающую иллюзию, и именно такую иллюзию он им предложил.

Парадоксальным образом Эмманюэль Макрон и Марин Ле Пен, по совершенно разным причинам, выстроили свои кампании по одному принципу: «мы – не правые и не левые». Оба пытались использовать чувства недовольства и разочарования существующей элитой, которые, в разных формах, испытывали многие французы. Макрон сделал это намного элегантнее и успешнее главным образом потому, что его протестные лозунги, в конечном счете, не значили ничего и лишь скрывали его глубинный конформизм и элитизм.

Все тот же старый мотив – прогресс

Пожалуй, самой старой и неоригинальной частью идеологии Макрона является его прогрессизм. Его персональный манифест, опубликованный в 2016 г., назывался просто «Революция», как будто за последние два века политической жизни Франции это избитое слово не превратилось в безнадежную банальность. Очевидно, что в макронском мире это слово, и так лишившееся реального содержания из-за слишком частого употребления, не имеет почти никакого значения. Совершенно ясно, что он не представляет революцию и не призывает к ней, ни в каком смысле этого понятия. В лучшем случае, он выступает за изменения во французской экономической политике. Но даже здесь следует быть крайне осторожным в оценках, ведь, как подчеркивает Макрон, его политика будет посвящена «перезапуску Европы», той самой Европы, которая формирует неизменную основу французского курса со времен, когда сам Макрон еще даже не родился. Его политика противоположна революции – она глубоко консервативна.

Однако прогрессизм как культ перемен и пропаганда на тему «открытости» составляют самую суть макронизма. Э. Макрон легко использует бессодержательные фразы с многословием пиар-консультанта, продвигающего новый продукт: «Мы должны трансформировать Францию и сделать ее сильнее в меняющемся мире, поскольку именно в этом ее универсалистское призвание» [Macron E. Il est urgent...]. «Перемены», «открытость», «переход на новую основу», «возрождение», – Макрон использует слова-триггеры из шаблонного языка менеджмента снова и снова: «Я глубоко убежден, что мы способны смело пойти навстречу будущему и взять нашу судьбу в свои руки» [Macron, p. 261]. «Нам следует стремиться в будущее» [Macron, p. 182]. «Мы должны обеспечить успех демократической революции и примирить Францию со свободой и прогрессом» [Macron, p. 265]. В книге-манифесте «Революция» Э. Макрон писал: «... подлинный раскол проходит между ностальгирующими консерваторами, которые хотят вернуть Францию к старому порядку, и прогрессивными реформаторами, которые верят в то, что Франции суждено стать современной» [Macron].

Э. Макрон постоянно прибегает к этим лозунгам. В 2016 г. в одном из интервью на вопросы о себе, он ответил: «Я хочу привести ситуацию в движение, открыть окна там, где их нет, дать людям силы и мобилизовать их. Я хочу помирить людей и идти вперед вместе с ними» [Les discours dans...]. На саммите «большой двадцатки» в Гамбурге 8 июля 2017 г. он буквально сыпал такими выражениями, как «движение вперед», «дальнейшее продвижение», «прогресс», «реальный прогресс», «не пятиться назад», «не отступать», «нет пути назад» и т.п. [Conférence de presse...]. Смесь языка менеджмента и банальностей из мира политики, повторяющая слоганы, используемые в рекламных целях современными компаниями, – язык, который в ходу в бизнес-школах. Например, девиз компании «Икеа» звучит так: «Готовы к переменам – выбирайте Икеа», – как будто бы это не компания, а политическая партия.

Малосодержательная риторика не может скрыть абсолютной убежденности Э. Макрона в том, что высшей добродетелью является успех. Он сам – воплощение

успеха. На протяжении своей недолгой карьеры Макрон всегда был «успешен»: за окончанием престижной Национальной школы администрации (ЭНА), где обучаются высокопоставленные политики, (что лучше всего свидетельствует о конформизме Макрона) последовали работа в банке Ротшильдов и стремительный взлет в политике. Бизнес-этика Макрона подразумевает четкое разграничение между теми, кто покорил вершины успеха, и теми, кто, будучи недостаточно предприимчивым, успеха не добился. Широко известен эпизод, когда он назвал железнодорожную станцию местом, где можно встретить «людей, добившихся успеха, и людей, ничего из себя не представляющих» [Emmanuel Macron évoque...], как будто бы если человек не добился успеха, то он «ничего из себя не представляет». В другой раз новый президент пригвоздил к позорному столбу и назвал своими врагами всех «лодырей» [«Fainéants, cyniques, extrêmes»...]. Этот жесткий элитизм отражает его авторитарность и даже агрессивность, которые весьма часто проскальзывают в его обычно политкорректном языке, аналогично тому, как менеджер в бизнесе использует не только пряник, но и кнут.

Здесь мы подошли к вопросу, что же представляет собой «настоящий Макрон». Говоря словами Авы Гарднер, Э. Макрон «в глубине души очень поверхностен»¹. Его мир – это мир успеха, прежде всего его собственного, а также успеха «сильных мира сего», которых он сумел превзойти. Макроном движет успех, а сам Макрон является его образом. В нем звучит истинный голос постмодерна, мира, где нет непререкаемых ценностей (за исключением, конечно, ценностей самого постмодерна), и где, как писал Александр Кожев, единственным элементом, формирующим общество, является снобизм, разграничивающий динамичных и ленивых, демонстративно современных и реакционных, жаждущих «строить будущее» и помнящих прошлое. С точки зрения Макрона, люди из этих вторых категорий заслуживают лишь презрения, и он презирает ту Францию, которую они представляют.

Успех всегда был главным девизом Э. Макрона. На встрече с проживающими в Лондоне французами 21 февраля 2017 г. он говорил, что Франции нужно вновь обрести вкус к успеху и что французы должны почувствовать – им нет необходимости переезжать в Лондон, чтобы преуспеть [Delesalle-Stolper]. Объявляя о выдвижении своей кандидатуры 16 ноября 2016 г., он сказал, что идет на президентские выборы, «потому что больше всего верит в общий успех, в успех Франции». Тем самым Макрон отождествил свою кандидатуру с индивидуальным и национальным успехом. Как точно подметил один обозреватель, в основе стартапа «Вперед!» лежала «логика инвестора, ищущего быстрой отдачи и роста» [Magnadieux]. Команда макроновского движения была одержима эффективностью и получением результата, точно так же как это принято в бизнесе, вся операция проводилась с использованием языка и методов бизнес-менеджмента, а сам Макрон был одновременно руководителем и единственным продуктом этого искусного проекта.

1 Ава Гарднер – американская киноактриса, одна из звезд Голливуда 1940 – 1950-х годов, говорившая о себе: «В глубине души я довольно поверхностна» (deep down, I m pretty superficial).

Макрон как стартап

Действительно, если мы хотим понять логику действий Э. Макрона, то необходимо учитывать, что это логика мира бизнеса. Когда движение «Вперед!» только начинало свою деятельность, требовалось найти финансирование, но, как и остальные партии, движение не имело право принимать более 7,5 тыс. евро пожертвований от одного физического лица. Макрон и его команда организовали большое число приемов, на которые, обычно через сеть личных контактов, приглашались богатые люди с расчетом, что многие из них пожертвуют максимальную сумму. Приемы устраивались, главным образом, в Париже, а также в Брюсселе и Лондоне, куда переехали многие состоятельные французы. Благодаря умению Макрона очаровывать толпу и отдельных людей, а также благодаря тому, что на таких раутах в ресторанах или в домах богатых друзей он оказывался в своей стихии, эта стратегия сработала. Связи бывшего банкира и министра экономики позволили движению «Вперед!» собрать за один год 14 млн евро (расходы кандидата Э. Макрона на избирательную кампанию составили 16,6 млн евро) [Bouchez].

Одним из ключевых аспектов, в которых Э. Макрон следует примеру бизнеса и таких политиков, как Т. Блэр, является самое пристальное внимание к пиар-составляющей. Ф. Олланд потерпел в сфере связей с общественностью настоящий провал. Опубликованная в 2016 г. книга «*Un président ne devrait pas dire ça*» («Президент не должен так говорить») наглядно продемонстрировала, сколь малы были его шансы на переизбрание [Davet, L'homme]. Макрон усвоил этот урок и контролирует свои связи с общественностью так же жестко, как это делают крупные банки и корпорации.

Не будет большим преувеличением сказать, что он монополизировал внимание СМИ с момента, как только возможность его выдвижения в президенты начала обсуждаться¹. Основой тактики Макрона были постоянная подача «сюжетов», которые любят подхватывать журналисты, и поддержание образа движения «Вперед!» как объединения симпатичных молодых людей, стремящихся изменить мир к лучшему. Макрон также весьма активно использовал свою жену, которой теперь восхищаются (либо завидуют) многие француженки. Однако не следует забывать, что Макрон может быть и крайне агрессивен по отношению к СМИ. Известны случаи, когда он атаковал и критиковал их, а его правительство предложило принять новые законы, вводящие цензуру в отношении так называемых «фейковых новостей» в период выборов. У журналистов, присутствовавших на встрече Макрона с представителями СМИ 4 января 2018 г. и слышавших его обращенную к ним долгую речь, не осталось сомнений в его авторитарности [Lediscours de présentation...].

Наконец, образ Макрона как стартапа культивируется намеренно. Одним из близких союзников нового президента является богатый бизнесмен Ксавье Ньель, совладелец «*Le Monde*» и владелец «Free», компании, занимающейся интернетом и телекоммуникациями. В 2017 г. Ньель прямо заявил: «Макрон является превосходным символом

¹ См. огромное количество заголовков, посвященных Макрону: dreuz.info/2017/02/18/macron-candidat-des-medias-mais-les-medias-vous-veulent-ils-du-bien/

«стартап-нации», которой мы хотим быть» [Xavier Niel...]. В этом, пожалуй, и заключается самый ясный тезис макронизма.

Конституционная реформа

Одной из ключевых составляющих успеха, по мнению Макрона, является движение. На это прямо указывает название его политической партии. Сам Макрон из тех, кто всегда торопится. Он знает, что удача в политике приходит и уходит и что ему посчастливилось воспользоваться вакуумом, возникшим во французском политическом истеблишменте. По всей видимости, Макрону удастся закрепиться на левоцентристском поле французской политики. Возможно также, что раскол правых сил продлится еще достаточно долго, чтобы гарантировать ему полное политическое преобладание. Однако он не хочет оставлять слишком многое на волю случая. Поэтому Макрон предлагает провести референдум о конституционной реформе, которая радикально изменит логику конституционного строя Франции, и, несомненно, даст еще больше полномочий исполнительной власти. Предлагаемые Макроном изменения, к сожалению, предполагают упразднение одной из немногих позитивных сторон французской политической системы, а именно ее укорененность в политической жизни местных и территориальных сообществ с их спецификой.

Подготовка к этой реформе была начата еще предшествующей администрацией Ф. Олланда, которая положила конец весьма давней практике, когда одно и то же лицо могло занимать два и более выборных поста. В классическом варианте политик был одновременно мэром и депутатом парламента от соответствующей территории. Теперь эта практика прекращена, и многие политические деятели, которые годами совмещали обе должности, вынуждены были отказаться от поста, на который они были избраны раньше, поскольку, по новым правилам, приоритет имеют выборы, проведенные позднее. Многие публичные фигуры, являвшиеся мэрами долгие годы или даже десятилетия, оказались вынуждены оставить свои посты, после того как в 2017 г. были избраны в парламент страны.

Реформы Макрона будут строиться на этой основе и, как он надеется, закрепят те почти случайные условия, которые привели его к власти в 2017 г. Из-за того что мэр не может одновременно быть депутатом, парламентарий потеряет ощущение, что он трудится на благо той территории, которую представляет. До некоторой степени, это ощущение было иллюзией, поскольку работа в национальном парламенте по определению не была сосредоточена на местных проблемах. Но в реальности традиционный депутат-мэр считал себя местным представителем в законодательном органе страны. Предлагаемые Макроном сокращение числа парламентариев и введение пропорционального представительства разрушат эту иллюзию раз и навсегда. Пропорциональное представительство означает избрание депутатов с малой привязкой к регионам или вообще без нее и увеличение размера территорий, от которых депутаты избираются напрямую. С укрупнением округов депутату будет сложнее поддерживать реальные связи на местах. Если число депутатов от определенного департамента уменьшается с шести, скажем, до трех, то размер области, представляемой каждым депутатом, по определению, удваивается.

Эти реформы неизбежно приведут к тому, что депутаты станут проводить больше времени в Париже. Их внимание будет больше сосредоточено на столице, национальном парламенте и правительстве, а не на их округах, поскольку местные города перестанут быть их политической опорой. Персональное будущее депутата станет зависеть от популярности правительства, а не от его, пусть во многом иллюзорной, роли местного представителя. Поскольку оклады у депутатов не слишком высоки (5000 евро, и это только после 10 или 15 лет работы в роли помощника), а работа трудная, весьма вероятно, что типаж депутатов изменится. «Старые лисы», умело использовавшие старую систему, но имевшие при этом собственный политический вес, независимо от национального правительства, постепенно уйдут в прошлое. На их места придут новые, более сговорчивые политики, подобные депутатам от партии «Вперед, Республика!», куда более управляемым, чем их предшественники. И это лишь усилит доминирование исполнительной власти над законодательной, которое во Франции и так весьма выражено. Существующее положение в Национальной ассамблее, где парламентское большинство послушно главе государства и тесно связано с ним, будет закреплено и, возможно, увековечено.

Ключевые фигуры в мире Э. Макрона

В рамках персонификации власти и создания новых властных структур при президенте Э. Макроне был учрежден экспертный «Комитет государственной службы 2022» (Comité Action Publique 2022, CAP-22). Это экспертная группа, не делающая публичных заявлений, то есть работая негласно, она готовит политические предложения, касающиеся, в первую очередь, государственных расходов. CAP-22 представляет собой, таким образом, элитарную политическую структуру, состав которой фактически назначен президентом. Ключевыми фигурами в этой группе являются: Вероника Бедаг-Амильюз (Véronique Bédague-Hamilius), бывшая главой аппарата премьер-министра Манюэля Вальса и сотрудницей Международного валютного фонда, а в настоящее время работающая в частной компании; предприниматель Росс Макинес (Ross McInnes), известный своими либеральными и бизнес-ориентированными взглядами; и Фредерик Мион (Frédéric Mion), давний друг премьер-министра Эдуара Филиппа, занимающий пост президента престижного Института политических исследований в Париже (Sciences Po). Все эти люди относятся к столпам левоцентристского политического и экономического истеблишмента, выступающего за дальнейшую глобализацию и мировую интеграцию.

В группу были также включены экономисты: Жан Пизани-Ферри (Jean Pisani-Ferry), ранее близкий соратник Доминика Стросс-Кана, горячий сторонник европейской интеграции (в окружении Макрона сейчас немало тех, кто входил в команду Стросс-Кана); Филипп Агьон (Philippe Aghion), преподававший в Гарварде и Оксфорде, некогда входивший в «комиссию Аттали», сторонник дальнейшей либерализации финансовых рынков и повышения их роли в экономике; директор проевропейского либерального аналитического центра «Институт Монтеня» Лоран Бигорнь (Laurent Bigorgne), который, как и премьер-министр Э. Филипп, является членом Бильдербергского клуба.

В CAP-22 есть люди с опытом успешных стартапов, как Поль Дюан (Paul Duan), молодой человек, утверждающий, что его компьютерная программа Bob Emploi позволит снизить безработицу на 10% [Que devient...]. Среди участников группы также Людовик Ле Моан (Ludovic Le Moan), создатель интернет-коммуникационной компании; Жиль де Маржери (Gilles de Margerie), глава Центра стратегического анализа «France-Strategie»¹, в прошлом банкир («Ротшильд», «Лазард», «Креди Агриколь») и советник премьер-министра от социалистов Мишеля Рокара, учредивший в 2000 г. прогрессистский мозговой центр «*En Temps Réel*»; Жан-Жак Барбери (Jean-Jacques Barbéris), 37-летний «волшебник», который, поработав в аппарате президента Ф. Олланда, ушел в финансовый сектор на зарплату в 400 тыс. евро в год и который теперь возглавляет «*En Temps Réel*»; Карим Таджеддин (Karim Tadjeddine), работающий в крупной международной компании McKinsey и тоже входящий в руководство «*En Temps Réel*»; Лоран Сан-Мартен (Laurent Saint-Martin), бывший глава этого мозгового центра.

Важную роль в мире Макрона играют его бывшие коллеги по Генеральной инспекции финансов. Такие люди, как Пьер Эйльбронн (Pierre Heilbronn), Амели Вердые (Amélie Verdier), Клодиа Феррацци (Claudia Ferrazzi) и Тома Казнав (Thomas Cazenave), входящие в ближний круг нового президента, также имели отношение к этому направлению государственной службы. Близким соратником президента является бывший руководитель Генеральной инспекции финансов Жан Бассер (Jean Bassères), возглавляющий теперь государственный центр занятости (Pole emploi). Лоран Мартель, ключевой игрок в избирательной кампании Макрона, получил в Елисейском дворце пост советника по налогам. В том же ряду можно назвать Жюстин Кутар (Justine Coutard), бывшую директором по финансам, управлению и стратегии «Группы ADP» («Groupe ADP»/ Aéroports de Paris); представителя совсем молодого поколения Флориана Коласа (Florian Colas), который, как и Макрон, начал карьеру в Генеральной инспекции финансов, а после избрания лидера «Вперед!» был назначен советником при министре; Жюли Бонами (Julie Bonamy), работавшую в команде Макрона в бытность того министром экономики, а затем перешедшую в частную строительную корпорацию Saint-Gobain.

Все эти люди являются классическими представителями элиты. Пройдя обучение в Национальной школе администрации (ЭНА) и проверку госслужбой, они перемещаются между высшими эшелонами французской власти и частного сектора, апеллируя к тому, что это позволяет им приносить свое знание реальной экономики в машину государственного управления и свои связи – в частные компании, где они периодически работают. Макрон набирал в свою команду в том числе сокурсников по ЭНА из своего выпуска 2004 г. Это его дипломатический советник Орельян Лешевалье (Aurélien Lechevalier); Жюльен Обер (Julien Aubert), в настоящее время депутат парламента; Ромэн Гро (Romain Grau), Борис Валло (Boris Vallaud) и Оливье Бешт (Olivier Becht).

Еще одна категория ключевых персон в окружении Э. Макрона принадлежит к сфере связей с общественностью и СМИ. Эти люди с самого начала были основой движе-

1 Официальное название – Генеральный комиссариат стратегии и прогнозирования, ранее – Генеральный комиссариат по планированию, был основан в послевоенные годы Жаном Монне.

ния «Вперед!», и в первую очередь здесь следует упомянуть Исмаэля Эмельяна (Ismaël Emelien) из компании Navas, занявшего пост советника президента по связям с общественностью. Доминирующее положение людей из этого круга также показывает, что Э. Макрон немало позаимствовал у Т. Блэра. Тот в бытность премьер-министром был известен широким применением политехнологий, а PR-менеджер Блэра Алистер Кэмпбелл (Alastair Campbell) и политехнолог Питер Мэндельсон (Peter Mandelson) были ключевыми фигурами в его проекте.

Выводы и перспективы

Э. Макрон является новатором лишь на словах – политика, которую он проводит, совершенно не нова. При этом им, как и многими в Европе, движут искренняя вера в современность и прогресс, а также страх перед тем, что он считает ретроградным и консервативным. Политически это выражается в безоговорочной поддержке происходящего процесса европейской интеграции и неприятию любых форм евроскептицизма, который Макрон приравнивает к национализму и авторитаризму. По существу, это политика, держащаяся на табу: границы дозволенного политического дискурса постоянно сужаются, и это привело к явлению, которое можно определить лишь как все большую закрытость европейского сознания [об аналогичном явлении в США см.: Bloom].

Это просматривается во всем, будь то приверженность Европейскому союзу в целом и партнерству с Германией в частности; политика на Ближнем Востоке, где отношения с Ираном приносятся в жертву дружбе с Саудовской Аравией и другими странами Персидского залива; заявления на тему вины французов за Холокост в духе известного покаяния Ж. Ширака; или прием 15 марта 2018 г. в Елисейском дворце премьер-министра Косово Хашима Тачи (одного из основателей и главных полевых командиров Армии освобождения Косово, неоднократно обвинявшегося в торговле человеческими органами, наркотиками и военных преступлениях. – прим. ред.), – закрытая встреча, о которой умолчали ведущие СМИ и информация о которой отсутствует на официальном сайте Елисейского дворца.

В отношении России Э. Макрон придерживается тех же взглядов, что и его предшественники. Мерой всех вещей для него является Европа, и он судит о России, исходя из будто бы более высоких европейских стандартов. По словам Макрона, произнесенным во время визита Владимира Путина в Версаль, Петр Великий символизирует Россию, «открытую для Европы» [Conférence de presse conjointe avec...]. «Пригласив Вас в Версаль, господин президент, я хотел поделиться с вами именно такой Россией, открытой для Европы», – сказал Макрон. Тем самым новоизбранный президент Франции дал понять, что ждет от России готовности учиться у более высокой в политическом и технологическом отношении западной цивилизации. В превосходстве Запада он убежден настолько, что, вероятно, никогда даже не задумывался над этим вопросом. Суть его «месседжа» в адрес России очевидна: он рад иметь дело с русскими, но только на своих условиях.

К несчастью для Э. Макрона, новый толчок в деле европейской интеграции, вероятно, принесет ему не больше пользы, чем в свое время его предшественникам, которые

выступали с подобными призывами (Н. Саркози в 2007 г., Ф. Олланд в 2012 г.) [A Berlin...; Gorce; Macron et Gentiloni...]. Государственный долг Франции огромен, а практике послаблений со стороны Европейского центрального банка вскоре придет конец. Это сделает невозможным и далее поддерживать искусственно заниженную процентную ставку. Повышение же процентной ставки будет весьма болезненным для французской экономики. Потенциал привлекательности, которой в глазах многих обладал проект Евросоюза, сегодня иссяк, проявлением чего является националистическая политика Польши и Бельгии, вызывающая нападки Брюсселя (и Парижа). В Италии набирает силу восстание евроскептиков, побеждают левые и правые антиевропейские партии, сформировано правительство «Движения пяти звезд» и «Лиги», – союзников Партии независимости Соединённого Королевства и французского Национального фронта.

Подводя краткий итог, можно сказать, что Э. Макрон, преподносящий себя как нечто новое, в действительности быстро оказывается в плену событий, которые, в отличие от президентских выборов во Франции, ему неподвластны.

Литература

- «Fainéants, cyniques, extrêmes» : Macron accusé d'insulter les Français // Le Figaro. 11.09.2017. – URL: lefigaro.fr/politique/le-scan/2017/09/10/25001-20170910ARTFIG00121--faineants-cyniques-extremes-macron-accuse-d-insulter-les-francais.php (date of access: 11.07.2018).
- A Berlin, Sarkozy veut relancer rapidement l'Europe // La Croix. 16.05.2007. (date of access: 11.07.2018).
- Autour de 57,4% d'abstention au second tour des législatives 2017, un nouveau record // Le Monde. 19.06.2017. – URL: lemonde.fr/les-decodeurs/article/2017/06/18/autour-de-56-6-d-abstention-au-second-tour-d... (date of access: 11.07.2018).
- Berdah A. Abstention record: jamais les législatives n'ont aussi peu mobilisé // Le Figaro. 18.06.2017. – URL: lefigaro.fr/elections/legislatives/2017/06/18/38001-20170618ARTFIG00127-abstention-record... (date of access: 11.07.2018).
- Bloom A. The Closing of the American Mind. N.Y. 1987.
- Bouchez Y., Cazi E., Motet L., Piel S., Pietralunga C. Dîners lucratifs, dons, rabais : les combines de la campagne Macron // Le Monde. 03.05.2018. – URL: lemonde.fr/politique/article/2018/05/03/diners-lucratifs-dons-rabais-les-combines-de-la-campagne-macron_5293728_823448.html (date of access: 02.07.2018).
- Conférence de presse conjointe avec M. Vladimir Poutine // Présidence de la République. – URL: elysee.fr/videos/conference-de-presse-conjointe-avec-m-vladimir-poutine/ (date of access: 11.07.2018).
- Conférence de presse d'Emmanuel Macron le Samedi 8 juillet 2017 au G20 à Hambourg // Présidence de la République. – URL: elysee.fr/videos/new-video-17/ (date of access: 11.07.2018).
- Davet G., Lhomme F. Un président ne devrait pas dire ça... Paris. 2016.
- Delesalle-Stolper S. Macron caresse dans le sens du poil les Français de Londres // Libération. 21.02.2017. – URL: liberation.fr/france/2017/02/21/macron-caresse-dans-le-sens-du-poil-les-francais-de-londres_1550152 (date of access: 11.07.2018).
- Les discours dans l'actualité. Interview de M. Emmanuel Macron, ministre de l'économie, de l'industrie et du numérique, à « Europe 1 » le 17 septembre 2014, sur sa nomination au gouvernement dans

- un contexte de crise politique et de malaise social // Vie publique. – URL: discours.vie-publique.fr/notices/143002097.html (date of access: 11.07.2018).
- Le discours de présentation de vœux à la presse d'Emmanuel Macron – 03/01 // BFMtv. 03.01.2018. – URL: bfmtv.com/mediaplayer/video/le-discours-de-presentations-de-voeux-a-la-presse-d-emmanuel-macron-0301-1019487.html (date of access: 11.07.2018).
- Emmanuel Macron évoque les «gens qui ne sont rien» et suscite les critiques // Le Figaro. 02.07.2017. – URL: lefigaro.fr/politique/le-scan/2017/07/02/25001-20170702ARTFIG00098-emmanuel-macron-evoque-les-gens-qui-ne-sont-rien-et-suscite-les-critiques.php (date of access: 11.07.2018).
- Emmanuel Macron : « La gauche aujourd'hui ne me satisfait pas » // HuffPost. 23.04.2016. – URL: huffingtonpost.fr/2016/04/23/macron-la-gauche-aujourd'hui_n_9765470.html (date of access: 11.07.2018).
- Gersemann O., Zschäpitz H.* Macron kam, sah – und enttäuschte // Die Welt, 24.01.2018. – URL: welt.de/wirtschaft/article172828018/Davos-Macron-kam-sah-und-enttaeuschte.html (date of access: 11.07.2018).
- Gorce B.* François Hollande veut relancer l'Europe et poursuivre les réformes // La Croix. 17.05.2013. – URL: la-croix.com/Archives/2013-05-17/Francois-Hollande-veut-relancer-l-Europe-et-poursuivre-les-reformes-2013-05-17-961936; la-croix.com/Actualite/France/Francois-Hollande-veut-relancer-l-Europe-et-poursuivre-les-reformes-2013-05-16-961012 (date of access: 11.07.2018).
- Jacob O.* Projet Socialiste 2012. Paris. 2011.
- Letts Q.* Macron and on and on and on and on and on... the French windbag! QUENTIN LETTS watches as he hogs the limelight // Daily Mail. 18.01.2018. – URL: dailymail.co.uk/news/article-5286437/QUENTIN-LETTTS-watches-Macron-hogs-limelight.html (date of access: 11.07.2018).
- Macron E.* Il est urgent de réconcilier les France. Interview // Le Un. No. 121. 13.09.2016. – URL: le1heβδο.fr/journal/numero/121/il-est-urgent-de-rconcilier-les-france-1813.html (date of access: 11.07.2018).
- Macron E.* Révolution. Melbourne. London. 2017. – URL: webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:mkTnBrsoSVoJ: scribd.com/document/352023440/Emmanuel-Macron-Revolution+&cd=13&hl=fr&am... (date of access: 11.07.2018).
- Macron et Gentiloni veulent travailler ensemble à «une relance» de l'Europe // Le Point. 21.05.2017. – URL: lepoint.fr/europe/macron-et-gentiloni-veulent-travailler-ensemble-a-une-relance-de-l-europe-21-05-2017-2129238_2626.php (date of access: 11.07.2018).
- Macron, confidences sacrées // Journal du Dimanche. 21.06.2017. – URL: lejdd.fr/Politique/Emmanuel-Macron-confidences-sacrees-846746 (date of access: 11.07.2018).
- Magnadieux M.* Macron et Cie, Enquête sur le nouveau président de la République. Paris. 2017.
- Pour Jacques Attali, «Macron n'incarne que le vide» // Challenges. 13.05.2016. – URL: challenges.fr/challenges-soir/pour-jacques-attali-macron-n-incarne-que-le-vider_24719 (date of access: 11.07.2018).
- Que devient Paul Duan, le «génie» censé faire diminuer le chômage ? // Libération. 09.11.2017. – URL: liberation.checknews.fr/question/25081/que-devient-paul-duan-le-genie-cense-faire-diminuer-le-chomage (date of access: 11.07.2018).
- Résultats présidentielle 2017 – Versailles // Le Monde. – URL: lemonde.fr/ile-de-france/yvelines,78/versailles,78646/elections/presidentielle-2017/ (date of access: 02.07.2018).
- Taguieff P.-A.* Macron : miracle ou mirage ? Paris. 2017.

VIDEO. Présidentielle: «Notre candidat était en tête», Ségolène Royal se félicite de la première place d'Emmanuel Macron // FranceInfo. CNEWS. 25.04.2017. – URL: francetvinfo.fr/politique/benoit-hamon/video-presidentielle-notre-candidat-etait-en-tete-segolene-royal-se-felicite-de-la-premiere-place-d-emmanuel-macron-lors-du-premier-tour_2161848.html (date of access: 11.07.2018).

Xavier Niel: «Macron symbolise à merveille la 'start-up nation' que nous voulons être» Le Journal du dimanche // Le Journal du dimanche. 21.10.2017. – URL: lejdd.fr/medias/xavier-niel-une-chaine-tout-info-nous-parait-un-passage-obligee-3470600 (date of access: 11.07.2018).

УДК 325; 323; 327

НАТАЛЬЯ ТРАВКИНА

Иммиграционная политика Д. Трампа: промежуточные итоги

Аннотация. Решение проблемы нелегальной иммиграции стало ключевым пунктом внутривнутриполитической повестки дня республиканского президента Д. Трампа. Политический символ нового подхода – стена, которую он пообещал соорудить вдоль американо-мексиканской границы. Инициатива натолкнулась на мощное сопротивление в Конгрессе, в том числе и со стороны республиканцев. В статье рассматриваются первые итоги «иммиграционных указов» Д. Трампа и различные аспекты противостояния в Вашингтоне по вопросу иммиграции, разделившего «нацию иммигрантов».

Ключевые слова: нелегальная иммиграция, иммиграционное законодательство, иммиграционная политика, Д. Трамп, национальная безопасность, депортация, американо-мексиканская стена, оперативный контроль над границей.

Радикальное изменение отношения к иммигрантам являлось одним из центральных пунктов предвыборной платформы Д. Трампа. Едва вступив в должность президента, он немедленно принялся реализовывать свои обещания. Путеводной звездой в сфере иммиграционной политики стала стена, которую он пообещал соорудить вдоль американо-мексиканской границы. Стена выражала не только представление администрации Трампа о фундаментально новом режиме функционирования границ в обществе, некогда открытом для процессов глобализации, но и психологическое отношение самого президента к нелегальным (а в значительной части и легальным) иммигрантам, наводнившим Америку с начала 1990-х годов.

Характеризуя исторический поворот в американской иммиграционной политике с приходом администрации Д. Трампа, профессор права университета Сетон Холл (штат Нью-Джерси) Л. Нессел указывала: «Иммиграционное законодательство иногда справедливо называют окном в наше национальное самосознание. Как показала президентская кампания 2016 г., наше национальное самосознание находится в состоянии глубокой обеспокоенности, особенно в том, что касается отношения к иммигрантам. Президент Трамп принялся смело манипулировать архетипами нашего национального самосознания, результатами чего явились настроения глубокого страха... запрет мусульманам въезжать в США и депортация мексиканцев, которые были названы «наильниками и убийцами». С первых дней пребывания у власти новой администрации стало очевидно, что этот страх перед иностранцами будет играть центральную роль

Сведения об авторе: ТРАВКИНА Наталья Михайловна – главный научный сотрудник, руководитель внутривнутриполитических исследований Института США и Канады РАН, доктор политических наук travkina.n.m@gmail.com.

в изменении иммиграционной политики и в регулировании поведения иммигрантов и всех остальных граждан на территории страны» [Nessel, p. 525].

Сфера иммиграционных отношений представляла собой чрезвычайно удобный объект для односторонних действий исполнительной власти, поскольку на протяжении 20 лет она регулировалась подзаконными актами, издаваемыми федеральными органами, ответственными за пограничный контроль и натурализацию иммигрантов. Последняя иммиграционная реформа в США была проведена в 1996 г., когда президент У. Клинтон подписал Закон о реформе нелегальной иммиграции и ответственности иммигрантов.

«Великая американская стена»

В указе «Укрепление безопасности границ и усиление правоприменительной практики в сфере иммиграции», подписанном 25 января 2017 г., Д. Трамп первым делом поручил министерству внутренней безопасности незамедлительно начать строительство новой¹ стены вдоль юго-западной границы США с Мексикой.

Необходимость этого объяснялась тем, что «безопасность границ является критически важной для национальной безопасности США. Иностранцы, которые незаконно проникают на территорию США без досмотра или разрешения, представляют значительную угрозу национальной безопасности и общественному порядку» [Trump Executive Order 13767]. В указе далее отмечалось, что «недавний всплеск притока нелегальных иммигрантов через южную границу с Мексикой создал значительную нагрузку на ресурсы федеральных властей и ведомств, отвечающих за обеспечение безопасности границ и правоприменительную практику в сфере иммиграции, а также на ресурсы местных общин, где было размещено множество нелегальных иммигрантов».

Следующий параграф напрямую связывал нелегальную иммиграцию из Мексики с деятельностью транснациональных преступных группировок, которые «создали обширные сети для незаконного оборота наркотиков и людей по обе стороны южной границы, что в огромной степени способствовало росту насильственной преступности и смертности от употребления наркотиков в США. Среди тех лиц, которые незаконно проникают на территорию США, есть немало людей, которые пытаются нанести американцам намеренный ущерб путем террористических актов и разбойных нападений. Продолжающаяся нелегальная иммиграция представляет очевидную и видимую опасность для национальных интересов США» [ibidem].

Жесткие формулировки указывают на важные изменения, происходящие в самосознании американской нации, которая сложилась как нация иммигрантов и прежде с готовностью пользовалась «человеческим капиталом», произведенным в других странах. США во все большей степени начинают воспринимать окружающий мир как «враждебный» и «полный угроз» для себя, и это мироощущение распространяется не только на ближайшего южного соседа.

¹ Первая стена в виде легкой решетки начала строиться в 2005 г.

Заслуживает внимания еще один аспект. В указе утверждалось, что действующее законодательство США в принципе дает федеральным властям и властям штатов все необходимое, чтобы обеспечить безопасность южной границы, однако федеральные власти не справились с возложенными на них обязанностями. Поэтому «целью данного указа является издание директивы, которая обязала бы федеральные министерства и ведомства задействовать все имеющиеся в их распоряжении средства для защиты южной границы страны, воспрепятствования дальнейшему нелегальному миграционному притоку в США и быстрой, последовательной и гуманной репатриации незаконных иммигрантов».

Это положение указа примечательно с точки зрения взаимоотношений исполнительной и законодательной власти. Фактически администрация Д. Трампа утверждала, что порядок в сфере иммиграции может быть обеспечен без проведения новой всеобъемлющей иммиграционной реформы, с опорой исключительно на репрессивный и правоохранительный аппарат, включая пограничную службу.

Для выполнения этих задач указ предписывал выделение дополнительных средств из федерального бюджета на расширение (и создание новых) центров временного содержания нелегальных мигрантов. Он требовал безусловного задержания и ареста всех иммигрантов, подозреваемых в совершении каких-либо правонарушений, до принятия судебного или административного решения. Указ предусматривал увеличение численности пограничников на 5 тыс. человек и сотрудников Управления по таможенным и иммиграционным вопросам – на 10 тыс., а также требовал неукоснительно исполнять правило пограничного контроля США, гласившее, что лица, пересекшие американско-мексиканскую и американско-канадскую границу без разрешения, должны быть немедленно депортированы в Мексику или Канаду.

Указ содержал призыв к властям штатов и органам местного самоуправления заключать с федеральными властями соглашения, согласно которым при задержании, аресте и расследованиях, связанных с нелегальными иммигрантами, они будут руководствоваться нормами федерального права.

Одним из самых примечательных пунктов было требование к главам федеральных министерств и ведомств собрать и представить в течение двух месяцев данные обо всех видах экономической, гуманитарной и военной помощи, которую США на протяжении последних 5 лет оказывали правительству Мексики [Ibidem, Section 9]. Тем самым Трамп давал понять, что готов выполнить свое предвыборное обещание – заставить правительство Мексики заплатить за сооружение пограничной стены, а также, возможно, и за ущерб, который нанесла США незаконная иммиграция из Мексики.

По мнению американских аналитиков, два принципиальных положения президентского указа от 25 января 2017 г. поставили его в один ряд со «всеобъемлющими» иммиграционными реформами. Первое относится к понятию «операционного контроля» над южной границей США и однозначно предписывает 100%-ное задержание или воспрепятствование проникновению на территорию США нарушителей границы либо не-

законных иммигрантов. Как отмечал сотрудник Центра иммиграционных исследований Д. Кедман, прежние расплывчатые определения «операционного контроля» оборачивались ситуацией «гарантированной амнистии для нарушителей границ» [Cadman, p.2]. В практике пограничного контроля утвердилась система «поймать – отпустить», смысл которой сводился к тому, что нарушители границы могли рассчитывать на судебное рассмотрение своих случаев. Ожидание же судебного решения порой затягивалось на много лет, поэтому нарушители отпускались на свободу и с течением времени пополняли ряды незаконных иммигрантов. Второе положение, – согласно указу Д. Трампа, задержание нарушителей границы предполагает, что они «будут отправлены в Мексику или Канаду до судебного разбирательства, к началу которого они могут вернуться назад и изложить причины своего незаконного перехода границы» [Ibidem, p. 3].

20 февраля 2017 г. по линии Министерства внутренней безопасности был издан меморандум, содержащий конкретные меры по реализации указа президента [Memorandum...]. Меморандум также очерчивал задачи, которые предстояло решить на американо-мексиканской границе. Общая ее протяженность составляет свыше 3200 км. Начиная от Мексиканского залива 2019 км проходят по реке Рио-Гранде, далее 858 км сухопутной границы, затем 38 км вдоль реки Колорадо, а затем опять сухопутная граница протяженностью 228 км до Тихоокеанского побережья США. К январю 2017 г. около 1050 км американо-мексиканской границы уже были защищены ограждениями, из них 568 км – от проникновения нарушителей-пешеходов (остальные 482 км – от возможного проникновения автотранспорта).

Замысел Трампа заключается в строительстве вдоль всей американо-мексиканской границы мощной, хорошо укрепленной стены протяженностью 3200 км, оснащенной по последнему слову техники (радары, беспилотники, тепловые, акустические и иные виды датчиков, другие технические системы). Общая стоимость сооружения, которое администрация Трампа хотела бы возвести в течение трех с половиной лет, оценивается в 21,6 млрд долл. [Hipsman, p. 2]

По мнению критиков, строительство стены не только потребует крупных финансовых затрат, но и нанесет немалый ущерб окружающей среде, лесному хозяйству и сельскохозяйственным угодьям. Более 40% длины границы, или порядка 1,3 тыс. км, находятся в ведении министерства внутренних дел и управления лесоводства, подчиненного министерству сельского хозяйства США. В 2006 г. эти два ведомства наряду с министерством внутренней безопасности подписали меморандум о разграничении полномочий, с сохранением равного права голоса по спорным вопросам. Однако указ Трампа ставит во главу угла интересы министерства внутренней безопасности, отдавая безусловный приоритет нуждам охраны государственной границы в ущерб интересам двух других ведомств [Ibidem, p. 10].

В 2016 финансовом году расходы США на охрану государственных границ, включая морские, составили внушительную сумму в 13,3 млрд долл. [Ibid., p. 1] Было задержано около 409 тыс. нарушителей, главным образом пытавшихся пересечь американо-мексиканскую границу. Если принять во внимание, что в 2000 фин.г. американскими пограничниками

было задержано 1,65 млн нарушителей американских границ, то следует признать, что за 15 лет масштабы нелегальной иммиграции удалось заметно снизить [Ibid., p. 1].

В начале 2017 г. в ведении управления по таможенным и иммиграционным вопросам находилось свыше 600 пунктов задержания нарушителей границы, в которых ежедневно могли содержаться 34 тыс. человек (исходя из числа койко-мест). Управление ставило вопрос о двукратном увеличении числа койко-мест (до 68 тыс.), на что ежегодно должно было потребоваться дополнительно 2,6 млрд долл. [Ibid., p. 2]

Прямолинейный настрой администрации Трампа на задержание, арест и депортацию нарушителей границ, а также нелегальных иммигрантов, не в последнюю очередь был обусловлен катастрофической ситуацией, сложившейся с судебными решениями подобных дел. Дела иммигрантов рассматривались в 58 судах на всей территории США судебным корпусом, который насчитывал всего 300 судей. По состоянию на февраль 2017 г. в судах находилось 542 тыс. таких дел, средний срок их рассмотрения составлял от 3 до 4 лет. Максимум, что могла позволить себе в этих условиях администрация Трампа, – это запросить дополнительно 80 млн долл. для найма еще 75 судей по иммиграционным делам [Ibid., p. 3].

Даже увеличение, согласно указу Трампа, численности пограничной службы США на 5 тыс. человек невыполнимо одномоментно; согласно служебным оценкам министерства внутренней безопасности, это увеличение может растянуться на 5 лет и обойтись казне в 2,2 млрд долл. [Ibid., p. 5] Администрация планирует в течение 2019 фин.г. увеличить численность пограничников на 750 человек, количество служащих Управления по таможенным и иммиграционным вопросам – на 2 тыс. человек, довести число койко-мест в пунктах содержания нарушителей границы до 52 тысяч, включая 2,5 тыс. койко-мест для семей-нарушителей [Homeland Security... p.1]

Указ Трампа впервые обязал министерство внутренней безопасности насильственно выдворять незаконных иммигрантов со всей территории США. Прежде обычная практика принудительного выдворения незаконных иммигрантов распространялась на лиц, задержанных на удалении не более 160 км от границы в течение 14 дней с момента ее перехода. По оценкам американских аналитиков, в 2014 фин.г., например, насильственно было выдворено порядка 45% лиц, задержанных за незаконный переход границы. К концу января 2017 г., когда был подписан указ, на всей территории США было примерно 835 тыс. незаконных иммигрантов, находившихся в стране не менее двух лет; из этого числа от 260 тыс. до 440 тыс. могли принудительно быть выдворены из страны «без суда и следствия» [Hipsman, p.1].

Ужесточение репрессивных мер по отношению к незаконной иммиграции связано еще и с тем, что, например, с апреля 2016 г. по конец марта 2017 г. из общего числа уголовных дел (75,9 тыс.), рассмотренных федеральными судами США, 32% пришлось на долю преступлений, связанных с оборотом наркотиков, и 27% – на долю преступлений на почве незаконной иммиграции [Federal Judicial...]. При этом как раз на вторые приходится большая часть обвинительных приговоров [Federal Criminal...].

Указ Трампа предписывал в максимально возможной степени отказаться от практики приема иммигрантов, незаконно пересекающих американо-мексиканскую границу и требующих убежища в США по соображениям личной безопасности или по иным подобного рода мотивам. В 2014 фин.г., например, число таких лиц составляло 45 тыс., примерно половина из них были отпущены на свободу под честное слово [Lifeline on Lockdown...].

По мнению американских экспертов, немалая часть лиц, отпущенных под честное слово, пополняет ряды незаконных иммигрантов, не дожидаясь судебных решений по своим делам. Лишь незначительной части удается легализовать свое пребывание в США, получив убежище. Так, в 2016 фин.г. из общего числа незаконных иммигрантов из Сальвадора, попросивших убежище в США (17 709 человек), его официально получили только 4,3%; из Мексики (12 831 человек) – 3,6%; из Гватемалы (11 354 человек) – 5,6%; из Гондураса (10 818 человек) – 5,7% [Asylum Statistics... pp. 2–4].

* * *

Будучи политическим символом фундаментально нового подхода к иммиграционной политике, инициатива Трампа по сооружению укрепленной стены вдоль американо-мексиканской границы натолкнулась на мощное сопротивление в Конгрессе, в том числе и со стороны республиканцев. Тем не менее после годичной проволочки Конгресс в марте 2018 г. наконец-то выделил администрации 1,6 млрд долл. на сооружение первых участков стены в восточной части (по границе с Техасом) протяженностью примерно 105 км [Fiscal Year 2019... p. 58]. Одна из причин изменения позиции Конгресса, возможно, состоит в том, что администрация сократила бюджет сооружения «великой американской стены» до 18 млрд долл [2019 Fact Sheet... p. 1].

Со своей стороны, Д. Трамп по-прежнему придает этому проекту колоссальное значение. Посетив в марте 2018 г. с инспекцией американо-мексиканскую границу в штате Калифорния, где началось сооружение первых секций железобетонной стены, Д. Трамп написал в Твиттере: «Если мы не построим стену, то потеряем страну» [If we don't have...].

В принципе США могут предъявить Мексике в порядке частичной компенсации расходов по сооружению стены финансовые претензии на сумму порядка 1,7 млрд долл. Дело в том, что при администрации Б. Обамы, в период с 2012 фин. г. по 2016 фин. г., Мексика получила от США помощь в сумме 1,64 млрд долл. [Рассчитано по: U.S. Agency for International...] С приходом к власти администрации Д. Трампа размеры экономической и военной помощи Мексике были резко сокращены: до 63,4 млн долл. в 2017 фин. г. и 0,5 млн долл. в 2018 фин. г. [Ibidem]

Проволочки и задержки будут, по всей видимости, и дальше сопровождать сооружение «великой американской стены», что наверняка скажется и на ее конечной стоимости. Весной 2018 г. называлась уже сумма в 25 млрд долл. [Alvarez Could...] Параллельно с выбиванием бюджетных средств велась инженерно-техническая проработка

проекта. К октябрю 2017 г. пограничная служба США получила заявки на участие в тендере на строительство 8 *экспериментальных секций* стены от почти 450 американских фирм [Alvarez What's...]; при этом пока окончательно даже не решено, будет она сооружена из железобетона или из композитных материалов, – ведь железобетонная стена сравнительно легко преодолевается с помощью стандартного альпинистского снаряжения. Придется учитывать и фактор износа ограждений, построенных во второй половине 2000-х годов; Конгресс США уже выделил 341 млн долл. на ремонт и модернизацию 65 километров границы, проходящей по территории штата Калифорния.

В сложившейся ситуации Д. Трамп обратился к идее использовать финансовые и людские ресурсы министерства обороны для ускоренного сооружения стены. «Поскольку на восстановление нашей военной мощи выделяется от 700 до 716 млрд долл., создается много рабочих мест и наши военные вновь становятся богатыми, – написал 25 марта 2018 г. в Твиттере президент. – Строительство великой Пограничной стены равноценно борьбе с наркотиками (ядами) и враждебными боевиками, наводняющими нашу страну, и поэтому все это относится к сфере нашей национальной обороны. Построим СТЕНУ силами наших военных!» [Trump, Facebook].

Впрочем, как быстро выяснили американские юристы, волюнтаризм и некомпетентность президента Трампа распространяются и на сферу военного строительства. Согласно принятому еще в 1878 г. законодательству, у американских военных нет «правовых полномочий, позволяющих им оказывать поддержку федеральным, штатным и местным властям и местным правоохранительным органам в противодействии обороту наркотиков и контртеррористической деятельности и в борьбе с некоторыми видами преступлений, связанных с нелегальной иммиграцией и контрабандой» [Mason, p. 3].

Тем не менее Д. Трамп стал активно подключать американские вооруженные силы к охране американо-мексиканской границы. По его призыву губернаторы четырех пограничных с Мексикой штатов (Калифорнии, Аризоны, Нью-Мексико и Техаса) согласились выделить контингенты национальных гвардейцев численностью в несколько сот человек для патрулирования и охраны границы, а отряды национальной гвардии Аризоны и Техаса приступили к несению дежурств на границе [Rhodan]. Одновременно министр обороны США Дж. Мэттис распорядился, чтобы 4 тыс. национальных гвардейцев незамедлительно приступили к охране американо-мексиканской границы [National Guard Troops...].

Каковы промежуточные результаты всех этих мер? В 2017 фин.г. пограничная служба США задержала порядка 304 тыс. нарушителей американо-мексиканской границы, или на 25% меньше, чем годом ранее [Southwest Border...]. Уменьшение количества нарушителей не стало радикальным. Тем не менее в нем можно увидеть свидетельство того, что все меньшее число мексиканцев и жителей стран Центральной Америки отваживаются нелегально пересечь границу с США, понимая конечную бесполезность этой затеи, во всяком случае, при администрации Д. Трампа.

Иммиграционные указы Д. Трампа от 27 января 2017 г.

Жесткая и авторитарная линия администрации Трампа в сфере иммиграции в еще большей степени проявилась в президентском указе от 27 января 2017 г. о защите США от проникновения в страну иностранных террористов. Этот указ вызвал настоящую политическую бурю, поскольку он запрещал, сроком на 90 дней, въезд в страну граждан 7 арабских стран: Ирака, Ирана, Ливии, Сирии, Сомали, Судана и Йемена. «Соединенные Штаты, – говорилось в указе, – должны быть уверены в том, что лица, которые получили разрешение на въезд в страну, не настроены враждебно по отношению к ней и к ее основополагающим принципам. США не могут и не должны принимать тех лиц, которые не поддерживают Конституцию страны, или тех, кто ставит идеологию насилия выше американских законов. Помимо этого, США не должны принимать тех, кто участвует в актах фанатизма или ненависти (включая “убийства чести” и другие формы насилия по отношению к женщинам, или же преследование тех, кто исповедует иные религиозные принципы), или тех, кто будет враждебно относиться к американцам иной расы, пола или сексуальной ориентации» [Trump Executive Order 13769...]. Федеральным органам, ответственным за разработку и проведение иммиграционной политики, предписывалось «в кратчайшие сроки» разработать методики всесторонней глубокой проверки на предмет выявления возможных террористов среди граждан этих стран. Помимо этого, указ приостанавливал на 120 дней программу приема в США беженцев, в том числе полностью прекращался прием беженцев из Сирии. Официально установленная квота на прием беженцев в размере 110 тыс. человек в 2017 фин.г. сокращалась более чем вдвое – до 50 тыс. человек. Однако самым примечательным был раздел, в котором несколько витиевато говорилось о том, что после возобновления программы приема беженцев «приоритет должен быть отдан приему тех лиц, которые бежали из родных стран по причине религиозных преследований, обусловленных тем, что религиозные убеждения данного индивида представляют миноритарную конфессию в его родной стране» [Ibidem].

Эта формулировка отражала убеждение Д. Трампа, неоднократно высказанное им в ходе президентской кампании 2016 г.: США должны принимать из стран Ближнего и Среднего Востока исключительно христиан. В таком контексте указ от 27 января 2017 г. был истолкован или представлен как запрет на въезд в страну всех мусульман. Граждане семи вышеупомянутых стран, утверждали многочисленные критики, а priori приравниваются к террористам до тех пор, «пока не будет доказано обратное». Положения указа о недопустимости въезда в США людей «с фанатичными взглядами» трактовались как карикатурная попытка установить в США систему контроля над мыслями, в свое время описанную Дж. Оруэллом в романе-антиутопии «1984» [George Orwell's...].

Противники Трампа немедленно подали соответствующие иски в ряд американских судов. Уже 3 февраля 2017 г. судья федерального окружного суда в Сиэтле (штат Вашингтон) приостановил действие президентского указа. Апелляция администрации была единогласно отклонена коллегией из трех федеральных судей апелляционного суда 9-го округа, в ведении которого находится контроль над федеральными судами штата Вашингтон.

Белый Дом реагировал без промедлений, и уже 6 марта 2017 г. была издана вторая редакция указа от 27 января, с аналогичным названием. В отредактированном тексте указа отсутствовали пункты, вызвавшие его наиболее ожесточенную критику: из списка стран был исключен Ирак, убрано положение о преимущественном приеме христиан из стран Ближнего и Среднего Востока, смягчена формулировка о применении «крайней степени дознания» («*extreme wetting*») приезжающих беженцев. Однако общая установка на резкое сокращение числа принимаемых беженцев была сохранена.

Противники иммиграционного курса Д. Трампа вновь задействовали федеральную судебную систему, и федеральные судьи штатов Гавайи и Мериленд приостановили действие указа от 6 марта. Апелляционный суд 4-го округа, осуществляющий надзор над федеральным судом штата Мериленд, и апелляционный суд 9-го округа, осуществляющий надзор над федеральным судом штата Гавайи, оставили решение федеральных судов в силе.

Однако весной 2017 г. радикально изменилась расстановка сил в Верховном суде США. В апреле 2017 г. к исполнению судейских обязанностей приступил выдвиженец Д. Трампа – консерватор Нил Горсач. В итоге в сентябре 2017 г. Верховный суд США частично признал указ президента Трампа от 6 марта соответствующим Конституции США, а своим решением от 4 декабря 2017 г. придал указу силу закона [Order List: 583 U.S...].

Впрочем, не дожидаясь исхода баталий в судебных инстанциях США, администрация Трампа прибегла к средствам авторитарно-директивного исполнения президентских указов подведомственными органами исполнительной власти. Им было просто-напросто предписано приступить к реализации указа от 6 марта 2017 г. С этой целью в тот же день, 6 марта, Белым Домом был издан меморандум, с длинным названием «О немедленной реализации мер усиленной проверки и дознания для получателей виз и других привилегий для иммигрантов, обеспечении применения всего свода законов, регулирующих въезд в США, и о повышении прозрачности между министерствами и ведомствами федерального правительства и для американского народа» [Implementing Immediate... pp. 16279--16281]. Этим меморандумом фактически вводился крайне жесткий подход не только к нелегальным, но и к легальным иммигрантам, сравнительно недавно приехавшим в США. Все такие иностранцы, заподозренные в антиамериканской деятельности, подлежали немедленной депортации, а то и тюремному заключению.

Официальные данные иммиграционной и таможенной полиции США позволяют судить об исполнении «политических указов» Трампа, касающихся иммигрантов. В 2017 фин.г. было арестовано 143,5 тыс. нелегальных иммигрантов – на 30% больше, чем в 2016 фин. г. (110,1 тыс.) [Fiscal Year 2017 ICE... pp. 2,3]. Наряду с арестами и задержаниями резко возросло число заключений под стражу на 48 часов (без предъявления окончательного официального обвинения) – до 142,4 тыс. (в 2016 фин. г. – 86 тыс.) [Fiscal Year 2017 ICE... p. 8] Следует, однако, иметь в виду, что подавляющая часть заключений под стражу в следственных изоляторах иммиграционной и таможенной по-

лиции приходилась на лиц, первоначально задержанных пограничной службой (в 2017 фин. г. таких было 139,5 тыс., или 98%) [Рассчитано по: Fiscal Year 2017 ICE... pp. 8, 10].

Наконец, число выдворенных из США составило в 2017 фин.г. 226,1 тыс. человек [ibid., p. 12]. Это меньше, чем в 2016 фин.г. (240,3 тыс. человек). Однако данная статистика включает выдворения по линии как пограничной службы, так и иммиграционной и таможенной полиции. Именно по линии последней в 2017 г. выдворения резко увеличились по сравнению с 2016 фин.г. – почти на 25%, или с 65,3 тыс. до 81,6 тыс. человек. Параллельно шло сокращение числа выдворений по линии пограничной службы. Если в 2016 фин.г. их соотношение составляло 27,2 : 78,8, то в 2017 фин.г. – уже 36,1 : 63,9. [ibid., p. 13]

Этот сдвиг напрямую объясняется еще одним указом президента Трампа в сфере иммиграционной политики, подписанным 25 января 2017 г. и озаглавленным «Укрепление общественной безопасности внутри границ США» [Trump Executive Order 13768...]. В соответствии с ним, иммиграционная и таможенная полиция США получила право бороться с незаконной иммиграцией на обширной территории – 160-километровой полосе, прилегающей к государственным границам США. На этой территории проживает 2/3 населения США, т.е. примерно 200 млн человек, она охватывает 11 штатов: Коннектикут, Делавэр, Флориду, Гавайи, Мэн, Массачусетс, Нью-Гэмпшир, Нью-Джерси, Нью-Йорк, Род-Айленд и Вермонт. Помимо этого, 9 из 10 крупнейших мегаполисов США также входят в эту зону: Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Чикаго, Хьюстон, Филадельфия, Феникс, Сан-Антонио, Сан -Диего и Сан –Хосе [The Constitution in the 100-Mile...]. Границы и территория 160-километровой зоны приведены на карте.

Граница и территория пограничной зоны США

Этот документ также вызвал волну резко негативных оценок со стороны многочисленных критиков Д. Трампа. По утверждению Американского союза гражданских свобод,

указы президента, предоставившие «широкие, хотя и не безграничные, полномочия иммиграционным властям на действия в пределах 160-километровой пограничной зоны», фактически означают, что на территории этой зоны не действуют нормы и положения Конституции США [Ibidem].

Указы Трампа в области иммиграционной политики имеют важные социально-экономические последствия. В 2017 г. в США насчитывалось 27,4 млн рабочих и служащих, рожденных за пределами страны, или 17,1% всей численности рабочей силы [Chart of foreign...]. Примерно 8 млн из них принадлежали к числу нелегальных иммигрантов. Очевидно, что постоянная угроза ареста, задержания и последующего выдворения их из «страны обетованной», будь то по надуманным или реальным обвинениям, делают эту категорию работников особенно уязвимой. Работодатели получают полную свободу рук в использовании практически даровой рабочей силы.

В целом полуторагодовое пребывание у власти администрации Д. Трампа «радикально изменило всю тональность общественных дебатов в Америке относительно проблемы иммиграции. В полном разрыве с традиционным надпартийным согласием руководства двух основных политических партий США в отношении иммиграции как фактора нетто-позитивного вклада в общественное и экономическое развитие Америки, Белый Дом стал рассматривать иммигрантов – как легальных, так и нелегальных – как угрозу национальной и экономической безопасности США, встав на путь изыскания путей резкого уменьшения притока легальных иммигрантов в Америку» [Pierce, p. 2].

Литература

- 2019 Fact Sheet. Stronger Border Security. Strengthening Border Security: An American Budget. – URL: [whitehouse.gov/.../FY19-Budget-Fact-Sheet_Border security.pdf](https://www.whitehouse.gov/.../FY19-Budget-Fact-Sheet_Border_security.pdf). (date of access: 01.05.2018).
- Alvarez P.* Could Trump Actually Use Military Funding for His Border Wall? // *The Atlantic*/ Apr 2, 2018. – URL: [theatlantic.com/politics/archive/2018/04/can-the-us-military-build-trumps-border-wall/556967/](https://www.theatlantic.com/politics/archive/2018/04/can-the-us-military-build-trumps-border-wall/556967/) (date of access: 02.07.2018).
- Alvarez P.* What's Next for Trump's Border Wall? // *The Atlantic*. Mar 16, 2018. – URL: [theatlantic.com/.../trump-border-wall.../555698/](https://www.theatlantic.com/.../trump-border-wall.../555698/) (date of access: 02.07.2018).
- Asylum Statistics. FY 2012 – 2016. U.S. Department of Justice. Executive Office for Immigration Review. Office of Planning, Analysis, and Technology. Immigration Courts. – URL: [justice.gov/eoir/file/asylum-statistics/download](https://www.justice.gov/eoir/file/asylum-statistics/download) (date of access: 02.07.2018).
- Budget-in-Brief. Fiscal Year 2017. U.S. Department of Homeland Security. – URL: [dhs.gov/sites/default/files/publications/FY2017BIB.pdf](https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/FY2017BIB.pdf) (date of access: 02.07.2018).
- Cadman D.* President Trump's Immigration-Related Executive Orders. Part 1: Border security and immigration enforcement improvements. Center for Immigration Studies. February 2017. P. 2. – URL: [cis.org/sites/cis.org/files/cadman-eo-1.pdf](https://www.cis.org/sites/cis.org/files/cadman-eo-1.pdf) (date of access: 02.07.2018).
- Chart of foreign born in the US labor force 1900 to 2017. US Census Bureau. – URL: [census.gov/prod/2009pubs/acs-10.pdf](https://www.census.gov/prod/2009pubs/acs-10.pdf) (date of access: 01.02.2018).
- The Constitution in the 100-Mile Border Zone // *ACLU*. – URL: [aclu.org/other/constitution-100-mile-border-zone](https://www.aclu.org/other/constitution-100-mile-border-zone) (date of access: 02.07.2018).

- Federal Criminal Prosecutions Fall Under Trump // TRACReports. – URL: trac.syr.edu/tracreports/crim/480/ (date of access: 02.07.2018).
- Federal Judicial Caseload Statistics 2017 // United States Courts. – URL: uscourts.gov/statistics-reports/federal-judicial-caseload-statistics-2017 (date of access: 02.07.2018).
- Fiscal Year 2017 ICE Enforcement and Removal Operations Report. U.S. Immigration and Customs Enforcement. – URL: ice.gov/sites/default/files/documents/Report/2017/iceEndOfYearFY2017.pdf (date of access: 02.07.2018).
- Fiscal Year 2019. An American Budget Budget of the U.S. Government. Wash. 2018.
- George Orwell's "1984" Becomes Best-Seller After Trump Takes Office // Democracy Now! Jan. 27, 2017. – URL: democracynow.org/2017/1/27/headlines/george_orwells_1984_becomes_best_seller_after_trump_takes_office (date of access: 02.07.2018).
- Hipsman F., Meissner. D.* Trump Executive Order and DHS Implementation Memo on Border Enforcement: A Brief Review. Issue Brief. Migration Policy Institute. April 2017. – URL: migrationpolicy.org/research/trump-executive-order-and-dhs-implementation-memo-border-enforcement-brief-review.pdf (date of access: 02.07.2018).
- Homeland Security Fiscal Year 2019 Budget Request // C-SPAN. 26.04.2018. – URL: c-span.org/video/?444460-1/homeland-security-secretary-nielsen-testifies-budget-request (date of access: 02.07.2018).
- If we don't have a wall system, we're not going to have a country... // Did Trump Tweet It? – URL: didtrumptweetit.com/973685997312491521-2/ (date of access: 02.07.2018).
- Implementing Immediate Heightened Screening and Vetting of Applications for Visas and Other Immigration Benefits, Ensuring Enforcement of All Laws for Entry Into the United States, and Increasing Transparency Among Departments and Agencies of the Federal Government and for the American People. Memorandum of March 6, 2017. // Federal Register. Vol. 82. No. 62. Monday. April 3. 2017. – URL: federalregister.gov/documents/2017/04/03/2017-06702/implementing-immediate-heightened-screening-and-vetting-of-applications-for-visas-and-other (date of access: 01.02.2018).
- Lifeline on Lockdown. Increased U.S. Detention of Asylum Seekers. Human Rights First. July 2016. – URL: humanrightsfirst.org/sites/default/files/Lifeline-on-Lockdown.pdf (date of access: 02.07.2018).
- Mason R.* Securing America's Borders: The Role of the Military. CRS Report for Congress. February 25, 2013. R41286. – URL: fas.org/sgp/crs/homesec/R41286.pdf (date of access: 02.07.2018).
- Memorandum: Implementing the President's Border Security and Immigration Enforcement Improvements Policies. February 20, 2017. U.S. Department of Homeland Security. – URL: dhs.gov/sites/default/files/publications/17_0220_S1_Implementing-the-Presidents-Border-Security-Immigration-Enforcement-Improvement-Policies.pdf (date of access: 02.07.2018).
- National Guard Troops Deploy to Southern U.S. Border // U.S. Department of Defense. April 7, 2018. – URL: defense.gov/News/Article/Article/1487387/national-guard-troops-deploy-to-southern-us-border/ (date of access: 02.07.2018).
- Nessel L.* Instilling Fear and Regulating Behaviour: Immigration Law as Social Control // Georgetown Immigration Law Journal. Spring 2017. Vol. 31. N3.
- Order List: 583 U.S. Order in Pending Case. 17A550. TRUMP, PRESIDENT OF U.S., ET AL. V. HAWAII, ET AL. Monday, December 4, 2017. // Supreme Court of the United States. – URL: cdn.ca9.uscourts.gov/datastore/general/2017/12/04/17A550%20Trump%20v.%20Hawaii%20Order.pdf (date of access: 01.02.2018).

- Pierce S., Selee A.* Immigration under Trump: A Review of Policy Shifts in the Year Since the Election // Migration Policy Institute. Policy Brief. December 2017. – URL: migrationpolicy.org/research/immigration-under-trump-review-policy-shifts (date of access: 01.02.2018).
- Rhodan M.* National Guard Troops Have Already Begun Patrolling the U.S.-Mexico Border // Time. April 12, 2018. – URL: time.com/5238395/national-guard-troops-mexico-border/ (date of access: 02.07.2018).
- Southwest Border Migration FY2018 // U.S. Customs and Border Protection. – URL: cbp.gov/newsroom/stats/sw-border-migration (date of access: 02.07.2018).
- Trump D. J.* Executive Order 13767 – Border Security and Immigration Enforcement Improvements. January 25, 2017 // The American Presidency Project. – URL: presidency.ucsb.edu/ws/?pid=122517 (date of access: 02.07.2018).
- Trump D. J.* Executive Order 13768—Enhancing Public Safety in the Interior of the United States. January 25, 2017 // The American Presidency Project. – URL: presidency.ucsb.edu/ws/?pid=122518 (date of access: 02.07.2018).
- Trump D. J.* March 25, 2018. Facebook. – URL: facebook.com/DonaldTrump/posts/10160788962310725 (date of access: 02.07.2018).
- Trump D.J.* Executive Order 13769—Protecting the Nation From Foreign Terrorist Entry Into the United States. January 27, 2017 // The American Presidency Project. – URL: presidency.ucsb.edu/ws/?pid=122529 (date of access: 02.07.2018).
- U.S. Agency for International Development (USAID). Aid Dashboard. Mexico. – URL: explorer.usaid.gov/aid-dashboard.html (date of access: 02.07.2018).

УДК 338; 339; 327

АНДРЕЙ ВИНОГРАДОВ, АЛЕКСАНДР САЛИЦКИЙ

США – Китай: начало торговой войны

Аннотация. *Лето 2018 г. запомнится как начало торговой войны США против Китая. Авторы разбирают истоки конфликта, который стал вызовом всей системе регулирования многосторонних торговых отношений. Произвольные односторонние действия администрации Д. Трампа таят угрозы не только для Китая. Затронуты интересы многих стран и бизнеса, в том числе американского; оценить многочисленные последствия разворачивающейся экономической конфронтации весьма непросто. В статье сделана попытка предварительной инвентаризации основных линий противостояния двух сверхдержав, проблем и перспектив урегулирования американо-китайского торгового конфликта.*

Ключевые слова: импортные тарифы, интеллектуальная собственность, торговая дискриминация, ВТО, дефицит платежного баланса, инвестиции, демпинг, торговая война.

6 июля вступили в силу повышенные на 25 процентных пунктов таможенные тарифы на 818 товарных позиций американского импорта из Китая. Общая стоимость этой части составляет 34 млрд долл., или около 8% китайского вывоза в США.

Ответ Китая не заставил себя ждать: в тот же день Пекин ответил повышением на 25 процентных пунктов ставок ввозных таможенных пошлин в отношении 545 американских товаров, включая самолеты, автомобили, сельскохозяйственную продукцию (соевые бобы), рыбу и морепродукты (в том числе лангустов), химические изделия. Совокупный импорт данных товаров оценивается в те же 34 млрд долл. Кроме того, Китай подал дополнение к своему запросу во Всемирную торговую организацию (ВТО) от 4 апреля, в отношении тогда еще планировавшихся тарифных ограничений в рамках расследования по секции 301 Закона о торговле 1974 г.¹ По мнению Китая, установление тарифов, вытекающих из расследования, нарушает режим наибольшего благопри-

Сведения об авторе: ВИНОГРАДОВ Андрей Олегович – ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, кандидат исторических наук; vinangr@mail.ru. САЛИЦКИЙ Александр Игоревич – главный научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, доктор экономических наук; sal.55@mail.ru.

1 Специальные дополнения к секции 301 указанного закона позволяют США в одностороннем порядке и до рассмотрения вопроса в ВТО принимать ответные меры при нарушениях в области интеллектуальной собственности, хотя формально подтверждается приоритет норм ВТО.

ятствования ВТО, связанные тарифные ставки США и статью 23 Соглашения об урегулировании споров.

Официальное начало разворачивающейся торговой войны можно отнести к августу 2017 г., когда администрация Д. Трампа в лице Торгового представительства (USTR) инициировала расследование китайских нормативно-правовых актов и практики, которые могут наносить ущерб интеллектуальной собственности американских компаний. Но ее истоки восходят к 2011 г., когда была опубликована ныне широко известная книжка Питера Наварро и Грега Отри «Смерть от Китая. Лицом к лицу с драконом. Глобальный призыв к действию» [Наварро, 2007]. Авторы прямо ставили вопрос, что внешнеэкономические отношения США с Китаем (не только торговые, но во всем комплексе) подрывают американскую экономику.

Для Наварро это было не первым обращением к теме. За пять лет до этого, в 2006 г., он опубликовал книгу «Грядущие войны Китая. Поле битвы и цена победы» [Наварро, 2017], в которой на основе проведенных под его руководством исследований доказывал, что сложившиеся экономические отношения США с Китаем являются главной причиной резкого сокращения рабочих мест в США.

В книге «Смерть от Китая», в частности, выделено 8 видов того, что авторы называют китайским «оружием массового уничтожения рабочих мест». Это:

- тщательно разработанная система экспортных субсидий;
- недооцененный юань, курсом которого умело манипулируют;
- подделка товаров, пиратство и откровенное воровство американской интеллектуальной собственности;
- готовность руководства Китая наносить ущерб окружающей среде своей страны в обмен на ценовые преимущества;
- низкие требования к охране здоровья рабочих и уровню безопасности на производстве;
- незаконные тарифы, квоты и другие экспортные ограничения на важнейшие виды сырья (здесь прежде всего имеются в виду редкоземельные металлы, где Китай является практически монополистом);
- хищническая ценовая политика и демпинг;
- «великая китайская стена протекционизма».

Последний пункт касается защиты китайскими властями своего внутреннего рынка путем создания многочисленных и разнообразных препятствий для проникновения в страну иностранного бизнеса, среди которых прежде всего выделяется требование перевода в Китай подразделений иностранных компаний, занимающихся НИОКР (помимо передачи технологий).

Работы Питера Наварро на тот момент казались большинству истеблишмента в США, особенно признанным мэтрам экспертных оценок по Китаю (среди которых можно назвать, например, Фариду Закария и Джозефа Стиглица), надуманными и маргинальными. Однако тревога по поводу развития отношений США с Китаем нарастала, осо-

бенно после того, как на основе книги Наварро и Отри был снят документальный фильм «Смерть от Китая», показанный в США и широко разошедшийся по сети.

Но главное, пожалуй, в другом. Книжку тогда же, в 2011 г., прочел будущий президент США Дональд Трамп, в результате чего профессор Калифорнийского университета Питер Наварро с началом предвыборной кампании Трампа стал его политическим и экономическим советником. Естественно, что многое в предвыборной платформе Трампа, в том числе обещания повысить на 40% торговые пошлины на импорт товаров из Китая и вообще разобраться с тем, что происходит в отношениях с крупнейшим торгово-экономическим партнером США, было навеяно работами Наварро. При этом пункт о снижении дефицита в торговле с Китаем вошел в общий план экономической политики будущего президента, который был разработан Питером Наварро совместно с Уилбуром Россом. После того как этот план был поддержан избирателем и Трамп стал президентом, Питер Наварро вошел в его администрацию и стал главой созданного в Белом доме Совета по международной торговле. Уилбур Росс занял пост министра торговли.

В Китае к обещаниям резко повысить пошлины на импорт китайских товаров отнеслись поначалу как к предвыборной риторике, справедливо полагая, что торговая война чревата серьезными издержками для обеих сторон. И первые контакты Трампа с лидером КНР Си Цзиньпином, который в марте 2017 г., вскоре после вступления нового президента США в должность, приехал к нему с визитом, давали все основания надеяться, что сторонам удалось договориться и полномасштабная торговая война все же не начнется.

Вышло иначе. Ровно через год, в марте 2018 г., результаты расследования USTR были опубликованы, а Д. Трамп подписал меморандум о действиях Соединенных Штатов на основе секции 301 Закона о торговле. В меморандуме обозначены три направления борьбы с политикой Китая в области интеллектуальной собственности: повышение тарифов, инициирование спора в ВТО, инвестиционные ограничения. К тому времени США уже ввели дополнительные пошлины на сталь и алюминий, а еще раньше, в конце января, – на стиральные машины и солнечные панели. Пошлина на ввоз солнечных батарей была установлена на уровне 30% в течение первого года (спустя четыре года она должна опуститься до 15%). Тариф на ввозимые в страну стиральные машины составил 20% на первые 1,2 млн штук и 50% – на все сверх этого количества в течение первого года. На третий год ставка должна уменьшиться до 16 и 40% соответственно. Последствия этих мер ощутили на себе не только Китай с Южной Кореей (главные экспортеры солнечных батарей и стиральных машин), но и американские потребители: в связи с новыми тарифами цены на данные товары поползли вверх.

Примечательно, что введение дополнительных пошлин на сталь (25%) и алюминий (10%) аргументировалось соображениями национальной безопасности, что является нарушением норм ВТО. Кроме того, главные поставщики стали и алюминия на рынок США – Канада и Мексика – были исключены из списка, затем изъятия были сделаны и для Южной Кореи, «добровольно» согласившейся на сокращение экспорта металлов

до 70% от имеющегося уровня. Временно (до 1 мая) из списка были исключены также Австралия, Аргентина, Бразилия и страны Евросоюза – со всеми ними, как и с Южной Кореей, переговоры решено было продолжить. Таким образом, меры, предпринятые американской администрацией, оказались очевидно дискриминационными, от них пострадала КНР, занимающая второе место по поставкам алюминия (13,2% импорта этого товара в США) и десятое по стали (3,6%), а также российские компании.

2 апреля 2018 г. Китай ввел ответные временные меры, повысив до уровня 15% или 25% пошлины на 120 американских товаров. Повышение тарифов коснулось фруктов, сухофруктов и орехов, вина, этанола, стальных труб, свинины, алюминиевого лома и пр. Экспорт данной продукции из США составил в 2017 г. около 3 млрд долл. – примерно столько же, сколько экспорт алюминия и стали из КНР в США.

Обеспокоенность принятыми США мерами выразили ближайшие союзники и партнеры этой страны. Глава Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер пообещал принять в отношении США европейские контрмеры в соответствии с правилами ВТО. Глава МИД ФРГ Зигмар Габриэль потребовал от ЕС решительной реакции на новые пошлины, а канцлер Австрии Себастьян Курц – жестких контрмер. Президент Франции Эмманюэль Макрон заявил, что от новых пошлин проиграют все страны. Южная Корея пообещала принять ответные меры. Экс-премьер Сингапура предупредил о негативных последствиях для всех стран, «которые зависят от торговли и открытости экономик». Великобритания выразила Трампу обеспокоенность, но заявила, что достигнет взаимовыгодного торгового соглашения с США после Brexit. Семь стран-участниц ВТО – Россия, Венесуэла, Турция, Норвегия, Швейцария, Индия и Сингапур – поддержали Китай на заседании организации и выразили недовольство решениями США, предложив начать консультации в рамках ВТО по поводу действий США.

Тем не менее США продолжили эскалацию угроз: 4 апреля был представлен список из 1 313 товарных позиций экспорта КНР, на которые США запланировали повысить пошлины на 25%, стоимость их импорта оценивается в 50 млрд долл. В перечень вошли: продукция ИКТ и аэрокосмической отрасли, робототехника, новые материалы, биофармацевтика, логистическое оборудование, ядерные реакторы, котлы и механические устройства, электрические машины и оборудование, средства наземного транспорта, суда и лодки, инструменты и аппараты оптические, фотографические, измерительные и пр. Эти товары и отрасли составляют важную часть программы «Сделано в Китае 2025», которую развивают ведущие китайские компании, тесно сотрудничающие с зарубежными поставщиками технологий.

В мае 2018 г. в Вашингтоне прошли переговоры сторон. Делегацию со стороны КНР возглавлял спецпосланник председателя Си Цзиньпина, член Политбюро ЦК КПК, заместитель премьера Госсовета КНР Лю Хэ. С американской стороны присутствовали все главные действующие лица, включая Росса и Наварро. По результатам переговоров Лю Хэ заявил, что «стороны договорились не начинать торговых войн и отказаться от увеличения пошлин в отношении товаров друг друга», а американская сторона (непосредственно Трамп в своем Твиттере еще до окончания переговоров) – о том, что Китай

пошел на уступки и пообещал сократить дефицит торгового баланса между странами на \$200 млрд к концу 2020 г., значительно увеличив импорт товаров и услуг из США и отменив тарифы и квоты на некоторые товары, в том числе касающиеся продовольствия. Более конкретно стороны договорились продолжить обсуждение в середине июня на переговорах торговых делегаций в Пекине.

Несмотря на это, 15 июня Трамп официально объявил о повышении ставок ввозных таможенных пошлин на импорт из Китая стоимостью 50 млрд долл., хотя и с некоторыми изменениями. Новый список охватывал 1102 тарифных линии вместо первоначальных 1313. В частности, из списка были исключены телевизоры и мобильные телефоны.

В сокращенном до 818 позиций виде первая часть этого списка и вступила в силу 6 июля, вызвав описанную выше ответную реакцию Китая. Для 284 оставшихся тарифных линий размер ставки ввозной таможенной пошлины до сих пор обсуждается. Его должны определить позднее летом по итогам слушаний.

Тем временем США продолжили нагнетать обстановку. 11 июля USTR опубликовало еще один список китайских товаров, в отношении которых планируется повысить ставку ввозной таможенной пошлины – теперь уже на 10 процентных пунктов. В стоимостном выражении сумма импорта данных товаров из Китая в 2017 г. составила 200 млрд долл. Срок введения пошлин не установлен, есть только сроки публичных слушаний по новому списку, регистрации для участия в них и письменных комментариев. 20–23 августа пройдут первые слушания по итогам полученных запросов от заинтересованных сторон, а подача запросов будет доступна до 30 августа. Таким образом, введения новых ставок ввозных таможенных пошлин не стоит ждать раньше сентября. В список вошли: рыба и морепродукты, пищевые продукты животного происхождения, продукты растительного происхождения, алкогольные и безалкогольные напитки, минеральные продукты, продукция химической промышленности, пластмассы и изделия из них, каучук, изделия из кожи, древесина и изделия из нее, масса из древесины, текстильные материалы и изделия из них, обувь, изделия из камня, стекло, драгоценности, машины и оборудование, мебель и даже произведения искусства. Всего новые ставки пошлин охватывают почти 6 тыс. товарных позиций [Торговые войны... с. 2].

Давление на Китай не исчерпывается тарифными мерами. Еще в 2017 г. под огонь американских санкций попала китайская компания ZTE – за сотрудничество с Ираном и КНДР и якобы имевшую место передачу этим странам американских технологий. История с ZTE заслуживает того, чтобы рассмотреть ее подробнее.

Компания ZTE, штаб-квартира которой находится в Шэньчжэне, – это на сегодня один из крупнейших в мире (пятое место по объему выручки) производителей телекоммуникационного оборудования и мобильных телефонов. ZTE поставляет телекоммуникационные системы, мобильные устройства и корпоративные технологические решения для компаний, потребителей и операторов связи. Она также выпускает полный спектр мобильных устройств, включая телефоны, планшеты, мобильные широкополосные модемы и хот-споты, а также терминалы для интеграции семейных ком-

пьютеров. Продукция компании реализуется в более чем 160 странах, ее партнерами являются свыше 500 операторов связи. Компания является по сути государственной – более 50% акций принадлежит правительству КНР. При этом ZTE имеет полтора десятка научных центров (не только в Китае, но и в США, Швеции, Южной Корее), сотрудничает с такими американскими гигантами в данной индустрии, как Intel, Microsoft, IBM, Alcatel, Qualcomm.

Проблема в том, что китайская сторона до сих пор вынуждена покупать комплектующие для своей продукции, прежде всего микрочипы (которые китайцы так и не научились делать), в США и поэтому критически зависит от действий американского правительства. Только у Qualcomm ZTE покупает более 65% микрочипов, которые использует в своем производстве. В то же время компания является флагманом в данной высокотехнологичной отрасли Китая, а потому ее деятельность крайне важна для китайского правительства.

Санкции, наложенные США на ZTE в 2017 г., были временными – в конечном счете компания была оштрафована на 1,2 млрд долл. и возобновила работу. Однако в апреле 2018 г. Министерство торговли США вновь ввело запрет на закупку ZTE продукции американских компаний, на этот раз на 7 лет, заявив, что ZTE нарушила условия достигнутого в 2017 г. соглашения. (Нарушение заключалось в том, что в ZTE выплатили премии руководящим сотрудникам, вместо того чтобы их наказать.) В результате компания вынуждена была заявить об остановке своей деятельности, сокращении производства и прекращении котировки акций на биржах Шэньчжэня и Гонконга.

Таким образом, давление на ZTE является очень серьезным козырем в руках нынешней американской администрации. И уступки, на которые пошла китайская сторона на переговорах в мае 2018 г., были сделаны, на наш взгляд, в обмен на обещание снять с ZTE наложенные санкции. При этом, по некоторым сообщениям, Д. Трамп лично принял участие в решении проблемы с ZTE и обещал «дать возможность китайской компании вернуться в бизнес» – правда, не уточняя, на каких условиях.

Когда же эти условия были в начале июня объявлены, оказалось, что они не просто «драконовские», но по сути напоминают практику отношений ведущих держав с Китаем эпохи империи Цин в середине XIX в. Помимо дополнительного штрафа в 1,4 млрд долл., компания ZTE должна была выполнить ряд условий: в течение 30 дней сменить совет директоров и группы ключевых руководителей, включить в свою структуру надзорное подразделение, штат которого будут подбирать в США, а также положить на счет Минторга США обеспечительный взнос в размере 400 млн долл., средства с которого будут списаны в случае дальнейших нарушений.

Китайская сторона обещала условия выполнить к 30 августа, в том числе объявив о назначении нового председателя Совета директоров, в связи с чем 4 июля было заявлено о частичном возобновлении деятельности компании ZTE на американском рынке. Смягчение санкций позволило ZTE обновить программное обеспечение для смартфонов, а также переводить и получать платежи по разрешенным сделкам. Тем не менее

некоторые крупные сделки компания успела потерять (один многолетний контракт на поставку оборудования итальянскому сетевому оператору ушел к шведской Ericsson AB). А в целом, по оценкам руководства китайской компании, она за время разбирательств потеряла более 3 млрд долл.

Впрочем, и у китайской стороны есть свои козыри, не считая того, что американские чипмейкеры получают большой процент от своих продаж именно в Китае (и, разумеется, прекращение этих продаж приведет к сокращению рабочих мест). Например, подавляющее большинство продуктов Apple – мирового лидера в сфере поставок электроники – производится в Китае. Кроме того, сам Китай является важнейшим рынком для Apple – 20% своего дохода за последний финансовый год компания получила оттуда. В схожем положении находится и «Боинг», для которого Китай также является критически важным рынком сбыта.

Таким образом, у каждой стороны есть свои козыри и аргументы. А если учесть, что в противостояние вовлечены не только Китай и США, но и все страны, занимающие лидирующие позиции в мировой экономике и участвующие в мировом разделении труда, то можно сказать, что это и есть та самая четвертая мировая война, о возможности которой давно уже предупреждают политологи. Только ведется она с помощью невоенных методов.

Пока американские ограничения не имели значительного негативного эффекта на позиции КНР на рынке США. По итогам первых четырех месяцев 2018 г. темп прироста китайского экспорта в США составил 13,9%, а за полгода – 13,6%. Это чуть выше, чем общий показатель динамики вывоза Китая (12,8%): сказывается, по-видимому, хорошая экономическая конъюнктура в хозяйствах обоих партнеров. Чуть ниже 12% были темпы роста китайского импорта из США – что опять-таки неплохой индикатор. Однако это существенно ниже общего показателя прироста китайского импорта за первые полгода (19,9%). Отчасти такое положение связано с ростом цен на сырье и топливо, доля которых в американо-китайской торговле невысока, но сказывается и недостаточная конкурентоспособность американских товаров на рынке КНР. Собственно, этот фактор является и главной причиной дисбаланса в торговле товарами, возникшего давно и надолго (табл. 1).

Следует учитывать, что в национальной статистике США показатель импорта из Китая (505,5 млрд долл. в 2017 г.) существенно выше показателя китайской внешнеторговой статистики по экспорту страны.

Обратим внимание на еще одну важную особенность географического распределения торговли Китая. Она складывается со значительным пассивом в торговле с Тайванем, Южной Кореей, Японией и Германией – лидерами экспортной ориентации хозяйств. Не секрет, что поступающие оттуда узлы, компоненты и детали в ряде случаев всего лишь собираются в Китае в готовые изделия. Иными словами, США ведут торговую войну не только и не столько с Китаем, сколько с ведущими мировыми экспортерами.

Таблица 1

Внешняя торговля КНР с отдельными странами и группами стран в 2017 г., млрд. долл.

	Экспорт Китая	Импорт Китая	Сальдо
Всего	2 263.5	1 841.0	+422.5
ЕС (28)	376.1	246.9	+129.2
- Великобритания	56.7	22.3	+34.4
- Германия	71.1	97.0	-25.9
- Италия	29.2	20.4	+8.8
- Нидерланды	67.1	11.2	+55.9
- Франция	27.7	26.8	+0.9
США	434.4	155.7	+278.7
АСЕАН	282.1	237.9	+44.2
Япония	138.8	167.2	-28.4
Гонконг	282.0	7.4	+274.6
Южная Корея	104.0	179.2	-75.2
Тайбэй, Китай	44.5	156.9	-112.4
БРИКС	143.0	142.0	+1.0
- Бразилия	29.2	59.3	-30.1
- Индия	68.9	16.5	+52.4
- Россия	43.4	41.6	+1.8
- ЮАР	15.0	24.6	-9.6

Подсчитано по: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201802/t20180228_1585666.html;
<http://www.haiguan.info/newdata/newdate.aspx?guid=7825>

Похожая картина видна и на уровне отдельных компаний с тем существенным дополнением, что среди творцов торгового дефицита США есть немало американских корпораций, работающих в Китае. Обозреватель одного из ведущих гонконгских изданий отмечает, что 12% торговли с США приходится на базирующиеся в Китае американские компании, всего же на инофирмы приходится 70%, причем 30% «пирога» досталось тайваньским производителям [Yao]. По другим оценкам (Петерсоновский институт мировой экономики США), на долю инофирм приходится 59% китайского экспорта в США.

В печати немало оценок возможных выигрышей и проигрышей от трамповского протекционизма, хотя пока делать окончательные выводы рано. Противоречивый эффект для самой американской экономики, впрочем, очевиден. Так, по расчетам специалистов ВАВТ (Всероссийской академии внешней торговли), введение дополнительных пошлин на сталь будет иметь стимулирующее воздействие на черную металлургию, однако обернется потерями в машиностроении и химической промышленности: в результате произойдет перераспределение ресурсов от высококвалифицированной рабочей силы к менее квалифицированной, а суммарный результат окажется отрицательным [Металлургическая... с. 2].

В отличие от торговли товарами, торговля услугами между двумя странами складывается со значительным и растущим активом у США. В 2017 г. он составил рекордную

величину – 38,5 млрд долл. (экспорт США был более 56 млрд долл.), опережающими темпами рос доход от экспорта интеллектуальной собственности [U.S. – China...]. КНР в торговле услугами и в целом имеет значительный дефицит: в том же году при импорте в 472 млрд долл. экспорт составил лишь 206,5 млрд долл. Иными словами, пропорции торговли товарами и услугами складываются в соответствии с объективными возможностями сторон, на что неизменно указывают многие либеральные комментаторы, в том числе в США и Китае.

Очевидно, КНР усилит торговую экспансию и вывоз капитала на альтернативных США географических направлениях. Так, в первом полугодии нынешнего года экспорт китайского капитала в ЕС составил 22 млрд долл. против 2,5 млрд долл. в США. Весьма вероятно, что в китайско-американском взаимодействии появятся новые посредники и коммерческие схемы. Имеющиеся посредники, возможно, пойдут на сокращение своей маржи ради сохранения рынка. Не секрет, что дешевизна китайских товаров – в отличие от американских – опирается на низкие издержки производства и относительно низкую заработную плату.

Оценивать последствия и возможный дальнейший ход развернувшейся торговой войны следует с осторожностью, излишне не драматизируя ситуацию и учитывая уже сложившиеся тенденции китайско-американского взаимодействия, а также общие экономические тренды в обеих странах. Например, продолжится перенос экспортных мощностей из Китая в другие страны с более дешевой рабочей силой, а также в сами США в рамках поощряемого инсорсинга. В Китае возможно дальнейшее перемещение экспортных производств из приморских провинций во внутренние районы с более дешевой рабочей силой. В ряде случаев ускорится закрытие предприятий, наносящих ущерб окружающей среде, в частности, в металлургической промышленности. Понятно, что Китай получил немалое пропагандистское преимущество как ответственный член ВТО [Yongding].

Д. Трамп не скрывает, что главной причиной повышения пошлин является намерение США снизить дефицит в торговле с КНР. Претензии к китайскому законодательству и политике в области интеллектуальной собственности (формальный повод американского запроса в ВТО) играют важную, но второстепенную роль, поскольку США действуют в одностороннем порядке, минуя ВТО и попутно критикуя эту организацию за медлительность. Трамп явно эксплуатирует обывательские представления о китайской торгово-экономической экспансии, хотя среди сторонников протекционистских мер есть, разумеется, и местные промышленники, профсоюзы и т.д.

Китай пока находится в положении обороняющейся стороны. После, как казалось, успешных переговоров в мае 2018 г. введение дополнительных пошлин стало неожиданным для Пекина. Тем не менее КНР готова к компромиссам, переговорам и дополнительным уступкам. Если для Д. Трампа давление на Китай имеет главным образом внутрисполитическое значение, то Пекин, провозгласив себя лидером глобализации, заботится о международном признании своей политики.

Несмотря на торговую войну с США, КНР продолжает либерализацию хозяйства и внешнеэкономической сферы, в частности, снижает в одностороннем порядке некоторые импортные пошлины. Так, в мае 2018 г. Министерство финансов Китая сообщило о снижении с 1 июля импортных тарифов на легковые автомобили с 25 до 15%. Понижена средняя ставка на потребительские товары по 1449 позициям – с 15,7 до 6,9%.

Мы имеем дело с полномасштабной войной, которую инициировали США в надежде вернуть утраченные за период так называемой глобализации позиции на мировом рынке. Китай исходит из того, что развертывание войны по всем направлениям чревато серьезными издержками для всех вовлеченных в нее участников. В руководстве США, впрочем, тоже понимают серьезность издержек, однако на данный момент (по крайней мере до промежуточных выборов в Конгресс в ноябре 2018 г.) внутривластные соображения преобладают. Результаты опросов, свидетельствующие о росте поддержки Трампа внутри США, заставляют американского президента продолжать наступление. Впрочем, и внутри США существуют серьезные игроки, прежде всего в бизнес-среде (тот же «Боинг» и крупнейшие технологические компании), которые несут основные издержки от торговой войны и будут ставить на смягчение санкций.

Другое дело, что продолжение данной войны чревато серьезнейшими изменениями в мировой экономике и финансовой сфере. Под вопросом и дальнейшая роль ВТО, и сложившаяся структура отношений между странами, причем не только в торговле.

Литература

- Металлургическая торговая война // Мониторинг актуальных событий в области международной торговли. ВАРТ. № 9. 06.04.2018 – URL: [http://www.vavt.ru/materials/site/ea4a639fe903f21643258267004e2dc9/\\$file/Monitoring_9.pdf](http://www.vavt.ru/materials/site/ea4a639fe903f21643258267004e2dc9/$file/Monitoring_9.pdf) (дата обращения: 01.08.2018).
- Наварро П. Грядущие войны Китая. Поле битвы и цена победы. М. 2007.
- Наварро П.У., Отри Г.У. Смерть от Китая. Лицом к лицу с драконом. М. 2017.
- Торговые войны: действия США, Китая и России // Мониторинг актуальных событий в области международной торговли. ВАРТ. № 14. 11.07.2018. – URL: [http://www.vavt.ru/materials/site/e0aed13844e357bb432582c700499423/\\$file/Monitoring_14.pdf](http://www.vavt.ru/materials/site/e0aed13844e357bb432582c700499423/$file/Monitoring_14.pdf) (дата обращения: 01.08.2018).
- U.S. – China Economic and Security Review Commission. Economic and Trade Bulletin. 04.05.2018. – URL: <https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/2018%20May%20Trade%20Bulletin.pdf> (date of access: 19.07.2018).
- Yao Aidan Retaliate, reform, liberalise: the three ways China will respond to new US tariffs // South China Morning Post. 18.07.2018. – URL: <https://www.scmp.com/business/article/2155691/retaliate-reform-liberalise-three-ways-china-will-respond-new-us-tariffs> (date of access: 19.07.2018).
- Yongding Yu Why China Hasn't Broken WTO Rules // Caixin. 19.07.2018. – URL: <https://www.caixinglobal.com/2018-07-19/opinion-why-china-hasnt-broken-wto-rules-101306467.html> (date of access: 19.07.2018).

УДК 338; 339; 327; 004

Владимир КОНДРАТЬЕВ

Четвертая промышленная революция и глобализация

Аннотация. В статье исследуются перспективы применения и воздействия новых цифровых технологий, известных как индустрия 4.0, проводится их сравнение с существующими технологиями. Рассматривается влияние аддитивной технологии 3D печати и других новых технологий на конфигурацию глобальных цепочек стоимости в производстве. Более широкое применение этих технологий может изменить тренд глобальной специализации производственных систем, способствуя их большему географическому разнообразию и приближению к конечным потребителям (локализации).

Ключевые слова: аддитивная обрабатывающая промышленность, трехмерная печать, глобальные цепочки стоимости, глобализация, регионализация.

К четвертой промышленной революции (Индустрия 4.0)¹ относят возникновение и распространение совокупности новых цифровых технологий. Это встроенные датчики, позволяющие интеллектуальным продуктам и приборам коммуницировать друг с другом (Интернет вещей, IoT); сбор и оценка в режиме реального времени данных с целью оптимизации издержек и качества производства (Big Data & Analytics, большие данные и аналитика – BDA); роботы с большей автономией и гибкостью; а также продвинутые производственные технологии, такие как послойный синтез (3D-печать)². Что-то из перечисленного появилось несколько раньше, однако только теперь стало доступно для широкого коммерческого использования в промышленности благодаря удешевлению и повышению надежности. Заметим, что полная реализация этих возможностей может занять еще 15–20 лет.

Сведения об авторе: КОНДРАТЬЕВ Владимир Борисович – руководитель Центра промышленных и инвестиционных исследований Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, доктор экономических наук; v.b.kondr@imemo.ru.

1 Первой промышленной революцией считается механизация девятнадцатого века, второй – электрификация начала двадцатого века и третьей – широкая цифровизация 1970-х годов.

2 В ряде работ (например, Ruessman M. et al. Industry 4.0: the Future of Productivity and Growth in Manufacturing Industries. Boston Construction Group, Boston, MA 2015) выделяются девять базовых технологий: большие данные и их анализ; автономные роботы; имитация и моделирование; горизонтальные и вертикальные системы интеграции; интернет вещей; кибербезопасность; облачные технологии; аддитивная обрабатывающая промышленность; технология дополненной реальности. Однако для глобальных цепочек наибольшее значение имеют четыре отмеченные технологии.

Интернет вещей

Все большее число материальных продуктов оснащается сенсорными устройствами, способными получать и обрабатывать информацию и затем передавать эти данные как другим товарам, так и физическим лицам. Большое внимание уделяется их потребительскому использованию в предметах домашнего обихода¹. Однако наиболее широкие потенциальные возможности существуют в сфере B2B (англ. «business to business» – рус. «бизнес для бизнеса»). Здесь сенсоры могут, например, предоставлять информацию в реальном времени для определения износа оборудования, мониторинга уровня запасов, а также для лучшего планирования использования мощностей и оценки функциональных характеристик товаров.

Это позволяет эффективнее интегрировать информацию между производителями, поставщиками и потребителями и сокращать потребность в промежуточных товарах и услугах. Более того, Интернет вещей способен внести кардинальные изменения в географически дисперсные стоимостные цепочки. С помощью технологии IoT каждому товару присваивается персональный идентификатор, обеспечивающий привязку к информации о его происхождении, использовании и месте назначения. Таким образом, отпадает необходимость в координации и синхронизации продуктовых и информационных потоков. Это существенно повышает эффективность производства и дистрибуции товаров, а также снижает транзакционные издержки, особенно в международных потоках товаров в рамках глобальных цепочек стоимости.

В то же время у этих технологий есть и существенные недостатки. Они связаны прежде всего с кибербезопасностью, поскольку постоянная работа с большими данными, миллионами сенсоров и коммуникационных устройств значительно повышает риски появления систематических брешей при атаках хакеров.

Большие данные и аналитика

На протяжении долгого времени компании принимали решения на основе ограниченного набора традиционных источников информации, таких как производственный учет, внутренняя отчетность и обзоры рынка. Теперь информация и данные поступают из многообразных источников, включая данные сенсорных устройств интеллектуальных продуктов, поисковых систем и социальных медиа (например, Google, Facebook, Twitter и т.п.). Вместе с совершенствованием компьютерных систем и низкими издержками хранения информации это привело к росту BDA. Ряд исследований подчеркивает, что в компаниях, взявших на вооружение системы BDA, значительно выросла производительность и финансовая эффективность [McAfee].

Потенциал применения BDA в международном бизнесе очевиден и значителен. Пре-

¹ Так, компания L'Oréal на шоу потребительской электроники в 2017 г. в Лас-Вегасе представила интеллектуальную щетку для волос, которая обладает сенсорами, определяющими состояние и ломкость волос и передающими эту информацию прибору для выбора оптимального ухода.

жде всего, компании могут мониторить и отслеживать появляющиеся тренды и возможности на зарубежных рынках без необходимости крупных вложений в локальные маркетинговые дочерние структуры, а также оптимизировать свои потоки поставок и дистрибуции по всему миру. Однако у этой технологии существует и обратная сторона, связанная с угрозой нарушения личного пространства. «Уже сегодня назойливые глаза наблюдают за каждым нашим телодвижением. Facebook знает, что нам нравится, Google знает, что мы едим, а Twitter знает, что у нас в голове. В довершение ко всему телекоммуникационные сервисы знают, где мы находимся и с кем контактируем.» [Shukla]

Роботы

Промышленные роботы стали появляться на производственных линиях в США, Японии и Европе в 1960-х годах. Но только теперь по ряду причин началось их реально широкое применение в отраслях экономики.

Во-первых, за последние 10 лет издержки на «железо» (компьютерное оборудование) и программное обеспечение упали на 20%, в то время как производительность роботов росла на 5% в год. Предполагается, что в следующее десятилетие издержки сократятся на такую же величину. В результате роботизированные системы быстро становятся конкурентной экономической альтернативой рабочей силе во многих странах с высокой заработной платой. При этом соотношение затрат и результатов в различных промышленных отраслях разное [Strange].

Во-вторых, технические возможности роботизированных систем ранее были существенно ограничены как по видам сфер применения, так и по характеру операций. Современные промышленные роботы становятся все более универсальными и гибкими, способными выполнять комплексные и тонкие операции и работать в менее жестких и структурированных условиях.

В-третьих, роботизированные системы в прошлом требовали значительных затрат капитальных вложений и специальных операторов и поэтому в основном применялись в крупных компаниях. Снижение издержек, совершенствование производительности и функциональности роботизированных систем открыло возможности использования их малыми и средними фирмами.

Как известно, последние два десятилетия происходили сдвиги в размещении многих обрабатывающих производств. В поисках более низких издержек они уходили из развитых стран с высокой заработной платой (Северная Америка, Западная Европа, Япония) в развивающиеся. Растущая доступность и низкие издержки использования промышленных роботов оказывают все большее влияние на экономику размещения обрабатывающих производств, особенно в условиях продолжающегося увеличения трудовых и других издержек в развивающихся экономиках и роста протекционизма в мире. Результатом становится усиление решоринга во многих отраслях мировой экономики [Albertoni].

Аддитивные технологии обрабатывающей промышленности (3D-печать)

Традиционный процесс обработки является по своему характеру субтрактивным: части и компоненты изготавливаются путем резания, сверления, шлифовки и дробления материалов. Конечный продукт затем требует сборки частей и компонентов. Напротив, 3D-печать является аддитивным процессом, создающим конечный продукт наложением друг на друга различных слоев материала, без необходимости компонентной сборки. Сначала создается цифровая модель с использованием программ компьютерного моделирования (CAD), а затем осуществляется печать трехмерного объекта на 3D-принтере из жидких или порошковых материалов. В принтере конечный продукт постепенно материализуется по мере наложения микроскопически тонких слоев друг на друга. При этом могут использоваться разнообразные материалы, включая металлы, керамику, пластики, синтетические смолы, фарфор и стекло.

Использование аддитивной технологии потенциально создает ряд преимуществ [Laplume]. Во-первых, стандартные программы системы CAD могут использоваться кем угодно (при наличии необходимой квалификации) и где угодно в мире для проектирования товаров и их производства с использованием подходящих 3D-принтеров. Во-вторых, каждый товар может быть кастомизирован (персонализирован) в соответствии с запросами конечного потребителя, поскольку трехмерная печать позволяет производить малые партии товаров с низкими издержками, что невозможно в обычных производственных процессах. В-третьих, трехмерная печать позволяет производить сложные товары и сокращать при этом период производства, консолидируя и совмещая несколько обрабатывающих и сборочных операций. В-четвертых, при традиционном процессе обработки возникают значительные объемы отходов, в то время как аддитивные технологии генерируют минимальные отходы, а проектирование может оптимизировать продукт таким образом, что он будет менее материалоемким, более легким и прочным. В принципе, аддитивный процесс может подвергаться реверсу, расщепляя конечный продукт на отдельные материалы, которые затем могут снова быть использованы. Наконец, производственный процесс может быть децентрализован и осуществляться вблизи конечных потребителей, что позволяет сократить период поставок, транспортные издержки, число промежуточных услуг и, таким образом, минимизировать риски. Иными словами, глобальные цепочки стоимости (ГЦС) могут существенно упрощаться как по количеству отдельных стадий, так и по географическому размещению и взаимоотношениям отдельных независимых участников.

В то же время у современных аддитивных технологий есть ряд недостатков, ограничивающих их широкое применение. Прежде всего, скорость 3D-печати пока не очень высока, и она неприменима для массового производства. В основном технология трехмерной печати используется для производства персонализированных товаров. Она предусматривает также размещение суперцентров со специальным оборудованием, способным производить небольшие объемы таких товаров, рядом с более традиционным производством.

Далее, пока что существует ограниченное (хотя и растущее) число сырьевых материалов, которые можно использовать в трехмерной печати, а также ограниченный набор цветов и защитных покрытий. Кроме того, у 3D-принтеров существует ограничение по размерам производимых конечных товаров. Трехмерная печать еще не достигла того же уровня инженерной точности, что и традиционные технологии, а производимые продукты имеют ограничения по прочности, более низкий уровень жаростойкости и водостойкости, а также цветовой устойчивости.

По мнению ряда экспертов, технологические достижения четвертой промышленной революции не в одинаковой степени затронут различные отрасли экономики и, следовательно, по-разному будут влиять на формирование и функционирование глобальных цепочек стоимости [Laplume]. Некоторые отрасли, например, вообще не будут затронуты технологией 3D-печати (табл. 1).

Таблица 1

Возможности распространения технологии 3D-печати в различных отраслях экономики

	В настоящее время	В будущем
Почти или совсем не распространяется	<ul style="list-style-type: none"> • Пищевые товары • Готовая одежда • СМИ на аудио и видео носителях • Готовые металлоизделия* (за исключением машин и оборудования) • Компьютеры, электронные и оптические товары • Электротехническое оборудование • Автомобили • Прочее транспортное оборудование • Мебель 	<ul style="list-style-type: none"> • Алкогольная продукция • Табачные изделия • Текстиль • Изделия из кожи • Изделия из дерева и пробки • Бумага • Кокс и продукты нефтепереработки • Химические товары • Базовые металлы
Интенсивное распространение	<ul style="list-style-type: none"> • Неметаллические продукты минерального происхождения • Изделия из резины и пластмасс • Машины и оборудование • Ремонт и установка машин и оборудования 	<ul style="list-style-type: none"> • Пищевые товары • Готовая одежда • СМИ на аудио и видео носителях • Готовые металлоизделия (за исключением машин и оборудования) • Компьютеры, электронные и оптические товары • Электротехническое оборудование • Автомобили • Прочее транспортное оборудование • Мебель • Фармацевтические товары и медицинские химикаты

* Продукция металлообработки, готовые детали и изделия из металла.

Источник: Laplume A., Petersen B., Pearce J. Global value chains from a 3D printing perspective // Journal of International Business Studies. 2016. Vol. 47 No. 5. Pp. 595–609.

Как видно из таблицы, не подходят для трехмерной печати товары, производимые из природных натуральных материалов (например, массив дерева, кора пробкового дуба, кожа, натуральный текстиль, бумага и табак).

Другой важной сферой, не затронутой напрямую технологией трехмерной печати, оказывается производство промышленных природных материалов (нефтепродукты и базовые металлы). В то же время средства производства таких материалов могут стать объектами новых технологий.

В настоящее время технология трехмерной печати нашла распространение в производстве простых товаров, малых по размерам, сделанных из одного материала (пластик, керамика или металл) и не содержащих взаимодействующие между собой части. Так, она широко используется при изготовлении ювелирных украшений, музыкальных инструментов, спортивных товаров и игрушек, а также медицинского инструмента. Кроме того, новая технология используется в производстве и ремонте машин и оборудования. Повсеместной стала печать сменных деталей машин. Наиболее характерный пример – трехмерная печать самих 3D-принтеров.

В некоторых отраслях новые технологии пока не получили распространения, но могут найти широкое применение в будущем. Сегодня с помощью трехмерной печати производятся кондитерские формы из шоколада и сахарного сиропа. В дальнейшем аналогичная технология распространится на производство разнообразных кондитерских изделий, пасты, крекеров и пиццы. Например, НАСА недавно инвестировала 125 тыс. долл. в создание 3D-принтера, производящего пиццу для астронавтов. В перспективе технологию трехмерной печати смогут взять на вооружение рестораны, специализированные продовольственные магазины и кондитерские.

Использование трехмерной печати в легкой промышленности в настоящее время ограничивается производством особо модных товаров и специальных модных аппликаций со сложной геометрией. Обувь сложной формы, которую невозможно создать по традиционной технологии, начала появляться на модных показах. По мере развития 3D-принтеров и использования в них других синтетических материалов (таких как нейлон) распространение новых технологий в производстве одежды будет расти. Использование трехмерной печати в текстильной промышленности и производстве одежды показывает важную роль этих технологий в достижении высокого уровня персонализации.

Производство готовых металлоизделий лишь слегка затронуто новыми технологиями, но находится в центре научных изысканий. Уже создан дешевый (стоимостью 2 тыс. долл.) 3D-принтер с открытым кодом на основе технологии самокопирования. (Первые принтеры выпускались с закрытым кодом доступа, поскольку имели оборонное значение и доступ только одного потребителя.) С расширением сферы применения принтеры стали выпускаться с открытым кодом. Число научных публикаций по теме трехмерной печати с использованием металлов увеличивается ежегодно на 50%. С развитием 3D-принтеров эта технология найдет широкое применение в производстве компьютеров, электроники и электрооборудования, повлияет на автомобильную промышленность и транспортное машиностроение.

Развитие печатной керамики стимулируется возможным использованием ее в медицине. Так, пористые трехмерные подложки-носители способны заменять кости и различные ортопедические импланты.

Есть прогнозы, что на 3D-принтерах смогут печататься сложные химикаты и медикаменты.

Можно выделить четыре параметра, объясняющих интенсивность распространения технологии трехмерной печати в конкретной отрасли экономики. Это: характер производственного процесса, включая тип используемых материалов; необходимость в ускоренной поставке продукции; необходимость в кастомизации товаров и быстром реагировании на изменение запросов потребителей; потребность в дешевых мелкосерийных товарах (например, прототипах).

Во-первых, трехмерная печать не подходит для трансформации, обогащения и переработки сырьевых материалов – скажем, сырой нефти в нефтепродукты или железной руды в металл. Соответственно, тип исходного материала, применяемого в производственном процессе, определяет возможность использования 3D-печати. Некоторые материалы не годятся в качестве филаментов (например, массив дерева или мрамор), хотя могут стать добавками в композитных филаментах 3D-принтеров.

Во-вторых, применение 3D-печати оказывается более эффективно в отраслях и подотраслях, где наибольшее значение имеет персонификация продукции и быстрое реагирование на часто меняющиеся потребительские предпочтения и рыночные условия, а не производство на основе экономии на масштабах.

В-третьих, критически важное значение может иметь быстрота поставок. Это происходит, когда крупномасштабное производство прерывается вследствие недопоставок комплектующих, которые невыгодно хранить на складе производственной площадки. Вооруженные силы США уже используют 3D-принтеры в зонах боевых действий для печати необходимых запасных частей. В апреле 2014 г. военно-морские силы США установили металлический 3D-принтер на свой боевой авианосец «USS Essex». Некоторые судоходные компании стали устанавливать 3D-принтеры на торговых судах для замены вышедших из строя деталей при поломке в рейсе.

* * *

Глубокие сдвиги, произошедшие в структуре мировой экономики за минувшие 20 лет, переформатировали характер глобального производства и торговли и изменили организацию отраслей и национальных экономик. По мере того как цепочки поставок становились глобальными, все больше промежуточных товаров стало поступать в каналы международной торговли. В 2009 г. мировой экспорт промежуточных товаров впервые превысил совокупный экспорт конечной продукции и инвестиционных товаров вместе взятых, составив 51% мирового нетопливного экспорта [Gereffi]. В глобальных цепочках стоимости все более важную роль играют развивающиеся страны. В 2000-х годах они стали главными экспортерами промежуточных и готовых товаров обрабатывающей промышленности (Китай, Южная Корея, Мексика), а также товаров первичного сектора (Россия, Бразилия, ЮАР).

Структура экспорта рассматриваемых стран определяет их роль в глобальных цепочках стоимости. В табл. 2 приведены данные о характере экспорта на основе следующей классификации: первичные ресурсы, ресурсоориентированные отрасли обрабатывающей промышленности, отрасли низкотехнологичные, среднетехнологичные и высокотехнологичные [Sanjaja].

Таблица 2

Структура экспорта ряда развивающихся стран, 2000–2012гг.,%

	Первичные ресурсы	Ресурсо-ориентированные товары	Низко-технологичные	Средне-технологичные	Высоко-технологичные
Китай	2	9	31	24	33
Южная Корея	1	19	9	43	27
Россия	53	30	2	9	1
Мексика	17	8	9	39	23
Индия	12	36	23	19	8
Бразилия	48	19	5	19	5
ЮАР	29	26	5	27	3

Источник: Gereffi G. Global Value Chain Perspective on Industrial Policy and Development in Emerging Markets. 2014 // Duke Journal of Comparative & International Law. 2014. Vol. 24. Issue 3\2. Pp. 434-458.

Как видно из таблицы, три страны ориентируются на экспорт первичных ресурсов или товары ресурсоориентированных отраслей: Россия – 83%, Бразилия – 67% и ЮАР – 55%. Почти половина индийского экспорта ресурсоориентирована, а 42% приходится на низкотехнологичные (преимущественно одежду) и среднетехнологичные товары. Напротив, Китай, Южная Корея и Мексика глубоко вовлечены в глобальные цепочки обрабатывающей промышленности. Примерно 90% китайского экспорта составляет продукция обрабатывающей промышленности, а преобладающая часть экспорта Южной Кореи (70%) и Мексики (62%) приходится на среднетехнологичные (автомобили, продукция машиностроения) и высокотехнологичные (электроника) товары.

Несмотря на то, что участие в глобальных цепочках стоимости предоставляет возможности быстрого развития торговли, привлечения прямых иностранных инвестиций, потоков новых знаний и технологий, далеко не все страны достаточно конкурентоспособны для извлечения достаточных выгод из такого участия. Можно выделить несколько важнейших факторов, способствующих успешному участию в ГЦС:

- Размер внутреннего рынка страны: крупный внутренний рынок подразумевает более низкий уровень обратной интеграции в ГЦС и более высокий уровень прямой интеграции¹. Чем больше внутренний рынок, тем больше возможностей спроса на полуфабрикаты и промежуточные продукты.
- Уровень экономического развития: чем выше уровень доходов на душу населения, тем выше показатель интеграции страны в ГЦС (обратной и прямой). Разви-

1 Прямая интеграция – удельный вес добавленной стоимости страны в экспорте других стран, обратная интеграция – доля добавленной стоимости других стран в экспорте данной страны.

тые страны интенсивно участвуют в экспорте и импорте промежуточных и готовых продуктов.

- Структура экономики: чем выше доля обрабатывающей промышленности в ВВП, тем выше обратная интеграция и ниже прямая интеграция.
- Размещение: глобальные цепочки стоимости локализуются вокруг крупных обрабатывающих хабов, расположенных преимущественно в крупных развитых экономиках.

Важную роль играют и другие факторы, такие как уровень таможенных тарифов, участие в региональных торговых соглашениях, входящие прямые иностранные инвестиции, уровень развития инфраструктуры, качество институтов.

Представление об участии ведущих стран мира в глобальных цепочках стоимости можно получить из таблицы 3.

Таблица 3

Доля добавленной стоимости в экспорте по отдельным отраслям, %

	США	Япония	Германия	Великобритания	Франция	Италия	Китай
Обрабатывающая промышленность в целом	78,47	81,97	69,74	64,26	66,62	68,01	59,88
в том числе:							
Пищевая	86,43	87,24	72,49	73,69	77,31	76,89	74,59
Легкая	81,69	76,03	69,25	73,16	68,58	72,55	73,52
Деревообработка	88,1	89,21	79,01	80,36	78,44	77,56	57,97
Химия	76,38	74,16	67,81	61,53	63,09	57,62	58,6
Металлургия и металлообработка	72,76	78,49	61,83	54,99	71,8	62,09	67,48
Машиностроение	76,1	85,63	73,32	66,92	71,71	74,2	69,58
Электротехническая	85,22	83,09	74,9	67,96	69,64	71,86	46,19
Транспортное оборудование	71,06	85,77	67,92	59,82	59,14	67,44	70,03
Прочая обрабатывающая промышленность	85,05	81,37	73,72	71,91	71,06	75,84	77,68

Источник: Ulbrich M. Changes of Global value chains in the industrial production sector. January 2015.

Данные таблицы 3 свидетельствуют, что, во-первых, все развитые страны значительно опережают Китай по доле добавленной стоимости в экспорте, несмотря на быстрое развитие этой страны в последние десятилетия. Особенно заметно отставание Китая по этому показателю в наиболее наукоемких отраслях. Так, в электротехнической промышленности и производстве оптического оборудования доля добавленной стоимости в его экспорте составляет всего 46%, в то время как в странах Европы – от 68% в Великобритании до 74% в Германии. В свою очередь, европейские страны существенно уступают Японии и США, где этот показатель составляет, соответственно, 83 и 85%.

* * *

Промежуточные товары составляют значительную часть международной торговли между подразделениями транснациональных корпораций, а также между ТНК и их партнерами. Одним из преимуществ трехмерной печати является возможность «печати» всего продукта (товара) целиком, устраняя не только необходимость конечной сборки, но и потребность в промежуточных товарах. Примерами могут служить игрушки, спортивное оборудование, обувь и модная одежда, товары для дома, компоненты научного оборудования и т.п.

В автомобильной промышленности, например, существуют три уровня и три типа поставщиков компонентов. Поставщики первого уровня могут поставлять на сборочную площадку целиком интерьер автомобиля, поставщики второго уровня – сиденья, а поставщики третьего уровня – отдельные кожаные детали. Стоимостная цепочка в этом случае состоит из трех технологически отдельных производств, которые могут быть расположены в различных местах. В случае трехмерной печати интерьер и внешние части автомобиля (в том числе, кузов) могут печататься в одном цикле (как в американской компании Local Motors). Таким образом, 3D-печать подразумевает технологическую неразрывность.

Можно сделать вывод, что по отношению к существующему производству аддитивная промышленность готовых товаров подразумевает сжатие существующих стоимостных цепочек и сокращение звеньев, выполняемых независимыми производителями. 3D-печать создает цельный продукт с минимумом промежуточных товаров. Связанное с этой технологией возникновение большого числа локальных производственных площадок вызывает необходимость в более плотных и дисперсных поставках сырьевых материалов (небольших лотов, а не больших объемов на малое число площадок).

Технология трехмерной печати в большей степени демотивирует ТНК в координации обрабатывающих сегментов глобальных стоимостных цепочек, чем в сегментах маркетинга и продаж. И одновременно стимулирует координацию процессов добычи, переработки и дистрибуции сырьевых материалов, поскольку контроль над поставками таких материалов становится критически важным.

Существенным для 3D-печати является ее потенциал сокращения вклада трудовых издержек в производстве продукции. Эта технология позволяет осуществлять производство в 1) отдельных домохозяйствах, 2) локальных печатных центрах, 3) онлайн-печатных центрах. Многие 3D-принтеры спроектированы таким образом, чтобы на них мог работать не профессионал (как на ксероксе или компьютерном принтере).

Известно, что высокие транспортные издержки и таможенные барьеры стимулируют локальное производство. В большинстве стран тарифные барьеры в обрабатывающей промышленности увеличиваются с ростом степени переработки и увеличением добавленной стоимости. На готовые изделия устанавливаются более высокие импортные тарифы по сравнению с тарифами на промежуточные товары, которые, в свою очередь,

выше, чем тарифы на сырьевые материалы. Такая эскалация тарифов с целью поддержки национального производителя благоприятна для применения трехмерной печати – из-за низких тарифов на потребляемое сырье по сравнению с высокими тарифами на промежуточные товары. Другими словами, 3D-печать, позволяющая избегать промежуточных товаров, стимулируется тарифной системой и имеет, при прочих равных условиях, конкурентное преимущество по сравнению с традиционными технологиями обрабатывающей промышленности.

Менее ясно, насколько транспортные издержки влияют на распространение 3D-печати. Но поскольку минимально эффективный уровень масштабов производства (METS) трехмерной печати существенно ниже, чем у традиционного производства, высокие транспортные издержки должны стимулировать ее использование.

Индустрия 4.0 находится пока в зачаточном состоянии, и широкое распространение заложенных в нее технологических преимуществ займет определенное время. Однако она уже оказывает влияние на характер конкуренции и корпоративных стратегий во многих отраслях. Эксперты отмечают, что трансграничные потоки информации растут темпами, в 50 раз превышающими темпы десятилетней давности, в то время как другие показатели глобализации снижаются.

Широкое использование новых технологий может изменить размещение и организацию производства обрабатывающей промышленности по всему миру и в дальнейшем стереть различие между товаром и услугой. Рост автоматизации вытеснит неквалифицированную рабочую силу и увеличит спрос на высококвалифицированную силу (программистов, инженеров-мехатроников, аналитиков информации). Интегрированные коммуникации в режиме реального времени по глобальным цепочкам стоимости сократят необходимость незавершенного производства и накопления запасов. Усиливающаяся межмашинная (M2M) коммуникация и взаимодействие «человек – машина» позволит достичь большей персонификации производимого продукта. Дистрибуция окажется под контролем автоматических логистических дронов. Производительность труда возрастет, трудовые издержки упадут, компании будут размещать свое производство все ближе к потребителю и все меньше на основе производственных издержек.

Возникнут новые бизнес-модели. Как предполагает М. Vogers, «на смену традиционному производственному процессу в обрабатывающей промышленности придет переход от централизованной к децентрализованной системе поставок, где производители потребительских товаров смогут реализовывать «гибридный» подход с акцентом на полностью персонифицированную модель и потребительскую эффективность» [Vogers].

Потребители все больше будут вовлекаться в глобальные стоимостные цепочки в качестве провайдеров важнейшей информации (прямой и обратной) и даже в качестве участников производственного процесса. Взаимоотношения компаний и потребителей будут изменяться, поскольку технология BDA позволит заранее тестировать новые товары и услуги для клиентов, находящихся в любой точке мира, и максималь-

но персонифицировать предложения фирм с целью сокращения издержек на опытно-конструкторские работы, запуск производства и адаптацию продукции. Стандартизация – ключевой вопрос теории и практики международного маркетинга в течение многих лет – потребует в свете этих процессов всесторонней переоценки.

С появлением новых игроков на рынке усилится конкурентное давление на существующие компании. Возникновение цифровых технологий привело к появлению таких компаний, как Google и Facebook, которые теперь обслуживают миллиарды пользователей. Их инновационные бизнес-модели представляют различные концепции международного бизнеса. Индустрия 4.0, вероятно, также приведет к возникновению новых организаций и форм предпринимательства, использующих цифровые технологии. Дальнейшее развитие цифровых платформ для дистрибуции товаров (Amazon, Alibaba) позволит быстрее выходить на глобальные рынки малым фирмам.

Наконец, могут возникнуть новые национальные и наднациональные институциональные образования для регулирования сложной экономической реальности. «Растущее взаимодействие машин, товаров, компонентов и человека потребует новых международных стандартов, определяющих взаимодействие этих элементов на электронной фабрике будущего. Разработки таких стандартов находятся в зачаточном состоянии, однако уже осуществляются традиционными организациями и возникающими консорциумами. Германская Plattform Industry 4.0 представляла собой первую попытку в этом отношении. Яркой альтернативой стал американский Industrial Internet Consortium (IIC), образованный в марте 2014 г. представителями обрабатывающей промышленности, Интернета, информационных и телекоммуникационных компаний. В последующем в Германии возникла Dialogplattform Industry 4.0 в качестве конкурента IIC. На подходе и ряд других амбициозных проектов по стандартизации» [Ruessman].

Потребуется новое, более жесткое законодательство по защите информации и саморегулированию промышленности, чтобы обезопасить личное пространство и определить рамки и порядок доступа, сохранения и передачи информации. Кто будет обладать правом собственности, кто будет нести юридическую ответственность за продукт, содержащий интеллектуальную собственность потребителя, и как все эти вопросы будут решаться при международных сделках? Неизбежная реконфигурация глобальных цепочек стоимости и изменение баланса сил между их участниками еще более усложнит решение вопросов, где товар произведен, где генерируется стоимость, кто выгодоприобретатель и, следовательно, где должны взиматься налоги и таможенные пошлины.

Возникновение новых институциональных условий окажет неизбежное влияние на деятельность и стратегические решения транснациональных компаний.

Очевидно, что широкое использование роботизированных систем минимизирует преимущества размещения обрабатывающих производств в странах с низкими трудовыми издержками. Но будет ли это означать продолжение решоринга (возврата производства в развитые страны) и как это повлияет на занятость, если иметь в виду капита-

лоемкий характер многих отраслей обрабатывающей промышленности? Компетенции, определяющие поведение компаний в будущем, окажутся, с одной стороны, связаны с предвидением и формированием потребительского спроса, а с другой – с необходимостью достижения большей эффективности в дистрибуции конечных товаров.

* * *

Для развивающихся стран потоки торговли, инвестиций и знаний, лежащие в основе ГЦС, предоставляют возможность быстрого совершенствования технологий и производства. Глобальные цепочки стоимости позволяют местным национальным компаниям быстрее приобщаться к информации, открывают новые рынки и помогают овладевать знаниями и приобретать новые навыки. Транзакции и инвестиции, связанные с ГЦС, требуют определенных систем контроля качества и стандартов предпринимательства, что заставляет развивающиеся страны повышать соответствующий уровень.

Тем не менее глобальные цепочки стоимости не являются панацеей для экономического развития. ГЦС могут создавать барьеры для овладения новыми навыками и приводить с течением времени к неравенству, даже несмотря на быстрое промышленное развитие, вследствие географического и организационного разрыва между инновациями и производством. Существует немало свидетельств, что большие прибыли выпадают на долю тех ведущих фирм в глобальных цепочках стоимости, которые контролируют процесс создания брендов и концепций продуктов (например, Apple), а также «лидеров платформ», обладающих ключевыми технологиями и передовыми компонентами (например, Intel). Обычно компании, занятые рутинными сборочными операциями и простыми услугами в рамках ГЦС, получают меньше доходов, платят своим рабочим меньшую заработную плату и больше подвержены колебаниям бизнес-цикла (не в последнюю очередь из-за необходимости поддерживать большие масштабы занятости и основного капитала) [Luethje].

Крупные транснациональные корпорации обычно выступают и важнейшими поставщиками товаров и услуг в глобальных цепочках стоимости, ограничивая, таким образом, возможности местных локальных фирм. Если производства с низкой добавленной стоимостью оказываются доминирующими для определенной страны или региона, это может приводить к глубоким негативным последствиям. В частности, укоренение подобной специализации может замыкать национальные компании и отрасли в границах неприбыльных и низкотехнологичных сегментов ГЦС.

Существование различных видов глобальных стоимостных цепочек ставит вопросы о характере промышленной политики, направленной на улучшение позиций компаний, отраслей и стран в таких цепочках, или о так называемом апгрейде добавленной стоимости. Экономический апгрейд определяется как процесс продвижения экономических агентов (акторов) – фирм или рабочей силы – от производств с низкой добавленной стоимостью к производствам с более высокой. Проблема экономического апгрейда в глобальных цепочках стоимости заключается в выявлении условий, при ко-

торых страны и компании продвигаются вверх от простых сборочных операций к «полному пакету» поставок комплектующих и интегрированного производства.

Концепция глобальных стоимостных цепочек выделяет четыре вида такого апгрейда. К первому относится совершенствование технологического и производственного процесса, влияющего на издержки производства. Второй – совершенствование продукта, вывод на рынок новых, различающихся по потребительским свойствам товаров. Эти два вида апгрейда хорошо известны в литературе по инновациям. Однако концепция ГЦС добавляет к ним еще две категории. Третья область апгрейда – это функциональное совершенствование или поиск менее конкурентных ниш в стоимостных цепочках. Например, компания может выйти из непосредственного производственного процесса и сфокусироваться на проектировании и дизайне (путь, по которому идут Nike, Levi-Strauss и другие компании) или распространить свои операции за пределы обработки на брендинг товара (например, компания Acer начинала свою деятельность со сборки персональных компьютеров под американскими брендами, а теперь производит и продает такие компьютеры под собственным брендом). Наконец, четвертый вид апгрейда – переход из одной стоимостной цепочки (например, вследствие повышения конкуренции) в другую (как финская компания Nokia перешла несколько десятилетий назад от производства резиновой обуви к мобильным телефонам, а позже – к коммуникационным системам и программному обеспечению).

В экономической литературе выделяется ряд ключевых механизмов, определяющих возможности совершенствования положения в глобальных стоимостных цепочках:

Управление цепочками. Управление цепочками детерминирует разделение труда в цепочке и определяет возможности отдельных компаний генерировать и аккумулировать размер ренты. Например, компания IKEA ограничивает возможности своих поставщиков разрабатывать и, особенно, брендировать собственные продукты. Она также ставит пределы совершенствованию технологического процесса у своих поставщиков и систематически занимается поисками альтернативных поставщиков с целью создания конкурентной среды и снижения издержек. Целью политики апгрейда в этом случае является помощь компаниям во вхождении в стоимостные цепочки и продвижении их в сегменты с большей добавленной стоимостью и более высокими барьерами для входа новых фирм.

Проникновение на рынки. Различные рынки предъявляют разные требования и генерируют разный уровень прибыли. Происходят сегментация рынков и повышение их волатильности, особенно рынков с высокими доходами. Хотя рынки стран с низкими и средними доходами начинают испытывать те же процессы сегментации и волатильности, в целом они остаются менее чувствительными к ценам, качеству, трудовым и экологическим стандартам.

Важное значение стандартов. Различные рынки и различные глобальные цепочки стоимости устанавливают разные стандарты для производителей. Некоторые из этих стандартов устанавливаются государством (например, фитосанитарные), некото-

рые – контролирующими ГЦС компаниями (так, компания Toyota устанавливает стандарты качества, времени поставок и издержек для своих поставщиков в стоимостных цепочках), а некоторые – гражданским обществом (трудовые стандарты). Стандарты оказывают существенное влияние на фирмы, входящие в ГЦС (часто малым компаниям трудно их соблюдать). Они играют важную роль в процессе апгрейда, поскольку способствуют повышению инновационных возможностей участников цепочек.

Асимметрия силы. Как правило, в глобальных цепочках стоимости ведущая роль принадлежит транснациональным корпорациям, контролирующим всю цепочку и определяющим ее политику, что затрудняет вхождение новых, особенно малых компаний. Такая асимметрия силы влияет на разделение труда и возможность различных производителей совершенствовать (осуществлять апгрейд) своей продукции и своих предложений. Одно из решений этой проблемы – выращивание собственных транснациональных компаний («национальных чемпионов») и формирование собственных стоимостных цепочек, в том числе региональных.

Некоторые страны начинали в роли глобальных поставщиков. Другие первоначально занимались простыми сборочными операциями для ведущих глобальных компаний (сборка айфонов в Китае). Траектория апгрейда на этих ранних стадиях принимала форму совершенствования производственного процесса. Затем, по мере роста компетенций, компании продвигались от простой сборки к обрабатывающим операциям, инкорпорируя большое число локально производимых компонентов. Затем наступает этап продуктового апгрейда, когда компетенции позволяют производить продукцию под своим собственным брендом (лэптопы на Тайване). Наконец, на этапе функционального апгрейда компании начинают выстраивать глобальное присутствие своих брендов, осуществляя аутсорсинг ряда операций (например, аутсорсинг производства одежды из Тайваня в Китай и из прибрежных районов Китая в соседние страны – Вьетнам и др.).

Такая траектория апгрейда часто получает существенную поддержку государства (на уровне фирмы, кластера или отрасли) в виде развития человеческого капитала и ресурсов, а также финансовой поддержки НИОКР и инноваций.

В сырьевых глобальных цепочках стоимости главный акцент в политике апгрейда ставится на «утолщении» сетевых связей. Существует много примеров, когда связи, инициируемые ресурсным сектором, играли важную роль в промышленном развитии современных развитых стран. Среди таких стран – США и Канада в XIX в., Норвегия и Великобритания в XX в. и снова США в эру технологии гидроразрыва пласта в начале XXI в. [Wright]

В настоящее время характерным примером роли ресурсных связей может служить сектор производства и обслуживания горного оборудования Южной Африки. Эта отрасль является одной из немногих, где у страны существует положительный баланс в международной торговле, и играет важную роль в глобальном патентовании [Kaplan].

Развитие сырьевых цепочек стоимости на примере африканских стран показывает, что при этом используются различные инструменты. Они включают политику локализации (Нигерия и Ангола), развитие инфраструктуры ресурсного сектора (Ботсвана), маркетинговые институты для поддержки национальной перерабатывающей промышленности (сектор какао в Гане), формирование индустриальных зон для стимулирования связей между ведущими фирмами и местными производителями (в медной промышленности Замбии), реализацию программ развития человеческих ресурсов для удовлетворения потребностей горной промышленности (Ангола, Нигерия).

Крупные развивающиеся страны имеют больше возможностей продвижения в рамках глобальных стоимостных цепочек по сравнению с малыми странами. Они могут, с одной стороны, сфокусироваться на экспорте продукции обрабатывающей промышленности, как это сделали Китай и Мексика с середины 1990-х годов, а с другой – переориентировать производственные мощности на обслуживание внутреннего спроса, если экспортные рынки становятся менее привлекательными. Крупные страны с большим потенциалом роста рынка (например, страны БРИКС) могут задействовать институциональные механизмы политики привлечения прямых иностранных инвестиций в наукоемкие и капиталоемкие сектора национальной экономики, такие как электроника и автомобилестроение.

Малые страны обладают в этом плане меньшими возможностями. Размер их внутреннего рынка недостаточен для привлечения ПИИ, а местные национальные компании, как правило, невелики и менее развиты в технологическом отношении. Тем не менее региональная организация некоторых ГЦС предоставляет для малых стран возможности нести более низкие издержки и задействовать близость к более крупным рынкам, создавая экспортные мощности в специализированных нишах стоимостных цепочек (в производстве промежуточных товаров).

Литература

- Albertoni F., Elia S., Fratocchi L., Piscitello L.* Returning from offshore: what do we Know? AIB Insights. 2015. Vol.15. No 4. Pp.9–12.
- Bogers M., Hadar R., Bilberg A.* Additive manufacturing for consumer-centric business models: implications for supply chains in consumer goods manufacturing // Technological Forecasting and Social Changes. 2016. Vol. 102. Pp. 225–239.
- Gereffi G., Korzeniewicz M.* Commodity Chains and Global Capitalism. Westport, London. 1994.
- Kaplan D.* South African Mining Equipment and Specialist Services: Technological capacity // Export Performance and Policy. Resources Policy. 2012. Volume 37. Issue 4. Pp. 425–433.
- Laplume A., Petersen B., Pearce J.* Global value chains from a 3D printing perspective // Journal of International Business Studies. 2016. Vol. 47 No. 5. Pp. 595–609.
- Luethje B.* Electronic Contract Manufacturing: Global Production and the International Division of Labour in the Age of the Internet // Industry and Innovation. 2002. Vol. 9. Issue 3. Pp. 227–247.
- McAfee A., Brynjolfsson E.* Big data: the management revolution // Harvard Business Review. 2012. Vol. 90. No. 10. Pp/ 61–67.
- Ruessman M. et al.* Industry 4.0: the Future of Productivity and Growth in Manufacturing Industries. Boston Construction Group. Boston, MA. 2015.

Sanjaja L. Technological Structure and Performance of Developing Country Manufactured Exports, 1985–1998. Working Paper 44. QEH University of Oxford. 2000.

Shukla A. The big and small of big data. – URL: medium.com/smart-products/the-big-and-small-of-big-data-2dec0106f5c5 (date of access: 07.05.2018).

Strange R. Industry 4.0, Global Value Chains and International Business // National Business review, August 2017. Pp. 174–184

Wright G., Czelusta J. The Myth of the Resource Curse // Challenge. 2004. Vol. 47. No 2. Pp. 6–38.

УДК 338; 339; 327

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Мировой рынок нефти: противоречивые тенденции

Аннотация. *Нынешняя ситуация на нефтяных рынках отражает сложный и противоречивый характер эволюции глобальной энергетической отрасли. Несмотря на огромные усилия, направленные на развитие альтернативных источников энергии, ископаемые виды топлива, прежде всего нефть и природный газ, остаются (и останутся на десятилетия вперед) главными составляющими мирового энергопотребления. Не случайно нефтяная отрасль оказалась в эпицентре геополитического противостояния, стала объектом санкций и ограничений. В этих условиях особое значение приобретают научно-обоснованные оценки текущего состояния и перспектив нефтяной промышленности.*

Ключевые слова: *мировая экономика, нефтяная промышленность, падение цен на сырье, Россия и ОПЕК, санкционное давление.*

В оценках и прогнозах ведущих экспертов, включая недавний доклад компании BP «Прогноз развития мировой энергетики до 2040 года» [BP Energy], красной нитью проходит мысль о том, что в обозримом будущем без углеводородных источников энергии – нефти и природного газа – глобальная экономика обойтись не сможет. Роль нефти в обеспечении международной энергобезопасности останется чрезвычайно важной – можно сказать, незаменимой.

При этом на мировых энергетических рынках усиливается конкуренция различных энергоносителей, включая неконвенциональные (прежде всего сланцевые) и альтернативные: солнечные, ветряные, геотермальные и др. [Сидорович]. Нельзя недооценивать стремление многих государств, включая практически все экономически развитые, наращивать долю возобновляемых энергоносителей в национальном энергетическом балансе. Но и «смертный приговор» нефти, который неоднократно пытались вынести многие политики и эксперты, оказался слишком поспешным. В большинстве серьезных сценариев развития глобальной экономики спрос на «черное золото» будет увеличиваться – прежде всего, благодаря ускоренному экономическому росту развивающихся стран.

Однако, как показал опыт последних лет, мировой нефтяной рынок может быть подвержен резким конъюнктурным колебаниям. Сильные перепады цен на нефть подвергают суровым испытаниям страны-экспортеры, включая Россию.

Сведения об авторе: *ЯКОВЛЕВ Петр Павлович – руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук; petrp.yakovlev@yandex.ru.*

Нефть в глобальной экономике

В последнее десятилетие в географии мировой нефтяной промышленности произошли существенные подвижки, создавшие новую геоэкономическую и геополитическую ситуацию. Это коснулось оценки доказанных объемов нефтяных запасов и таких ключевых показателей, как добыча, потребление, переработка и международная торговля нефтью, а также производство нефтепродуктов.

Прежде всего, в 2006–2016 гг. значительно (на 50%) возрос объем доказанных мировых запасов нефти, превысивший 1706 млрд баррелей. Однако в страновом разрезе указанный рост не был равномерным. Из числа крупных нефтедобывающих государств в максимальной степени нарастили свои запасы Венесуэла (в четыре с лишним раза), Канада (в три с половиной раза), а также Иран, Нигерия, США и Ирак (соответственно, на 71, 64, 61 и 37%). При этом практически не изменилась оценка запасов Саудовской Аравии, России, Кувейта и ОАЭ. Венесуэла по объему доказанных запасов вышла на первое место в мире – свыше 300 млрд баррелей, или 17,6% общемировых ресурсов (табл.1).

Таблица 1

Доказанные мировые запасы нефти, млрд баррелей

Страна	2006	2015	2016	Доля, %
Весь мир	1148,8	1691,5	1706,7	100,0
Венесуэла	72,7	300,9	300,9	17,6
Саудовская Аравия	261,4	266,6	266,5	15,6
Канада	48,9	171,5	171,5	10,0
Иран	92,6	158,4	158,4	9,3
Ирак	112,0	142,5	153,0	9,0
Россия	113,6	102,4	109,5	6,4
Кувейт	96,5	101,5	101,5	5,9
ОАЭ	97,8	97,8	97,8	5,7
Нигерия	29,5	48,4	48,4	2,8
США	29,8	48,0	48,0	2,8

Источник: BP Statistical Review of World Energy 2017. – bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review-2017/bp-stati...

Значительно в меньшей степени выросло глобальное потребление «черного золота»: на 13%, с 85,8 до 96,6 млн баррелей в сутки. Здесь также наблюдался огромный страновой разброс. Лидерами роста были крупнейшие развивающиеся государства: Саудовская Аравия – на 72%, Китай – на 67%, Индия – на 64%, Бразилия – на 40%. Доля этой четверки стран в мировом потреблении выросла с 17,1% в 2006 г. до 24,5% в 2016 г. Снизили или сохранили на прежнем уровне объемы потребления нефти экономически высокоразвитые державы, вставшие на путь энергосбережения: США (сокращение на 5%), Германия (на 8%) и Япония (на 22%). Практически не изменился показатель Канады – скромное увеличение на 0,3%. Среди других индустриальных стран выросло

потребление в Южной Корее (на 19%) и в России (на 16%) (табл. 2). Опережающий рост потребления в развивающихся государствах превращал эти рынки в наиболее перспективные с точки зрения экспортеров.

Таблица 2

Мировое потребление нефти, тыс. баррелей в сутки

Страна	2006	2015	2016	Доля, %
Весь мир	85777	95003	96558	100,0
США	20687	19531	19631	20,3
Китай	7432	11986	12381	12,8
Индия	2737	4164	4489	4,6
Япония	5174	4139	4037	4,2
Саудовская Аравия	2274	3868	3906	4,0
Россия	2762	3137	3203	3,3
Бразилия	2155	3170	3018	3,1
Южная Корея	2320	2577	2763	2,9
Германия	2609	2340	2394	2,5
Канада	2275	2299	2343	2,4

Источник: BP Statistical Review of World Energy 2017. – bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review-2017/bp-stati...

Макроэкономические тенденции, определяющие увеличение или сокращение спроса и потребления нефти и нефтепродуктов, оказывают регулирующее воздействие на динамику добычи, мировой объем которой в 2006–2016 гг. вырос на 12%: с 82,5 до 92,2 млн баррелей в сутки. Как видим, потребление несколько превышало объемы добычи, что не представляло проблем для импортеров, поскольку разница покрывалась за счет продажи на международном рынке части огромных резервов нефти, накопленных рядом стран.

Что касается собственно добычи, наиболее значимым изменением, оказавшим долговременное геэкономическое влияние, явилось увеличение на 81% производства «черного золота» в США, которые впервые за многие десятилетия возглавили мировой список нефтедобывающих государств, опередив уже ставших традиционными лидерами Саудовскую Аравию (рост на 15%) и Россию (на 14%). Заметим, что на эту «большую тройку» в 2016 г. пришлось 39% общемирового нефтяного производства. Ощутимо нарастили добычу Бразилия – на 44%, Канада – почти на 40%, ОАЭ – на 31%. Подлинный прорыв имел место в Ираке, вернувшемся в число ведущих нефтяных стран, – здесь производство выросло в 2,2 раза. Совершенно иначе сложилась ситуация в Мексике, на 33% сократившей нефтедобычу и в известной степени утратившей былую роль одного из крупнейших нефтедобывающих государств (табл. 3).

Решительный шаг вперед сделали развивающиеся страны в сфере нефтепереработки и производства нефтепродуктов. На фоне сравнительно небольшого роста общемирового показателя (8%) увеличение объемов переработки нефти в Китае составило

77%, Индии – 72%, Саудовской Аравии – 38%. Положительную динамику продемонстрировали Россия (29%), Южная Корея (22%), Бразилия (7%) и США (6%), тогда как Япония, Германия и Канада сократили объемы нефтепереработки (соответственно, на 19, 16 и 11%). В результате в мировой экономике развернулся процесс переноса значительной части производства нефтепродуктов на развивающиеся рынки (табл. 4).

Таблица 3

Мировая добыча нефти, тыс. баррелей в сутки

Страна	2006	2015	2016	Доля, %
Весь мир	82519	91704	92150	100,0
США	6825	12757	12354	13,4
Саудовская Аравия	10761	11986	12349	13,4
Россия	9819	10981	11227	12,2
Иран	4293	3897	4600	5,0
Ирак	1999	4031	4465	4,8
Канада	3208	4389	4460	4,8
ОАЭ	3098	3928	4073	4,4
Китай	3711	4309	3999	4,3
Бразилия	1806	2525	2605	2,8
Мексика	3689	2587	2456	2,7

Источник: BP Statistical Review of World Energy 2017. – <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review-2017/bp-stati...>

Таблица 4

Мировое производство нефтепродуктов, тыс. баррелей в сутки

Страна	2006	2015	2016	Доля, %
Весь мир	74406	79905	80550	100,0
США	15242	16188	16202	20,1
Китай	6235	10684	11023	13,7
Россия	4423	5773	5709	7,1
Индия	2860	4561	4931	6,1
Япония	4026	3258	3280	4,1
Южная Корея	2407	2784	2928	3,6
Саудовская Аравия	1992	2479	2750	3,4
Германия	2245	1875	1887	2,3
Бразилия	1708	1972	1831	2,3
Канада	1788	1635	1594	2,0

Источник: BP Statistical Review of World Energy 2017. – [bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review-2017/bp-stati...](https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review-2017/bp-stati...)

Характерной чертой развития мировой нефтяной отрасли является исключительно важная роль трансграничной торговли: в 2006–2016 гг. на экспорт направлялось

от 66 до 71% всей добываемой сырой нефти. Причем рост международной торговли нефтью в указанный период (на 20%) существенно опережал увеличение ее производства и стимулировался растущим спросом со стороны крупнейших развивающихся государств. Так, если США и Япония сократили импорт, соответственно, на 26 и 20%, а Европа нарастила его лишь на 5%, то Китай увеличил закупки в 2,4 раза, а Индия – на 87%. В итоге на эти две азиатские страны приходится около 22% общемирового нефтяного импорта (табл. 5).

Позиции главных экспортеров «черного золота» продолжают удерживать Россия и Саудовская Аравия. В 2016 г. они вместе обеспечивали свыше 26% глобальных поставок (по сравнению с 2006 г. их удельный вес немного сократился – было 27,6%). По-видимому, данная понижающая тенденция сохранится на обозримую перспективу из-за интенсивного роста экспортных поставок США (увеличение в 3,6 раза) и Канады (на 87%). В настоящее время доля этих двух североамериканских стран в мировом экспорте превышает 13%, или половину экспорта России и Саудовской Аравии [BP Statistical].

Таблица 5

Мировая торговля нефтью, тыс. баррелей в сутки

Страна	2006	2015	2016	Доля, %
Экспорт				
Весь мир	54579	62874	65454	100,0
Россия	6792	8455	8634	13,2
Саудовская Аравия	8307	8017	8526	13,0
США	1317	4521	4723	7,2
Канада	2330	3841	3906	6,0
Мексика	2102	1326	1400	2,1
Импорт				
Весь мир	54579	62874	65454	100,0
Европа	13530	13959	14188	21,7
США	13612	9450	10056	15,4
Китай	3883	8333	9216	14,1
Индия	2613	4357	4877	7,5
Япония	5201	4332	4179	6,4

Источник: BP Statistical Review of World Energy 2017. – bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review-2017/bp-stati...

Прорыв Соединенных Штатов на международные нефтяные рынки в качестве крупного поставщика произошел благодаря двум фундаментальным факторам: отмене в декабре 2015 г. 40-летнего запрета на экспорт сырой нефти (до этого США могли поставлять ее только в Канаду и Мексику – партнерам по НАФТА) и так называемой «сланцевой революции», позволившей освоить и начать эксплуатировать новые, ранее недоступные нефтяные и газовые месторождения. Все это способствовало большей интеграции американского сектора углеводородов в мировой, повлияло (и будет вли-

ять в дальнейшем) на глобальный баланс спроса и предложения, а также динамику международных цен на нефть. Как отмечал генеральный директор компании Pioneer Natural Resources Тимоти Дав, цель нефтепроизводителей США – продолжать высокими темпами наращивать добычу и экспорт и со временем «определять ситуацию на мировом рынке». Сама Pioneer Natural Resources, занятая разработкой крупных сланцевых месторождений Permian Basin на западе штата Техас, поставляет нефть в Канаду, Испанию, Сингапур, Китай и другие страны [Pioneer]. В апреле 2018 г. нефтяной экспорт из США достиг рекордной суммы в 19,9 млрд долл. [Salvaterra].

Перемены, происходящие на мировых нефтяных рынках, – составная часть общей эволюции глобальной экономики, которая характеризуется изменениями в соотношении сил между главными геоэкономическими игроками и испытывает на себе мощное турбулентное воздействие периодических кризисных потрясений.

Завершение «сырьевого суперцикла»

Одним из важнейших последствий глобальных кризисных потрясений 2008–2009 гг. явилось торможение роста китайской экономики (и международного хозяйственного развития в целом), что повлекло за собой дестабилизацию мировых цен на многие сырьевые товары.

Примерно полтора десятилетия назад стремительный рост спроса в Китае и ряде других динамично развивавшихся азиатских государств на углеводородные энергоносители, другие природные ресурсы и продовольствие положил начало так называемому «сырьевому суперциклу» – периоду беспрецедентно высоких цен на *commodities*. Наступили времена, когда Россия и страны-поставщики из Латинской Америки, Африки и Ближнего Востока своими товарами утоляли постоянно растущий сырьевой голод китайской экономики и получали сверхвысокие экспортные доходы. Ресурсная «ненасытность» КНР больше чем на десятилетие исказила баланс спроса и предложения, внушила международным трейдерам и властям развивающихся стран-экспортеров мысль о бесконечном повышении цен на сырье и продукты питания. Напомним, что еще совсем недавно делались прогнозы о цене на нефть свыше 200 долл. за баррель.

Между тем «суперциклы» не являются чем-то исключительным. Это достаточно хорошо известный в истории феномен, присущий мировому товарно-сырьевому сектору, характеризующемуся чередованием периодов высоких и (сравнительно) низких цен. В основе данного явления лежат различные факторы, связанные, в частности, с масштабами инвестиций, объемами производства и предложения и – главное – уровнем спроса.

В 2014–2016 гг. глобальный рынок пережил «сырьевой удар», оказавший разнонаправленное воздействие на экспортеров и импортеров сырья – природных ресурсов и продовольственных товаров.

Данные табл. 6 показывают, что цены на многие *commodities*, достигнув своего максимума в 2011–2013 гг., начали быстро снижаться. В ряде случаев падение цен силь-

но сказалось на доходах стран-экспортеров сырья. Например, в 2015 г. по сравнению с 2011 г. цены на все сырьевые и продовольственные товары сократились на 33%. При этом цены на медь и подсолнечное масло упали на 38%, кукурузу – на 41, соевое масло – на 42, пальмовое масло – на 45, никель и вольфрам – на 47, алюминий и сахар – на 48, серебро – на 55, железную руду – на 67% и т.д. В 2016 г. цены на большую часть сырья продолжали снижение или оставались на низком уровне, а нефтяные котировки за 18 месяцев (с середины 2014 г. по январь 2016 г.) обвалились на 75%: со 110 до 27 долл. за баррель [Who's afraid].

Таблица 6

**Динамика цен на сырьевые товары – commodities по отношению к 2000 г., %
(2000 г. = 100%)**

Виды сырьевых товаров	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Все сырьевые товары	256	302	277	258	243	202	200
Сырая нефть	280	368	372	369	341	180	152
Минералы, руды и металлы	327	375	322	306	280	218	205
Золото	440	562	598	506	454	416	-
Серебро	404	705	624	477	382	314	-
Железная руда	184	210	161	170	121	70	73
Марганцевая руда	415	324	262	291	243	163	246
Алюминий	140	155	130	119	120	107	103
Медь	406	458	418	391	347	300	301
Никель	252	265	203	174	195	137	111
Свинец	462	498	433	456	424	389	464
Цинк	192	194	173	169	191	171	185
Олово	375	480	388	411	403	296	324
Вольфрам	405	715	643	620	595	378	-
Фосфаты	281	423	425	339	252	269	253
Продовольствие	204	276	270	255	240	204	207
Пшеница	204	276	275	270	254	195	165
Кукуруза	256	325	334	294	228	195	187
Рис	256	271	285	255	209	187	191
Сахар	260	318	263	216	208	164	221
Говядина	174	209	214	209	255	228	203
Кофе	218	277	199	145	193	146	152
Чай	125	140	141	107	96	137	116
Соевые бобы	212	255	279	257	232	184	191
Соевое масло	297	384	363	313	269	224	239
Подсолнечное масло	274	347	322	287	230	216	215
Пальмовое масло	290	363	322	276	265	201	222

Источник: UNCTAD Handbook of Statistics 2017. Geneva: UN, 2017, p. 59.

Критическими для нефтяных котировок стали 2014–2015 гг., когда цена за баррель марки Brent упала со 107 долл. в январе 2014 г. до 32 долл. в январе 2016 г. Страны-

экспортеры не смогли противостоять этому тренду, поскольку продемонстрировали повышенную нервозность, в большинстве случаев отказались от контрциклической стратегии и не стали сокращать добычу. Напротив, в членах ОПЕК, России и некоторых других государствах наблюдался рост производства и предложения углеводородов, что лишь усугубило и без того тяжелую ситуацию. Только в 2016 г., в силу некоторого изменения международной конъюнктуры, цены поползли вверх (до 47 долл. за баррель в ноябре), хотя и близко не подошли к рекордным значениям 2013 г.

Снижение котировок нанесло сильный удар по мировой нефтяной промышленности, ослабило позиции многих крупнейших корпораций. Например, одна из ведущих в мире интегрированных энергетических ТНК, британская BP, в 2015 г. уменьшила продажи по сравнению с 2014 г. на 37%, с 358 млрд до 226 млрд долл., и объявила о планах значительного сокращения активов (путем их распродажи) и увольнения 7 тыс. работников. По признанию менеджмента, 2015 г. стал для BP худшим за последние два десятилетия [Bolaños]. В свою очередь, американская нефтегазовая компания Chevron в четвертом квартале 2015 г. впервые за 13 лет понесла чистые убытки в размере 588 млн долл., а в целом за год ее прибыли упали на 76%: с 19,2 млрд долл. в 2014 г. до 4,6 млрд долл. в 2015 г. [Chevron].

Падение цен на нефть имело еще одно знаковое макроэкономическое последствие: резко снизился интерес (и сократились инвестиции) энергетических корпораций к разработке новых месторождений углеводородов, в том числе сланцевых и труднодоступных – в Арктике и на больших океанских глубинах. В самом деле, зачем вкладывать миллиарды долларов в долгосрочные рискованные проекты, если можно сравнительно дешево и практически в неограниченных количествах приобрести имеющиеся на рынке углеводородные энергоносители?

В условиях резкого падения цен на нефть и сокращения корпоративных доходов крупнейшие глобальные энергетические компании предприняли экстраординарные шаги по повышению эффективности своей деятельности, сконцентрировались на наиболее рентабельных и перспективных проектах, благодаря чему стали выходить из кризисного состояния.

Вполне естественно, что экспортерам сложившийся в 2015–2016 гг. уровень цен на «черное золото» представлялся необоснованно заниженным. В экспертном сообществе он чаще всего объяснялся (помимо выше отмеченных факторов) ожиданиями дальнейшего замедления мировой экономики, а также ростом производительности у добытчиков сланцевых углеводородов в США и выходом на нефтяной рынок Ирана после снятия с него международных финансово-экономических санкций. И то и другое вынуждало страны-экспортеры адаптироваться к низким ценам и учиться жить в качественно изменившейся геоэкономической реальности. В частности, неизбежными представлялись меры по сокращению государственных расходов, в том числе инвестиций в геологоразведку и нефтедобычу, что в обозримой перспективе могло привести к существенному сокращению производства углеводородного топлива [Яковлев, с. 21–26].

В целом факты говорили о том, что на рынках сырья и продовольствия в большинстве случаев спрос достиг структурного максимума, в связи с чем наблюдался транзит (переход) от «суперцикла» к «новой норме», который мог продлиться несколько лет и побудить экспортеров и импортеров искать экономически обоснованный и взаимоприемлемый уровень цен.

Лихорадка на нефтяных рынках

Ситуация с производством жидких углеводородов в 2006–2016 гг. в различных регионах складывалась по-разному. Практически не изменилась в общемировой добыче доля государств Европы и СНГ, снизился этот показатель у стран Латинской Америки, Африки и Азиатско-Тихоокеанского региона, несколько увеличился удельный вес Большого Ближнего Востока – главного нефтяного производителя и экспортера. Но самые заметные изменения имели место в Канаде и США. В условиях максимально высоких цен на «черное золото» в 2008–2014 гг. значительную роль в наращивании добычи сыграла разработка американских сланцевых месторождений и канадских битумных песков. Соединенные Штаты и Канада усилили свои позиции в мировой нефтяной индустрии.

Потрясения в глобальной экономике, повлекшие за собой обвальное обесценение большинства commodities, указали на то, что нефть перестала быть активом, который «всегда будет только дорожать», и превратилась в обычный сырьевой товар [Черное]. Среди его ведущих стран-производителей, с одной стороны, пробивала себе дорогу идея достижения международного консенсуса и принятия неотложных мер, направленных на стабилизацию глобального нефтяного рынка, а с другой – до предела обострилась конкуренция, затруднявшая выработку согласованного подхода.

Между тем резкое сокращение валютных поступлений от экспорта нефти столь сильно «потрепало» государственные бюджеты мировых продавцов углеводородов, что даже в богатейшей Саудовской Аравии впервые за многие десятилетия возникли острые финансовые проблемы (по данным экспертов Всемирного банка, 80% ее доходов формируют продажи нефти). По итогам 2015 г. бюджетный дефицит Эр-Риادا достиг 98 млрд долл., а в 2016 г. (по оценкам) вырос до 118 млрд долл., что вынудило власти прибегнуть к мерам жесткой экономии: сократить субсидии на электроэнергию, топливо, водоснабжение, снизить расходы на оборону и заработную плату государственных служащих. Чтобы залатать образовавшуюся бюджетную дыру, саудовцы прибегли к крупным внешним заимствованиям, разместив в 2015 г. на международных кредитных рынках суверенных облигаций на 26 млрд долл. и продолжив эту практику в 2016 г. [How].

Начиная с осени 2016 г. страны-экспортеры предприняли энергичные усилия, чтобы предотвратить дальнейшее падение нефтяных цен. Ключевую роль в непростом переговорном процессе сыграли Россия и Саудовская Аравия – крупнейшие экспортеры нефти, которые сумели убедить большинство членов ОПЕК и многие не входящие в картель государства несколько сократить добычу. Как заявил министр энергетики РФ

А.В. Новак, 10 декабря 2016 г. между 24 ведущими странами-производителями была достигнута договоренность о стабилизации ситуации на мировом нефтяном рынке, предусматривавшая с 1 января 2017 г. сокращение суммарной добычи примерно на 1,8 млн барр. в сутки, из которых 1,2 млн барр. должны были обеспечить 13 членов ОПЕК, а 558 тыс. барр. – другие государства (в частности, Россия – до 300 тыс. барр.). В соответствии с соглашением, получившим название ОПЕК+, указанная договоренность распространялась на первое полугодие 2017 г. [Доклад].

Экспортеры полагали, что принятые меры обеспечат ребалансировку нефтяного рынка, сократят избыточное предложение жидких углеводородов и ослабят спекулятивное давление на цены, тем самым уменьшив их волатильность, а также восстановят инвестиционную привлекательность углеводородной отрасли и простимулируют рост капиталовложений, объем которых в последние годы существенно сократился. Последнее обстоятельство имело особенно важное, стратегическое значение, поскольку, как считали участники соглашения ОПЕК+, могло позволить в будущем избегать обвальных падений добычи.

На первом этапе действия соглашения ОПЕК+, вопреки ожиданиям его инициаторов, снижение добычи имело сравнительно кратковременный ценовой эффект. Если в декабре 2016 г. нефтяные цены (по отношению к ноябрю) выросли почти на 17%, а в январе – феврале 2017 г. сохранялись на относительно высоком уровне, то за первые три недели марта произошло падение на 8,5%. Однако в конце марта цена вновь поднялась на 2,3%, достигнув 52,71 долл. за баррель (табл. 7).

Таблица 7

Динамика цен на нефть марки Brent, долл. за баррель

Дата	Цена	Изменение, %
январь 2013	111,76	-
январь 2014	106,85	-4,4
январь 2015	50,04	-53,2
январь 2016	32,13	-35,8
ноябрь 2016	47,01	+46,5
декабрь 2016	54,89	+16,8
январь 2017	55,59	+1,3
февраль 2017	56,53	+0,9
1 марта 2017	56,32	-0,0
20 марта 2017	51,53	-8,5
31 марта 2017	52,71	+2,3

Источник: Динамика цен на нефть Brent (ICE.Brent, USD за баррель). – news.yandex.ru/quotes/1006.html

С этого момента повышательный тренд в целом возобладал, и в июне 2018 г. цена за баррель нефти марки Brent превысила 75 долл., что можно считать крупным достижением соглашения ОПЕК+. Волатильность на мировом рынке нефти заметно снизилась, но полностью не исчезла, опрокидывая ожидания.

Какие главные факторы уже влияют и будут влиять на поведение глобального нефтяного рынка и определять ценовые тренды в обозримом будущем?

Во-первых, это традиционно существующие и продиктованные многообразными объективными и субъективными условиями производства значительные различия в себестоимости добычи сырой нефти основными (топ-20) государствами-производителями (табл. 8).

Таблица 8

Средняя себестоимость добычи барреля нефти в 2015 г. в странах топ-20, долл./барр.

№	Страна		№	Страна	
1	Великобритания	52,5	11	Казахстан	27,8
2	Бразилия	48,8	12	Ливия	23,8
3	Канада	41,0	13	Венесуэла	23,5
4	США	36,2	14	Алжир	20,4
5	Норвегия	36,1	15	Россия	17,2
6	Ангола	35,4	16	Иран	12,6
7	Колумбия	35,3	17	ОЭА	12,3
8	Нигерия	31,6	18	Ирак	10,7
9	Китай	29,9	19	Саудовская Аравия	9,9
10	Мексика	29,1	20	Кувейт	8,5

Источник: Rysted Energy. – rystedenergy.com/NewsEvents

Как видим, в 2015 г. максимальная себестоимость наблюдалась в Великобритании – 52,5 долл. за барр. – и превышала аналогичный показатель Кувейта (8,5 долл.) в шесть с лишним раз. Разумеется, такое положение дел затрудняло увеличение добычи в странах с высокими издержками в периоды снижения потребительского спроса и мировых цен на нефть. Однако динамично развивающийся технический прогресс позволяет снизить себестоимость добычи, что и было отмечено в 2016 г. Например, в Великобритании себестоимость упала до 44,3 долл. (на 16%), Бразилии – до 35 долл. (на 28%), Канаде – до 26,6 долл. (на 35%), США – до 23,4 долл. (также на 35%), Норвегии – до 21,3 долл. (на 41%) [Rysted]. Результатом явилось вовлечение в производственный и торговый оборот ранее нерентабельных месторождений.

Последнее прежде всего коснулось производства сланцевой нефти в Соединенных Штатах и глубоководной добычи на морском шельфе Бразилии – так называемые месторождения подсолевых слоев. Если еще в 2014 г. себестоимость добычи сланцевой нефти составляла 50–80 долл./барр., то в 2016 г. этот показатель приблизился к 20 долл., снизившись в среднем в три раза. Похожая история произошла с нефтью бразильского глубоководного шельфа. В 2013 г. ее добыча не была рентабельной при мировой цене в 110 долл./барр., а в 2017 г. компании-производители уже получали прибыль при цене порядка 50 долл. [2017 offshore].

Во-вторых, открытие и начало эксплуатации новых богатых месторождений жидких углеводородов, как традиционных, так и неконвенциональных. В частности, в начале марта 2017 г. испанская энергетическая корпорация Repsol и ее американский партнер – компания Armstrong Energy объявили об открытии на Аляске крупнейшего за последние три десятилетия на территории США месторождения легкой нефти, извлекаемые запасы которой достигают 1,2 млрд баррелей [Monforte]. Значительным потенциалом расширения добычи обладают страны Латинской Америки. Уже сейчас на долю региона (в первую очередь благодаря гигантским возможностям Венесуэлы) приходится более 20% доказанных мировых запасов нефти. В ближайшие годы этот показатель может возрасти в результате новых открытий в таких странах, как Аргентина, Бразилия, Гайана, Мексика и Чили. Латинская Америка, подчеркивают международные эксперты, становится «горячей точкой» геологоразведки и последующей эксплуатации обнаруженных месторождений для многих ведущих энергетических компаний [Proyectan].

В-третьих, заметное увеличение в ряде стран (прежде всего в США) коммерческих и стратегических запасов нефти, часть которых может в любой момент появиться на мировом рынке. Например, в период с марта 2016 г. по март 2017 г. запасы сырой нефти в Соединенных Штатах (включая стратегические) выросли почти на 35 млн барр., превысив 1222 млн баррелей. За тот же период США сократили импорт сырой нефти на 8,5% и увеличили экспорт нефти и нефтепродуктов на 19,1% [U.S. Energy]. Разумеется, все эти факторы оказывали понижающее воздействие на цены международного рынка, в определенной степени снижали эффект от согласованных действий стран-членов ОПЕК и других государств-экспортеров по сокращению добычи.

В-четвертых, сложившиеся в первые десятилетия XXI в. в глобальной экономике мегатренды стали видоизменять энергетический мир. Прежде всего, это мощный технологический прорыв в способах добычи углеводородов («сланцевая революция»), а также развитие разного рода возобновляемых источников энергии и альтернативных видов энергетики: солнечной, ветряной, геотермальной, биологической и т.д. Преждевременно говорить о конце углеводородной эры, но трансформация уже ставшего привычным мирового энергетического уклада набирает обороты [Сидорович].

В фокусе санкционного давления

В середине второго десятилетия текущего века в развитие мировой нефтяной отрасли властно вмешались политические факторы, прежде всего разного рода санкции и ограничения, направленные против отдельных ведущих нефтедобывающих и нефтеэкспортирующих стран. Затронув в первую очередь интересы России и Венесуэлы, введенные западными государствами санкции радикально осложнили и без того непростые условия международного сотрудничества, сделали его плохо предсказуемым. В обстановке обострившегося корпоративного соперничества на нефтяных рынках неэкономические и, по существу, нерыночные инструменты практически открыто используются для создания односторонних конкурентных преимуществ. В частности, санкции и ограничения служат продвижению более дорогих сланцевых энергоносителей, производимых американскими компаниями.

Первой под ограничения попала Венесуэла, обладающая крупнейшими в мире доказанными запасами нефти. Под предлогами политического (свобода деятельности оппозиции) и гуманитарного (защита прав человека) характера Вашингтон взял курс на финансовое удушение Каракаса. В частности, Белый дом запретил американским банкам не только совершать операции с венесуэльскими долговыми бумагами, но и участвовать в переговорах на эту тему [Presidential]. Это существенно осложнило критически важную задачу реструктуризации государственного долга Венесуэлы, поставленную правительством Николаса Мадуро [Wernau].

Согласно экспертным оценкам, нефтяная промышленность Венесуэлы имеет хорошие перспективы роста благодаря беспрецедентно мощной ресурсной базе, сравнимой лишь с нефтяными богатствами Саудовской Аравии. Санкционное и политико-дипломатическое давление со стороны Соединенных Штатов не только дестабилизирует функционирование венесуэльской нефтяной отрасли (и затрудняет социально-экономическое развитие страны в целом), но и привносит элементы неустойчивости и неопределенности в трансграничную торговлю жидкими углеводородами.

В начале августа 2017 г. президент США подписал закон «О противодействии врагам Америки с помощью санкций», ужесточивший уже действовавший санкционный режим против России [Statement]. Важное место в общем ряду антироссийских санкций заняли секторальные меры и запреты, затронувшие интересы крупнейших российских энергетических компаний, включая «Роснефть», «Газпромнефть», «Транснефть», «Новатэк», ЛУКОЙЛ, «Сургутнефтегаз». Проведением в жизнь санкционной политики занимаются несколько органов исполнительной власти в Вашингтоне. В частности, казначейство США выпустило директиву, согласно которой американцам запрещается продавать оборудование, оказывать услуги и передавать технологии, которые могут быть использованы для разведки и добычи нефти на глубоководном шельфе Арктики и на сланцевых месторождениях на территории Российской Федерации. Под ограничения попали самые разные виды оборудования для вертикального и горизонтального бурения, буровые и обсадные трубы, программное обеспечение для гидравлического разрыва (на сланцевых месторождениях), насосы высокого давления, сейсмические аппараты, компрессоры, расширители, клапаны, стояки и т.д. [Directive]. Другими словами, перекрываются каналы российско-американских деловых связей в отрасли, имеющей для обеих стран приоритетную стратегическую ценность.

8 мая 2018 г. Д. Трамп принял решение о выходе из многостороннего соглашения по иранской ядерной программе [Ceasing]. Это означает пересмотр прежней политики Вашингтона, позволившей в конце 2015 г. ослабить режим санкций в отношении Тегерана и открывшей путь для иранской нефти на международные рынки. В 2016–2017 гг. добыча «черного золота» в Иране выросла почти на треть, что позволило этой стране вернуться в ряды ведущих государств-экспортеров. Теперь односторонний дипломатический демарш Белого дома преследует цель поставить крест на полноценном участии Ирана в глобальной экономике. Не исключено, что спровоцированное администрацией Д. Трампа развитие кризиса вокруг соглашения по иранской ядерной программе может привести к переделу отдельных сегментов мирового рынка нефти в пользу аме-

риканских энергетических корпораций. Пример такого развития событий – попытка Вашингтона с помощью угрозы торговой войны добиться резкого (в разы) увеличения поставок энергоресурсов из США в Китай, который до настоящего времени импортировал незначительные (около 3% общих закупок) объемы американских углеводородов.

Политика санкционного давления начинает напрямую использоваться как инструмент внешней торговли, способ вытеснения конкурентов. Не случайны рассуждения высокопоставленных вашингтонских чиновников о том, что растущий экспорт американских энергоресурсов позволит «друзьям и союзникам Соединенных Штатов сократить свою зависимость от недружественных наций». Очевидно, что подобного рода деятельность будет иметь далеко идущие последствия. Как отмечал главный исполнительный директор ПАО «НК «Роснефть» И.И. Сечин, «политика санкций и ультиматумов в применении к рынкам углеводородов не может не привести к появлению перманентной «санкционной премии» в цене. Через какое-то время, не исключая, мы сможем говорить о санкционном сырьевом «суперцикле» и уже в близкой перспективе увидим новые ценовые рекорды» [Сечин].

Разумеется, рост цен на углеводороды – это лишь один из возможных сценариев развития ситуации на нефтяном рынке. Существующие в мировой экономике и политике вызовы и риски способны любой тренд развернуть в самом неожиданном направлении.

* * *

Подводя итог, следует выделить несколько принципиально важных, на наш взгляд, тезисов, характеризующих ключевые аспекты мировой нефтяной промышленности, положение дел в которой еще сравнительно долго будет определять социально-экономическое развитие Российской Федерации.

Во-первых, нефтяная отрасль испытывает на себе воздействие неизбежного и уже наблюдаемого энергоповорота, основными составляющими которого являются как изменения в самой «нефтянке» («сланцевая революция», выход на авансцену новых сильных производителей и экспортеров и т.д.), так и продвижение в наиболее развитых странах альтернативных источников энергии. Указанные факторы значительно обостряют конкуренцию на глобальных энергетических рынках, требуют от экспортеров нефти максимальной производственной эффективности, стимулируют формирование стратегических и ситуативных международных альянсов.

Во-вторых, прогнозируемый экспертами рост энергопотребления, связанный, в частности, с увеличением населения Земли и улучшением их благосостояния, произойдет прежде всего в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки. Повышение спроса на нефть и другие энергоносители ожидается именно в этих регионах, тогда как в Европе, например, продолжится тренд на уменьшение энергозатрат. Таким образом, следует ожидать дальнейшего обострения конкурентной борьбы ведущих глобальных корпораций на емких нефтяных рынках развивающихся государств (прежде всего Азиатско-Тихоокеанского региона).

В-третьих, на обозримую перспективу в мировой экономике сохранятся секторы устойчивого роста потребления нефти и нефтепродуктов: автомобильный, авиационный, морской транспорт, нефтехимия, производство электроэнергии и др. Именно развитие этих ключевых отраслей будет подталкивать вверх спрос на жидкие углеводороды, обеспечивая расширение нефтяных рынков.

В-четвертых, в условиях нарастающего санкционного давления российские нефтяные компании и их лидер – «Роснефть» должны уделять особое внимание развитию собственного технико-технологического потенциала и использованию отечественных прорывных производственных подходов, чтобы на годы вперед оставаться на передовых рубежах мировой энергетической отрасли.

Благодаря согласованной производственной политике и совместным дипломатическим усилиям стран-членов ОПЕК и России в 2017–2018 гг. удалось добиться стабилизации мировых нефтяных рынков, выйти на приемлемый уровень цен на жидкие углеводороды. Но достигнутая стабильность остается весьма хрупкой, а динамика цен на нефть сохраняет неустойчивый циклический характер и может преподнести еще немало сюрпризов.

Литература:

- Доклад Александра Новака президенту Владимиру Путину о ходе реализации соглашения о сокращении добычи нефти со странами ОПЕК и не ОПЕК в рамках совещания с членами правительства РФ. – URL: <http://minenergo.gov.ru/node/7083> (дата обращения: 30.04.2018).
- Сечин И. Нефтяные рынки: риски или новые возможности // Эксперт. № 23, 4 – 10 июня 2018. С. 26 – 31.
- Сидорович В. Мировая энергетическая революция. Как возобновляемые источники энергии изменят наш мир. М. 2015.
- Черное незолото // Эксперт. № 40, 3 – 9 октября 2016, с. 10.
- Яковлев П.П. «Эффект Трампа» или конец глобализации? М. 2017.
- 2017 offshore activity shows remarkable competitiveness against shale. – URL: rystadenergy.com/NewsEvents/Ne (date of access: 06.06.2018).
- Bolaños A. La caída del precio del petróleo lleva a BP sufrir el peor resultado en 20 años // El País. Madrid. 02.02.2016.
- BP Energy Outlook. 2018 edition. – URL: bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2018.pdf (date of access: 10.06.2018).
- BP Statistical Review of World Energy 2017. – URL: bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review-2017/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf (date of access: 01.06.2018).
- Ceasing U.S. Participation in the JCPOA and Taking Additional Action to Counter Iran's Malign Influence and Deny Iran All Paths to a Nuclear Weapon. May 8, 2018. – URL: whitehouse.gov/ (date of access: 06.06.2018).
- Chevron Reports Fourth Quarter Loss of \$588 Million and 2015 Earnings of \$4.6 Billion. January 26, 2016. – URL: chevron.com/pressreleases/ (date of access: 05.06.2018).
- Directive 4 (as amended on October 31, 2017) under executive order 13662. – URL: treasury.gov/

- resource-center/sanctions/Programs/Documents/eo13662_directive4_20171031.pdf (date of access: 07.06.2018).
- How is Saudi Arabia Reacting to Low Oil Prices? Jul 28, 2016. – URL: worldbank.org/ (date of access: 10.06.2018).
- Monforte C.* Repsol realiza un descubrimiento en Alaska, el mayor en EEUU en 30 años // Cinco Días. Madrid. 09.03.2017.
- Pioneer Natural Resources. Investor Presentation. June 2018. – URL: investors.pxd.com/static-files/35a6ba63-b970-4af6-9cea-19873c73d733 (date of access: 10.06.2018).
- Presidential Executive Order on Imposing Sanctions with Respect to the Situation in Venezuela. August 25, 2017. – URL: whitehouse.gov/ (date of access: 15.05.2018).
- Proyectan un futuro próspero para el sector petrolero en Latinoamérica. 8 de Marzo de 2017. – URL: americaeconomia.com/ (date of access: 10.05.2018).
- Rysted Energy. – URL: rystedenergy.com/NewsEvents (date of access: 04.06.2018).
- Salvaterra N. The U.S. Sold a Record Amount of Oil in April // The Wall Street Journal. New York. 07.06.2018.
- Statement by President Donald J. Trump on Signing the “Countering America’s Adversaries Through Sanctions Act”. August 2, 2017. – URL: whitehouse.gov/ (date of access: 10.06.2018).
- U.S. Energy Information Administration. March 15, 2017. – URL: eia.gov/ (date of access: 10.06.2018).
- Wernau J. Venezuela Is in Default, but Goldman Sachs Just Got Paid // The Wall Street Journal. 10.04.2018.
- Who’s afraid of cheap oil? Jan 23rd 2016. – URL: economist.com/node/21688854/print (date of access: 23.06.2017).

Authors

Vladimir KONDRATEV – Head of the Center for Industrial and Investment Studies, Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) RAS; Full Professor, Doctor of Economics; v.b.kondr@imemo.ru.

John LAUGHLAND – British philosopher and historian; Director of Studies, The Institute of Democracy and Cooperation, Paris (2008 – 2018).

Aleksander SALITSKY – Chief Researcher, Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), RAS; Doctor of Economics; sal.55@mail.ru.

Yakov SHEMYAKIN – Chief Researcher, Institute of Latin America (ILA), RAS; Doctor of History; shemyakin3@gmail.com.

Natalia TRAVKINA – Chief Researcher, director of domestic politics studies, Institute of USA and Canada, RAS; Doctor of Political Science; uspolitika@gmail.com.

Andrey VINOGRADOV – Leading researcher, Institute of Far Eastern Studies (IFES), RAS; Ph.D. in History; vinangr@mail.ru.

Petr YAKOVLEV – Head of the Center for Iberian Studies, Institute of Latin America, RAS; Professor, Plekhanov Russian University of Economics; Doctor of Economics; petr.p.yakovlev@yandex.ru.

Abstracts and Keywords

Yakov SHEMYAKIN

HISTORICAL REALITY FROM A CULTURAL ANTHROPOLOGICAL PERSPECTIVE: EXISTENTIAL LIMIT OF GLOBALIZATION

Abstract. *Emphasizing the anthropological turn in humanities and social sciences, the author summarizes comparative civilizational research to investigate correlation among global, universal, local and individual dimensions of the human being. On the logical and semantic level, the multidimensional nature of individuals and cultures make globalization impossible. Hypothetically, the implementation of such scenario would amount to imposing the cultural meanings of a single culture on all others, increase social entropy and result in disastrous degradation of mankind.*

Keywords: *anthropological turn, globalization, «classical» civilization, «borderline» civilization, fluctuation of individual behavior, global, universal, local, individual.*

Petr YAKOVLEV

SPAIN AT THE BEGINNING OF A NEW TRANSITION

Abstract. *An unprecedented change of power took place in early June 2018 in Spain. Since the parliament passed a no-confidence vote to the prime minister M. Rajoy, the executive branch of the government has been headed by the leader of the socialist party P. Sanchez, who announced his goal of implementing profound social and economic reforms. He might attempt to make a “second transition” in Spanish history – to a trajectory of inclusive sustainable development. However, Madrid is facing numerous obstacles on that path.*

Keywords: *Spain, consequences of the crisis, change of power, socialist government agenda, Pedro Sanchez.*

John LAUGHLAND

THE PHENOMENON OF EMMANUEL MACRON

Abstract. *Identifying the most striking aspects of E. Macron’s election as French President, the article examines his sources of inspiration and the true nature of the Macron project. In some key ways Macron’s movement, En Marche!, resembles a classic colour revolution and a business start-up.*

Rhetorically, progressivism – the cult of change, the propaganda about “openness” – is the very essence of Macronism. When we examine the content of Macronism, it becomes very clear that, far from representing anything new, E. Macron instead embodies absolute continuity. His victory in the 2017 elections is testimony to the ability of “the system”, against which so many voters, in their different ways, wanted to vote, to regenerate itself.

Keywords: *Emmanuel Macron; Macronism; En Marche, La République!; French politics; 2017 elections; progressivism; colour revolutions; personalisation of power.*

Natalia TRAVKINA**DONALD TRUMP'S IMMIGRATION POLICY: INTERMEDIATE RESULTS**

Abstract. *The issue of illegal immigration has become a key item on the domestic political agenda of Republican President D. Trump. The wall, which he promised to build along the US-Mexican border, is a political symbol of the new approach. However, his initiative has run into strong opposition in the Congress, including opposition on the part of the Republicans. The paper reviews the first results of D. Trump's executive orders on immigration, emphasizing various aspects of the confrontation in Washington, which has divided the "nation of immigrants".*

Keywords: *illegal immigration, immigration law, immigration policy, Donald Trump, national security, deportation, American-Mexican border wall, operational control of the U.S. border.*

Andrey VINOGRADOV, Aleksander SALITSKY**USA – CHINA: A TRADE WAR HAS STARTED**

Abstract. *The summer of 2018 will be remembered as the time when the US began a trade war against China. The article analyzes origins of the conflict, which has challenged the entire system designed to regulate multilateral trade relations. The arbitrary unilateral actions by D. Trump's Administration carry threats not only for China. They affect the interests of many countries and businesses, including the US business; so far, it is not an easy task to evaluate numerous consequences of the unfolding economic clash. The authors make a preliminary inventory of major areas of confrontation between the two superpowers, and address the problematic prospects for the resolution of the US-China trade conflict.*

Keywords: *import tariffs, intellectual property, trade discrimination, WTO, balance of payments deficit, investments, dumping, trade war.*

Vladimir KONDRATEV**THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION AND GLOBALIZATION**

Abstract. *The article analyses the future and impact of the new digital technologies known as Industry 4.0, in comparison with existing technologies. The author considers how the additive manufacturing technology of 3D printing and other new technologies could reconfigure global value chains. Broader adoption of these technologies could modify the trend towards global specialization of production systems, facilitating geographical diversity and closeness to the end-users (localization).*

Keywords: *additive manufacturing; 3D printing; global value chains; globalization; regionalization.*

Petr YAKOVLEV

GLOBAL OIL MARKET: CONFLICTING TRENDS

Abstract. *The current situation in the oil markets reflects the complex and contradictory nature of the global energy sector evolution. Despite enormous efforts to develop alternative energies, the fossil fuels, and oil and natural gas in the first place, have remained (and will remain for decades to come) the main sources of global energy consumption. It is not accidental that the oil industry has been in the midst of geopolitical conflict as well as a subject of sanctions and restrictions. In that context a scientifically based evaluation of its current situation and future development is becoming particularly important.*

Keywords: *world economy, petroleum industry, oil industry, fall in raw material prices, Russia and OPEC, sanctions pressure.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»

2018

№ 2 (14)

(апрель – июнь)

E-journal «Perspectives and prospects»

2018

№ 2 (14)

(April – June)

journal.perspektivy.info

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки Ирина Гортинская

Дизайн-макет Ирина Гортинская

Техническое редактирование и компьютерная верстка Ирина Гортинская

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

127051, Москва, ул. Долгоруковская, д. 33, стр. 2

тел./факс: +7(495)789 80 87